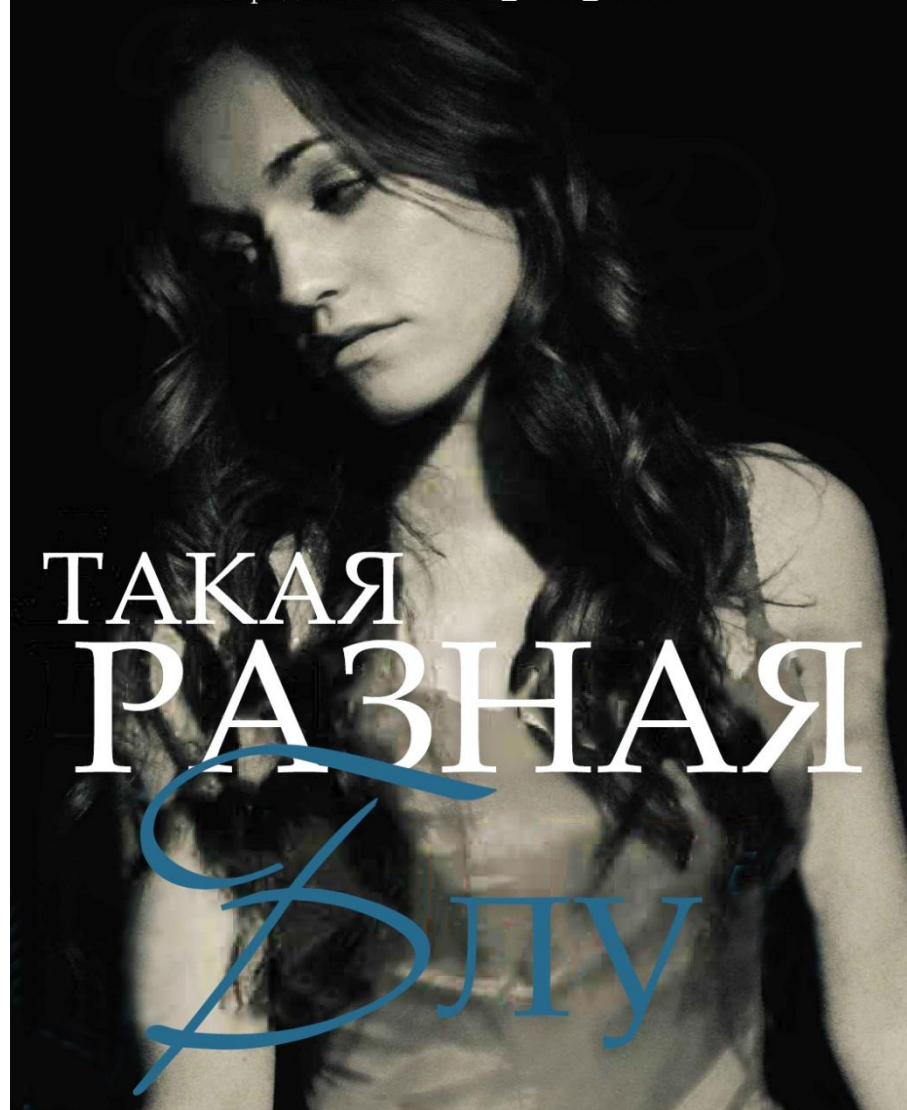

Бестселлер по версии New York Times

ЭМИ ХАРМОН

https://vk.com/romantic_books_translate

Внимание!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.
Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.
Эта книга способствует профессиональному росту читателей.
Любое коммерческое и иное использование материала,
кроме предварительного ознакомления, запрещено.

Оригинальное название: Amy Harmon "A Different Blue"

Название на русском: Эми Хармон "Такая разная Блу"

Перевод: Ирина Шапочкина

Вычитка: Настя Свидзинская, Ксюша Манчик

Обложка: Вета Светлова

Переведено специально для группы:

https://vk.com/romantic_books_translate

Любое копирование без ссылки

на переводчика **ЗАПРЕЩЕНО!**

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Блу Ичхоук не знает, кто она. Не знает своего настоящего имени или того, когда она родилась. Когда ей было два года, родители отказались от девочки, воспитывал ее какой-то бродяга. До десяти лет Блу не ходила в школу. Сейчас ей девятнадцать, большинство ее ровесников уже учатся в колледже или как-то иначе двигаются дальше по жизни, а она только в выпускном классе школы. Без матери, без отца, без веры и без будущего. Блу Ичхоук, мягко говоря, трудная ученица. Грубая, жесткая и при этом откровенно сексуальная. Она полная противоположность молодому британскому учителю, у которого хватило решимости принять этот вызов и взять смутьянку под свое крыло. Это история негодницы, становящейся личностью. История невероятной дружбы.

История, в которой надежда способствует исцелению и искуплению и становится любовью. Но когда ты не знаешь, кто ты на самом деле, влюбленность только все усложняет. Любить человека, который точно знает, кто он и почему не может ответить тебе взаимностью, невыносимо.

Пролог

Август, 1993 год

Стояла невыносимая жара, и маленькую девочку положили на заднее сидение. Ее лицо пылало, а одеяльце, в которое она была завернута, съехало, и теперь малышка прислонялась щекой к пластиковому сидению. Она спала, казалось бы, довольно крепко. Для своих лет девочка была на удивление спокойным ребенком. Мать малышки опустила стекло в машине, но это только усугубило ситуацию, так как, едва скрывшись, солнце вскоре появилось вновь и залило салон своими ослепительными лучами. Темнота стала бы спасением, несмотря даже на жару в 30 градусов снаружи, кроме того, она сделала бы её менее заметной. Кондиционер работал на полную мощность на протяжении всего пути, но вот уже около двух часов они вынуждены были стоять в слабой тени, наблюдая за большим грузовиком, и ждать, когда появится водитель.

Женщина нервно постукивала ногтями по рулю, размышляя над тем, не вернуть ли всё обратно. Что она скажет ему? Но ей и впрямь нужна помощь. Тех денег, что она одолжила у матери, едва ли хватит надолго. Родители Итана дали ей 2000 долларов, но расходы на бензин, ночлег и еду быстро опустошили её карманы. Поэтому она сделала кое-что, чем совсем не гордилась, но она была довольно практичной и понимала, что у неё просто не было другого выхода. Теперь у неё есть дочь. И она должна заботиться о ней, даже если ей придется заниматься сексом за деньги. «Или... связаться с наркотиками», — шепнул внутренний голос. Но женщина поспешно отогнала от себя мысль, не позволив себе даже на минуту задуматься об этом. Ей нужен был другой план.

Она приехала издалека и не могла поверить, что совсем скоро будет дома. Всего лишь несколько часов и все.

Её размышления были прерваны его появлением. Он подошел к грузовику и достал из кармана ключи, чтобы открыть кабину. Вдруг откуда ни возьмись появился черно-серый пес, который, по-видимому, все это время спал под машиной, ожидая — точь-в-точь как она — возвращения хозяина. Пес путался в ногах у мужчины, пока тот дергал дверную ручку. Она услышала, как он сердито бормочет себе под нос:

— Дурацкая ручка! Давно нужно было поменять её.

Наконец ему удалось открыть дверцу кабины. Пес тут же запрыгнул в салон, очевидно чувствуя себя здесь полноправным хозяином. Водитель грузовика захлопнул дверь за питомцем и еще раз подергал ручку. Он не видел, что она наблюдает за ним. Обойдя машину, он открыл дверь с водительской стороны, сел за руль и не торопливо стал выезжать со своего парковочного места, которое занял несколько часов назад. Его взгляд скользнул по ней, когда он с грохотом сдавал назад, не останавливаясь и не мешкая. Как же это похоже на него. Ни повторного взгляда. Ни единой мысли. Женщина почувствовала, как внутри неё закипает гнев. Она устала быть отверженной, незаметной и незначимой.

Едва он отъехал, она медленно тронулась с места, следуя за ним на безопасном расстоянии, чтобы не вызвать лишних подозрений. С другой стороны, с чего бы им вообще появиться? Он ведь даже не знает о её существовании. А значит, она может ехать за ним хоть всю ночь, если потребуется.

5 августа, 1993 год

На часах было почти четыре, когда в участке раздалась трель телефонного звонка. Офицер Муди, чья смена как раз подходила к концу, был страшно раздражен этим фактом. Однако трубку все-таки взял, внимательно выслушал звонящего и через несколько минут выехал на место происшествия в унылый мотель под названием «Безбилетник». Муди прожил в городе Рино всю свою жизнь, поэтому лучше других знал, что «Безбилетник» едва ли можно назвать подходящим местом для ночлега.

На подъезде к мотелю полицейский услышал вой сирен. Очевидно, женщина, с которой он разговаривал накануне, сделала несколько телефонных звонков.

Весь вечер у офицера страшно болел живот. Всеми виной было съеденное на завтрак буррито. Ему определенно нужно было домой, да побыстрее. Поэтому Муди от души надеялся, что работник ресепшена ошиблась и никакой опасности нет.

Но она не ошиблась. Наверху, в комнате номер 246, обнаружили труп женщины. То, что она мертва, было ясно как божий день. Стоял август, и усопшая, вероятнее всего, находилась взаперти около 48 часов. Август в Рино, штате Невада, всегда был жарким и душным, поэтому труп подгнил и источал отвратительный запах. Офицер Муди почувствовал, что с минуты на минуту буррито попросится наружу, поэтому поспешно вышел из комнаты, предупредив фельдшеров, что их помощь не понадобится. Босс оторвал бы ему голову, пусть Муди кого-то на место преступления. Поэтому офицер решил, что лучше закрыть номер, и сообщил портюе, что в этом деле будет разбираться полиция и что девушка со своей стороны должна будет оказать помощь следствию. Затем Муди позвонил боссу.

— Мартинез? У нас тут труп женщины. Я ничего здесь не трогал. Мне понадобится помощь.

Через час в мотель прибыл полицейский патруль. Пока криминалист изучал место преступления, а полиция опрашивала постояльцев и работников, босс Муди, детектив Энди Мартинез, просматривал записи с камер наблюдения, удивляясь, что в «Безбилетнике» вообще оказалась такая вещь, как камера. Оставалось дожидаться следователя.

Давая показания, работник ресепшена сообщила, что никому не сдавала номер наверху, так как в нем не работал кондиционер. Никто не входил и не выходил из него в течение двух дней. Конечно вызов мастера стоял в планах, но починка кондиционера не была такой уж приоритетной задачей. Никто не знал, как убитая вообще попала в номер без регистрации и оплаты. К разочарованию полиции, «Безбилетник» не был тем местом, в котором хотелось задержаться подольше, а женщина была мертва в течение двух или более дней. Поэтому, скорее всего, те, кто мог что-то видеть или слышать, уже покинули неуютный мотель.

Совершенно разбитый, офицер Муди приехал домой только к восьми вечера. Буррито все еще давало о себе знать, а кроме этого они так и не смогли установить личность убитой. Муди знал, что ничем хорошим это не кончится, и дело здесь было вовсе не в буррито.

6 августа, 1993 год

— Ну что, удалось установить личность убитой? — офицер Муди никак не мог выбросить это дело из головы. Размышляя о нем всю ночь, он так и не сомкнул глаз. Конечно, это дело не имело к нему никакого отношения, ведь патрульный не может возглавлять следствие, но Мартинез был его начальником и мог поделиться подробностями, особенно если расследование велось быстро.

— Следователь взял отпечатки ее пальцев, — ответил Мартинез.

— Ого, и как, что-нибудь нашли?

— Да. У неё было несколько судимостей. В основном дела о наркотиках. Также, мы узнали имя убитой и старый адрес. Ей только что исполнилось девятнадцать, третьего августа у неё был день рождения, — добавил Мартинез.

— Вы хотите сказать, что она умерла в свой день рождения?

— Выходит, что так, если верить следователю.

— Передозировка наркотиками? — офицер Муди не особенно рассчитывал на ответ.

Порой Мартинез мог быть очень немногословен.

— Сначала мы так и подумали. Но ее ударили по затылку.

— Вот дерьмо, — простонал Муди.

Теперь им придется искать еще и убийцу.

— Мы не знаем наверняка, что послужило причиной смерти — передозировка или удар по голове. Но кто-то явно помог ей умереть. В каком же дерьме находилась эта черлидерша...

— Черлидерша? — фыркнул Муди.

— Да, она была черлидершей в школе Саутерн Юта. Так написано в рапорте. Она употребляла экстази на пару со своими подружками по команде. Взята с поличным. Девчонка не угодила за решетку только потому, что была несовершеннолетней. При этом она не продавала наркотики, а раздавала их бесплатно. Мы уже связались с полицией Юты. Они сообщат родственникам.

— Камере видеонаблюдения удалось заснять что-нибудь?

— Да. На записи видно, как убитая проникает внутрь через окно над стойкой регистрации. Портье утверждает, что закрывает все ящики, если ей нужно отойти от стойки, но в этот момент ей стало нехорошо, и она бросилась в уборную.

Муди невольно вспомнил о буррито. Тем временем Мартинез продолжал.

— Девчонка воспользовалась ситуацией и выкрала ключ. Будь это карточка, было бы проще, но ты же знаешь, что в «Безбилетнике» карточки не в ходу. Ресепшионистка сказала, что отложила ключ от 246 номера, так как в нем не работал кондиционер. И девчонка воспользовалась этим. Она прекрасно знала, что может проникнуть в номер незамеченной. Но и это не все. На камере видно, что убитая приехала в мотель на машине, а спустя какое-то время на этой же машине уехал мужчина.

— Но это же здорово! Значит, преступление будет раскрыто в кратчайшие сроки, — обрадовался Муди.

— Похоже на то, — согласился детектив.

7 августа, 1993 год

— Послушайте. — Мартинез поднял вверх руку, призывая присутствующих замолчать. — Только что выяснилось, что у женщины, найденной в мотеле «Безбилетник» в прошлую пятницу, 5 августа, была двухлетняя дочь. У нас есть описание и фото убитой, но нет никаких данных о ребенке и том, была ли дочь с матерью до наступления смерти. Ни на камере, ни в номере не было обнаружено следов ребенка. Семья убитой сообщает, что они не видели их больше года, потому неизвестно, в какой момент мать и дочь разделились.

— СМИ оповещены. Также мы передали информацию в соответствующие органы и в национальную службу уголовных расследований. Нужно отправить на поиски вертолет. Распространите фото и описание убитой так быстро, как это возможно. Ищите тех, кто что-то видел или знает о женщине с ребенком. У нас нет фотографии младенца, но бабушка дала базовое описание. У девочки темные волосы и голубые глаза. Смуглая, хотя отец, предположительно, светлокожий, о чем свидетельствует цвет глаз. Мать девочки умерла пять дней назад, и все мы знаем, какая публика останавливается в «Безбилетнике». Времени нет, нужно действовать быстро. Так что за работу, ребята!

Глава 1

Дерзость

Сентябрь, 2010 год

Звонок прозвенел больше десяти минут назад, но мне не было до этого никакого дела. Честно говоря, я вообще не понимала, почему это должно меня хоть как-то волновать. Все равно в первый учебный день в школе не бывает ничего важного. Сегодня преподаватели не отмечают опоздавших и не кричат на тебя перед всем классом. Учебный

день подходил к концу, и мои мысли унеслись далеко-далеко за пределы школьных стен, к высоким горам и жарким пустыням. А в какой-то момент мне и вовсе показалось, что я чувствую запах леса. С большой неохотой я вернулась в реальность и расправила плечи. Мне необходимо было произвести впечатление, когда я появляюсь в классе, в поисках которого я и находилась, отчасти потому, что мне нравилось внимание, а отчасти потому, что я знала: если мне удастся выглядеть внушительно, никто не станет ко мне соваться. Ни учителя, ни глупые девицы, мечтающие подружиться с тобой «на веки вечные», никто, кроме парней, которые будут волочиться за мной и тут же окажутся рядом, стоит мне только свистнуть.

Я слегка взбила свои длинные черные волосы, придав им немного объема, и вошла в класс. Я была ярко накрашена, а мои джинсы так сильно облегали тело, что доставляли крайнее неудобство, однако я взяла привычку сутулиться, что несколько облегчало ситуацию. Выдув из жвачки пузырь, я приподняла бровь и презрительно обвела взглядом класс в поисках свободного места. Все присутствующие тут же уставились на меня, поэтому я прошла к среднему ряду и уселась за парту точно посередине. Черт. Вот она обратная сторона опозданий. Я сняла пиджак и бросила на пол рюкзак. Я даже не посмотрела в сторону нового учителя, чей голос стих, стоило мне появиться. Несколько учеников захихикали, и я послала презрительную усмешку в их сторону. Потом все стихло. И я, наконец, огляделась по сторонам, прислушиваясь к глубокому и напряженному дыханию учеников.

— Продолжайте, — буркнула я, снова встряхнув волосами.

На классной доске большими буквами было написано имя учителя — мистер Уилсон. Я взглянула на своего нового преподавателя. Он тоже изучал меня взглядом, чуть приподняв бровь и изогнув рот в слабой усмешке. Черные давно не стриженные волосы были заправлены за уши и спадали на лоб. Видимо, он старался пригладить их, но «швабра» на его голове, очевидно, не поддавалась укладке. Я подняла брови и постаралась не рассмеяться в голос. Он выглядел как студент. Если бы не галстук и застегнутая на все пуговицы рубашка, я бы подумала, что он помощник учителя.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он.

У него был британский акцент. Интересно, что этот парень с британским акцентом забыл в Боулдер-Сити, штата Невада? Он обращался ко мне крайне дружелюбным тоном и его, казалось бы, не беспокоило мое явное неуважение. Мистер Уилсон взглянул на список учеников, висевший на доске по правую руку от него:

— Ты, должно быть, Блу Ичхоук? — спросил он приглушенно с выражением недоумения на лице. Мое имя всегда сбивает людей с толку. У меня черные волосы и ярко-голубые глаза. Это странное сочетание отличает меня от индейцев, к которым я принадлежу.

— А вы, должно быть, мистер Уилсон? — парировала я.

В классе послышались смешки, а мой новоиспеченный преподаватель улыбнулся.

— Абсолютно верно, Блу. И как я уже сказал ранее твоим одноклассникам, ты можешь называть меня просто Уилсон. За исключением случаев, когда ты опаздываешь или ведешь себя неуважительно, как сейчас. Тогда я вынужден настаивать на «мистере», — добавил он мягко.

— Что ж, в таком случае, мне стоит всегда называть вас мистер Уилсон, потому что я всегда опаздываю и всегда веду себя по-хамски. — Я широко улыбнулась ему.

Мистер Уилсон пожал плечами.

— Увидим.

Он задержал на мне взгляд на долю секунды. Его серые глаза были немного грустными и делали его похожим на одну из тех собак, что преданно смотрят на тебя влажными глазами. Это снова вызвало во мне смех. Я вздохнула поглубже, чтобы сдержать его. Я знала, что этот предмет мне не понадобится. История была последней в списке моих любимых предметов. А история Европы и того хуже.

— Литература — мой самый любимый предмет, — начал мистер Уилсон, наконец отводя от меня взгляд. Отчего-то он произнес слово «литература» по слогам: ли-те-ра-ту-ра. Я приняла удобное положение и хмуро уставилась на молодого профессора.

— Вы, должно быть, спросите меня, почему в таком случае я преподаю историю?

Не думаю, что кому-то в классе было до этого дело, однако его британский акцент завораживал. Тем временем мистер Уилсон продолжал:

— Но если задуматься, какое сходство есть между литературой и тем предметом, который я преподаю?

— Истории? — подал голос какой-то энтузиаст позади меня.

— Точно! — кивнул мистер Уилсон. — Как и в самых захватывающих литературных произведениях, история рассказывает нам об удивительных событиях и удивительных людях. Еще мальчиком я обнаружил, как тесно связаны между собой эти дисциплины. Сухие исторические факты оживают под влиянием литературы. Она же придает событиям, произошедшим в то или иное время, особое очарование и позволяет почувствовать себя их полноправным участником. Передо мной стоит задача расширить границы вашего восприятия и показать вам, что история — это нечто большее, чем простое перечисление дат. Обещаю не быть занудным, если вы пообещаете не шуметь на моих уроках и внимательно слушать.

— Интересно, а сколько вам лет? — послышался чей-то насмешливый голос.

— Эй, мы же не в книжке о Гарри Поттере, — фыркнул другой парень, сидящий в конце класса. Послышались смешки, а уши мистера Уилсона покраснели. Однако он проигнорировал вопрос и насмешку и стал раздавать ученикам листки бумаги. По классу прокатился всеобщий стон. Листки означали работу.

— Взгляните на эти листы, — попросил профессор, закончив раздачу. Затем он снова прошел в начало класса и прислонился к доске. Какое-то время он стоял молча, выжидая, когда в помещении воцарится тишина.

— Перед вами чистые бланки. На них ничего не написано. На них не стоят ничьи инициалы. Но у каждого из вас наверняка есть своя собственная история. История вашей жизни.

Несколько учеников согласно кивнули. Я же посмотрела на часы: еще полчаса, и я смогу, наконец, избавиться от этих джинсов.

— Итак, у вас есть какая-то история. И я хочу узнать её. Я хочу узнать ВАШУ историю. Я хочу узнать вас. Поэтому в оставшееся время я попрошу вас написать её. Не старайтесь сделать все идеально. Мне не нужны витиеватые предложения и сложные слова. Пишите правдиво. Пишите так, как чувствуете, и только то, что считаете нужным. Я соберу работы в конце урока.

Заскрипели стулья, задвигались молнии на рюкзаках, класс наполнился недовольным бормотанием. Я же склонилась над своим бланком. Нежно погладив белую поверхность, я представляла, как на ней появляются голубые горизонтальные линии, тянущиеся от кончиков моих пальцев. Мне нравилось прикасаться к бумаге, ощущая кожей её невероятную гладкость, и посему я не видела смысла в том, чтобы марать её никому не нужными каракулями. Положив голову на парту, я прислонилась щекой к чистому листу и глубоко вздохнула. Бумага пахла чистотой с тонкой ноткой древесных опилок. Я позволила себе вдоволь насладиться этим ароматом, представляя, что бумага под моей щекой покрыта красивой резьбой и что я любовно поглаживаю её, касаясь каждой выемки и каждого изгиба. Было бы преступлением осквернить ее. Так же, как было бы преступлением испортить прекрасный чистый лист. Подумав так, я выпрямилась и вновь посмотрела на бланк. Мне не хотелось рассказывать свою историю. Хотя Джимми говорил, что если хочешь что-то понять, нужно узнать все об этом предмете. Но в ту минуту он говорил о дроздах...

Джимми любил птиц. У него был талант к резьбе по дереву, но его настоящей страстью всегда были птицы. У него имелся бинокль, с которым он обычно забирался

куда-нибудь повыше и наблюдал за пернатыми, описывая все, что видит. Джимми говорил, что птицы — это посланники и что, если присмотреться к ним повнимательнее, можно многое узнать. Например, о перемене ветра, надвигающемся урагане или изменениях температуры. По его словам, птицы умели даже предсказывать опасность.

Когда я была маленькой, Джимми частенько брал меня с собой. Но наблюдение за птицами для такого активного ребенка, как я, было крайне сложным и скучным занятием. Поэтому, когда я подросла, Джимми стал совершать свои вылазки самостоятельно, оставляя меня одну в нашем лагере. Мне же больше по душе была резьба по дереву.

Мне было семь или восемь, когда я впервые узнала о пристрастии Джимми к птицам. Мы были на юге Юты. Я запомнила, потому что Джимми тогда сказал:

— Интересно, что он делает в этих краях? — Он замер в удивлении, уставившись на невысокую сосну. Проследив за его взглядом, я заметила среди ветвей крохотную черную птичку. Я не увидела в ней ничего особенного. Это была просто птица угольно-черного цвета. В ней не было ничего, вызывающего восхищения.

— Подумать только, это же евразийский дрозд. Таких не встретишь в Северной Америке. Вот это да, — бормотал Джимми, наблюдая за птицей в свой бинокль. — Он улетел так далеко от дома... или, может, сбежал, откуда-то поблизости?

Я тоже перешла на шепот, боясь спугнуть птицу, отчего-то вызвавшую в Джимми столько восхищения.

— А где обычно водятся дрозды?

— В Европе, Азии, Северной Африке, — объяснил Джимми, не отрываясь от желторотой птички. — А еще в Австралии или Новой Зеландии.

— А как ты понял, что это самец?

— Потому что у самок нет таких глянцевых черных перьев. Они не настолько красивы.

Дрозд вполне осознанно посмотрел на нас своими маленькими желтыми глазками. После чего без лишней суеты расправил крылья и улетел. Джимми следил за его полетом до тех пор, пока птица не скрылась из виду.

— Его крылья такие же черные, как твои волосы, — сказал Джимми, наконец отворачиваясь от птицы, встреча с которой так разнообразила наше утро. — Может, и ты точно такая маленькая птичка, улетевшая далеко-далеко от дома.

Я взглянула на наш фургон, стоящий среди деревьев.

— Но мы не далеко от дома, Джимми, — удивленно произнесла я. Наш дом переезжал вместе с нами.

— Черные дрозды не приносят несчастья, как, например, вороны или другие птицы черного цвета. Но узнать их тайну не так-то просто. Они хотят, чтобы мы изучали их. Переняли их мудрость.

— И как же нам сделать это? — нахмурилась я, не понимая, что он имеет в виду.

— Для этого нам нужно узнать их историю.

— Но это же птица. Как я смогу узнать её историю? Она же не умеет говорить. — Как и любой ребенок, я восприняла его слова буквально. Было бы здорово, если бы дрозд рассказал мне свою историю. Он мог бы стать моим питомцем и рассказывать мне истории хоть каждый день. И я бы перестала просить об этом Джимми.

— Сначала ты должна понять, что именно хочешь знать. — Джимми посмотрел на меня сверху вниз. — Ты должна уметь слушать и наблюдать. И тогда ты обязательно узнаешь о нем все, что нужно. Ты начнешь понимать его. И он расскажет тебе свою историю.

Я взяла ручку и зажала её между пальцами.

«Однажды давным-давно...» — написала я, выбрав такое начало исключительно из желания выпендриться. Как будто моя история была сказкой. Улыбка тут же исчезла с моего лица.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда...» — продолжала я.

В моей голове тут же возник образ. Длинные черные волосы. Тонкие губы. Вот, пожалуй, и все, что я помнила о своей матери. Я дополнила тонкие губы вежливой улыбкой. И перед моими глазами встал совершенно другой образ — образ Джимми. Воспоминать о нем было еще больнее. Я направила свой внутренний взор на его руки. Вот его смуглые, до боли знакомые руки держат рубанок, легко скользящий по деревянному бруску. Кудрявые стружки падают к его ногам, опускаясь рядом со мной, на пол. Стружки витают в воздухе, и я закрываю глаза, представляя, что это маленькие феи кружат вокруг меня, вовлекая в свою веселую игру. Мне нравилось вспоминать об этом. И о том, как Джимми держал мои маленькие ручки в своих, помогая снимать толстую кору со старого ствола. Он говорил о том, что в этом деле нужно быть очень аккуратным. И всякий раз, когда я вспоминаю о его тихом размеренном голосе, я позволяю себе вернуться обратно во времени, в день, когда нашла ветку мескитового дерева (*прим. переводчика — Дерево жизни в Бахрейне — это самое одинокое дерево в мире. Мескитовое дерево расположилось на самой высокой точке бесплодной пустыни Бахрейна в сотнях километрах от других природных деревьев. Считается, что его корни протягиваются на несколько десятков метров до водоносных слоев. Точный возраст дерева неизвестен, но предполагается, что ему больше 400 лет*). Она была настолько тяжелой, что мне не под силу было сдвинуть её с места, поэтому пришлось загрузить её в кузов грузовика. Мне не терпелось заглянуть под твердую кору. И эти воспоминания были настолько реальными, словно отсохшая ветка мексиканского дерева все еще лежала передо мной. Сколько всего я могла бы из неё сделать...

И тут прозвенел звонок. Ученики зашумели, а я вынырнула из воспоминаний и взглянула на свой бланк. Моя жалкая история явно требовала усовершенствования.

— Сдайте работы и, пожалуйста, убедитесь в том, что они подписаны. Иначе я не смогу их оценить.

Через десять секунд класс опустел. Мистер Уилсон попытался сложить беспорядочно разбросанные по столу работы в аккуратную стопку. Первый учебный день подошел к концу. Внезапно историк заметил меня, все еще сидящую на своем месте.

— Эм-м-м... мисс Ичхоук?

Я резко выпрямилась и, скомкав лист, швырнула его в мусорное ведро под доской. Лист пролетел мимо, но я не собиралась поднимать его. Вместо этого я схватила рюкзак и пиджак, который, к слову, был совершенно лишним в такую жару, и, даже не взглянув на нового учителя, направилась к выходу.

— До скорого, Уилсон, — небрежно бросила я на прощание.

Мэнни ждал меня на студенческой парковке возле моего грузовика. При виде его я едва не взвыла от досады. Мануэль Джорд-Ривас Оливардес или Мэнни жил вместе со мной в общежитии. Он и его младшая сестра приютили меня. Они напоминали мне бездомных кошек, что ходят вокруг тебя дни и ночи напролет, пока ты не уступишь и не накормишь их. Но стоит тебе один раз покормить их, и ты уже не можешь от них отвязаться. Они официально становятся твоими кошками.

Именно такой была жизнь с Мэнни и Грасьелой. Они все время требовали моего внимания. И считали, что принадлежат мне, и я никак не могла убедить их в обратном. Мэнни было шестнадцать, а Грасьеле четырнадцать. Оба хрупкие с правильными чертами лица, эти двое были невероятно милы и оттого чертовски раздражали.

До общежития шел школьный автобус, и я была уверена, что мама Мэнни прекрасно осведомлена об этом и, более того, позаботилась о том, чтобы её дети на нем ездили. Я думала, что все изменится теперь, когда Грасьела пошла в старшую школу. Но видимо, я ошиблась. Мэнни ждал меня около машины с широченной улыбкой на лице и кучей книг.

— Привет, Блу! Как первый день? Выпускной класс, детка! Бьюсь об заклад, ты станешь королевой в этом году! Потому что королевой может стать только самая красивая девчонка в школе, а это определенно ты, Блу.

Как мило и как мерзко. Мэнни выдавал тысячу слов в минуту, при этом немного шепелявя. Возможно, дело было в его латиноамериканском акценте, но мне думается, что это не так.

— Привет, Мэнни. Почему ты не поехал на автобусе?

Улыбка Мэнни слегка померкла, и я почувствовала неловкость. Он же только пожал плечами.

— Я знаю, знаю. Я сказал Глории, что мы с Грасьелой поедem на автобусе. Но... мне так хочется поехать домой с тобой. Ты уже видела нового преподавателя истории? Он вел у меня урок, и я уверен, что он самый классный учитель из всех, кого я когда-либо знал. И самый милый тоже.

С недавних пор Мэнни стал называть свою мать исключительно по имени — Глория. И это обстоятельство, в общем-то, не особенно меня трогало. Но вот называя мистера Уилсона милым, Мэнни явно перегибал палку. Правда, он мог говорить о ком-то другом. Может быть, в школе два новых учителя истории?

— У него классный акцент. Хотя сначала я с трудом его понимал.

Мэнни изящно опустил на пассажирское сидение. Я немного переживала за малыша. Он явно был намного женственнее меня.

— Интересно, что он тут делает? Иви и Габи считают, что он из МИ-6 ну или что-то типа того.

У Мэнни была куча подружек. Девчонки любили его за безобидность и веселый нрав. Поэтому я только диву давалась, почему он не ездит на автобусе. Ведь отсутствие друзей — это точно не про него.

— Какой еще, нахрен, МИ-6? — огрызнулась я, стараясь объехать машины, выезжающие с парковки. Одна из них едва меня не подрезала, я резко затормозила и, высунувшись из окна, показала водителю средний палец. Мэнни деликатно взял меня за руку, успокаивая.

— Мэнни, отвали, хорошо? — резко произнесла я, сбрасывая его руку. Однако моего приятеля это нисколько не смутило.

— Ты не знаешь, что такое МИ-6? Это же Джеймс Бонд! Детка, тебе определенно стоит больше интересоваться такими вещами.

— Ну что за ерунда? — засмеялась я.

— Он британец, он горяч и молод, — перечислил Мэнни, загибая пальцы. — Кто он, если не Джеймс Бонд?

— Ты всерьез думаешь, что он горяч? — с сомнением спросила я.

— Еще как. Эдакий сексуальный библиотекарь.

— Боже, Мэнни! Он же не женщина...

— Ладно, сексуальный профессор... У него сексуальный взгляд и буйные кудри и накачанные плечи... Красавчик под прикрытием. Истинный шпион. Ты работаешь сегодня?

Очевидно, Мэнни решил, что привел достаточно доказательств в пользу того, что мистер Уилсон шпион, и поэтому сменил тему.

— Сегодня понедельник. А в понедельник я всегда работаю, Мэнни.

Я знала, что он не отстанет от меня.

«Перестань подкармливать котят», — строго напомнила я себе.

— Как же хочется кесадильи... ох, я, должно быть, самый голодный в мире мексиканец.

Мэнни сделал ударение на последнем слове. Еда была единственной темой, обсуждая которую он упоминал о своей этнической принадлежности.

— Надеюсь, Глория сходила в магазин перед уходом. Иначе нам с младшей сестричкой снова придется есть рамен, — грустно вздохнул он.

Мэнни был единственным мужчиной в доме. А это означало, что он должен был заботиться о Грасьеле, что он и делал с большим удовольствием. Даже если для этого ему приходилось перекладывать всю ответственность на меня. Я подрабатывала в кафе у Бева в ночную смену и хотя бы раз в неделю обязана была приносить в дом какую-нибудь еду для Мэнни и Грасьелы.

— Ладно, ладно. Я прихвачу с работы кесадильи. Но это в последний раз, Мэнни. У меня и так небольшая зарплата, — строго предупредила я. Мэнни просиял от радости.

— А я постараюсь раздобыть для тебя мескит, — горячо пообещал он. Я согласно кивнула, и мы пожали друг другу руки.

— Договорились.

Дядя Мэнни — Сил — работал в лесной инспекции. Следил за тем, чтобы государственный заповедник содержался в порядке и чистоте. Поэтому в его распоряжении было много мескита. Время от времени Сил привозил для меня древесину, чтобы я могла заниматься резьбой по дереву. От одной мысли об этом у меня потекли слюнки.

— Но за это придется заплатить, — невинно сказал Мэнни. — Например, приносить ужин по понедельникам в течение месяца?

Я только посмеялась над его навыками ведения переговоров. Но мы оба знали, что я соглашусь на его условия. Я всегда соглашалась...

Глава 2

Яичная скорлупа

Октябрь, 2010 год

В какой-то момент я поняла, что втянулась. Каждый день мистер Уилсон рассказывал нам что-то новое. Чаще всего это были истории о женщинах или истории, рассказанные от лица женщин. Не знаю уж, что послужило причиной моего внезапного интереса: то ли любовь молодого преподавателя к своему предмету, то ли его классный акцент, то ли возраст. Девчонки не переставая велись вокруг него, а парни смотрели на него с восхищением, точно мистер Уилсон был рок-идолом, который по счастливой случайности оказался в наших краях. Он был главной темой для разговоров в школе, местной сенсацией, диковинкой, мгновенно полюбившейся окружающим. И диковинкой, надо сказать, невероятно притягательной, если вам нравятся буйные кудри, серые глаза и британский акцент. Хотя я изо всех сил старалась убедить себя в обратном. Он определенно был не в моем вкусе. И тем не менее, каждый раз я ловила себя на том, что с нетерпением жду последнего урока и что привлекательность мистера Уилсона слегка сбивает меня с толку.

Мистер Уилсон уделил особое внимание Древней Греции. И в течение последнего месяца мы разбирали эпические сражения, читали философские трактаты, говорили об архитектуре и искусстве. Но сегодня молодой преподаватель посвятил урок греческим богам. И мне пришлось признать, хоть и неохотно, что это было довольно захватывающе. Но, само собой, я не могла упустить возможности выступить с критикой.

— Это не совсем история, — заметила я.

— Возможно, мифы и не являются историческими фактами, но то, что греки верили в них — неоспоримо, — терпеливо пояснил Уилсон. — Греческие боги — одна из составляющих частей истории Древней Греции. И наше знакомство с ними поможет лучше понять произведения Гомера об Илиаде и Одиссее. Многие ученые относят мифы к Микенской культуре, существовавшей с 1700 по 1100 годы до нашей эры. Также бытует мнение о том, что древнегреческая мифология берет свое начало в ближневосточной культуре Месопотамии и Анатолии из-за своего сходства с этой мифологией.

Мы дружно уставились на него всем классом. Его слова не на шутку запутали нас. Уилсон же спокойно посмотрел на наши озадаченные лица.

— Греки связывали все, что видели, с богами, — продолжал он приводить все новые аргументы. — Рассветы, закаты, победы и поражения — все это, по их мнению, зависело от богов. Вера помогала древним грекам наделять смыслом даже те вещи, которые, казалось бы, не имели его. Например, камень странной формы или очень высокое дерево они принимали за замаскированных богов. Поэтому поклонялись им из страха разгневать небожителей. Боги виделись грекам во всем, и все могло послужить доказательством их существования. Войны также вершились во имя богов, а оракулы воздавали им молитвы и вершили их волю вне зависимости от того, насколько странной, жестокой или нелепой она была. Даже штормовые ветры что-то символизировали. Греки связывали их с гарпиями — крылатыми женщинами, подобно ветрам, выхватывающими вещи из рук. Поэтому в штормах и изменениях погоды всегда обвиняли этих крылатых созданий.

— А я думал, что гарпии относятся к миру ведьм, — подал голос прыщавый парень по имени Барт. Я разделяла его мнение, но предпочла дать другим возможность высказаться.

— Согласно греческим мифам, гарпии представляли собой прекрасных женщин с длинными волосами и крыльями. А потом времена изменились, и в Романской мифологии их описывают уже как уродливых монстров с когтями и даже клювами. Ужасные, отвратительные, крылатые женщины. Со временем этот образ прижился. В «Божественной комедии» Данте описывает седьмой круг ада как место, где обитают гарпии. — И мистер Уилсон продекламировал:

Там гнезда гарпий, их поганный след,
Тех, что троян, закинутых кочевьем,
Прогнали со Строфад предвестьем бед.
С широкими крылами, с ликом девьим,
Когтистые, с пернатым животом,
Они тоскливо кличут по деревьям.

— Да, да, Уилсон, мы уже поняли, что у вас прекрасная память на стихи, — с издевкой в голосе сказала я, хотя, по правде сказать, я была ошеломлена. Уилсон рассмеялся, тут же потеряв всю серьезность. Я тоже выдавила из себя улыбку. По крайней мере этот парень умеет посмеяться над собой. Вот тебе раз! Кажется, кто-то был ботаником. Разве нормальный человек станет цитировать Данте наизусть? А его британский акцент только прибавлял мне уверенности в том, что на любой мой вопрос он скоро станет отвечать: "Элементарно, мисс Ичхоук!" Тем временем он продолжал, все еще улыбаясь:

— Отвечая на ваш вопрос, мисс Ичхоук, отмечу, что то, во что мы верим, напрямую влияет на нашу жизнь. На наш выбор, на наши действия и подсознание. Древние греки верили в своих богов, и эта вера наполняла все вокруг. История же написана людьми, которые также во что-то верили, вне зависимости от того, правда это или нет. Соответственно ваша вера поможет вам выбрать нужный путь при создании вашей собственной истории. Может быть, то, во что вы верите, тоже миф? И я сейчас не говорю о религии. Я говорю о тех установках, которые вы себе задаете или задавали так долго, что поверили, будто это правда.

Мистер Уилсон взял со стола стопку бумаг. Раздавая листы, он продолжал:

— Я хочу, чтобы вы поразмыслили над этим. Что если то, что вы думаете о себе или о своей жизни, всего лишь миф, в который вас заставили когда-то поверить?

Уилсон положил передо мной смятый лист бумаги и отошел от парты без каких-либо комментариев. Это была моя история. Та самая, которую я отправила в мусорное ведро в свой первый день в школе. Лист разгладили настолько, насколько это было возможно, но то, что накануне его скомкали, все еще было видно. И этого уже нельзя

было исправить. Никакая прессовка и разглаживание не скроют того факта, что этот лист побывал в мусорном ведре.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда...»

Посмотрев на лист, я добавила еще одно слово: выброшенный.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный».

Точно мусор. И никакие попытки убедить себя в обратном не помогали. Девчонки вроде меня сами зарабатывают себе репутацию. Я сама себя сделала. Я могла бы свалить все на воспитание, но это никак меня не оправдывало перед самой собой. Мне нравились парни, а я нравилась парням. Или им нравилась моя внешность. Думаю, что они имели в виду именно это, когда говорили, что я им нравлюсь, ведь никто, кроме меня, не знает, какая я на самом деле. Да, они меня не знают. Но именно это часть моего очарования. Я сама создала себя. У меня длинные волосы, я ношу одежду в обтяжку и крашусь. И когда кто-то прикасается ко мне или целует меня, я чувствую свою власть, я чувствую себя желанной. Я знала, что некоторые люди обсуждают меня. Я знала, что они шепчутся у меня за спиной. Я знала о том, что парни говорят обо мне. Они называют меня шлюхой. И сказать, что это не так, означало бы солгать. И уподобиться древним грекам с их глупыми богами.

Джимми называл меня синей птицей. Ему нравилось это милое прозвище. Но я не имела ничего общего с синей птицей, я не сияла и не приносила счастье. Скорее уж, я была похожа на гарпию. Крылатую женщину. Ужасный монстр с кривыми и острыми когтями. Только тронь меня, и я утащу тебя в преисподнюю, где подвергну самым страшным пыткам. Но это не моя вина, я такая, какая есть. Шерил забрала меня, когда мне было одиннадцать, и она не особенно разбиралась в детях. В ее жизни не было места для материнства. Большую часть времени её не было рядом, но меня это, в общем-то, устраивало. Правда, когда я была помладше, она следила за тем, чтобы я вовремя ела и шла в постель.

Мы жили в двухкомнатной квартирке на окраине Боулдера, в двадцати минутах езды от Лас-Вегаса. Шерил работала дилером в казино, поэтому днем она отсыпалась, а по ночам проводила время в прокуренных клубах среди игроков, чувствуя себя при этом просто прекрасно. Она всегда с кем-нибудь встречалась. И чем старше она становилась, тем более потрепанных мужчин выбирала. А чем старше становилась я, тем сильнее приковывала к себе их взгляды. Поэтому в какой-то момент наши отношения с Шерил стали довольно напряженными. Я знала, что после окончания школы буду предоставлена сама себе, так как деньги на мое содержание перестанут поступать, когда мне исполнится восемнадцать, а в августе мне будет уже девятнадцать. Так что это был лишь вопрос времени.

Когда урок закончился, я вновь смяла листок и выбросила его в корзину, где ему было самое место. Мистер Уилсон заметил это, но ничего не сказал. Когда я пришла на парковку, обнаружила там Мэнни и Грасьелу, удобно устроившихся на откидном борту моего грузовичка и ведущих оживленную беседу с подружками Мэнни. Я только вздохнула. Сначала Мэнни, теперь Грасьела. Похоже, я стала их персональным водителем. Они так громко хохотали и разговаривали, что у меня тут же разболелась голова. Одна из девушек окликнула группу парней, сгрудившихся вокруг желтой Камеры:

— Брендон! Кого ты пригласил на выпускной? Я пока еще не выбрала партнера, между прочим!

Остальные девчонки активно зашушукались, а Брендон оглянулся в поисках той, что его окликнула. Брендон был младшим братом одного парня, с которым я тусовалась время от времени. Правда, Мэйсон был накачанным и темноволосым, а Брендон — коренастым и светловолосым, оба выглядели чертовски привлекательно. Мэйсон окончил школу тремя годами ранее, а Брендон был в выпускном классе, так же, как и я. Я была

самой старшей среди парней моего возраста, и, хотя большинство из них были достаточно симпатичными, я частенько скучала в их обществе. Вот почему я никогда не стану королевой выпускного бала, несмотря на светлые мечты Мэнни.

— Прости, Сара. Я уже пригласил Брук на прошлой неделе. — Брендон улыбнулся, и его улыбка напомнила мне Мейсона, когда тот пытался быть вежливым. Может быть, стоит позвонить ему? Уже сто лет прошло с нашей прошлой встречи.

— Клевая тачка, Брендон, — подал голос Мэнни, заглушая остальных.

— Э-э-эм, спасибо, чувак. — Брендон поморщился, а его друзья отвернулись.

Я поняла, что настало время вмешаться.

— Мэнни, Грейси, поехали, — сказала я, открывая машину и надеясь, что все собравшиеся вокруг моего грузовика рассосутся, как только я тронусь с места. Я взглянула в зеркало заднего вида. Подружки Мэнни кинулись обнимать его на прощание, взяв с него обещание, что он им напишет. Грейси же, казалось, была глубоко очарована Брендонем и его друзьями, поэтому, когда все разошлись, все еще сидела в кузове. Однако Мэнни быстро затолкал сестру в машину и сел рядом с обиженным видом.

— Мне кажется, я не нравлюсь Брендону, — сказал он, посмотрев на меня.

— Брендон такой сексуальный, — вздохнула Грасьела.

Я же только поглумилась над ними про себя. Чудесно! Брендон был слишком стар для Грасьелы, и дело было вовсе не в возрасте. Грейси была хрупкой и симпатичной, но, к сожалению, совершенно незрелой, как физически, так и морально. Про таких, как она, обычно говорят, что они не от мира сего. Так что даже хорошо, что Мэнни был рядом. В противном случае она бы не смогла выжить в этом мире. К этим двоим можно было применить слово «безмятежный».

— Между прочим, — тем временем разошёлся Мэнни, — друзья Брендона, похоже, тоже меня не переваривают. Но я не понимаю почему. Я же чертовски милый. — Он и впрямь выглядел озадаченным.

— Мэнни, а я? Как ты думаешь, я нравлюсь Брендону? — мечтательно спросила Грейси.

Мэнни ничего не ответил. А я подумала, что настало время дать ему дельный совет.

— Мне кажется, парни не знают, как к тебе относиться, Мэнни. Ты вроде парень, но все время тусуешься с девчонками, а еще ты пользуешься лаком для ногтей и подводкой и носишь мешок...

— Это мешковатая сумка!

— Ладно, пусть так! Но многие ли парни носят такие сумки, да еще и окрашенные во все цвета радуги?

— Это просто рюкзак!

— Ладно. Забудь. Главное, что тебя не понять, Мэнни. То ты отпускаешь комментарии о сексуальности того или иного парня, включая мистера Уилсона, то флиртуешь с капитаншей школьной команды по черлидингу. Ты гей? Или ты натурал?

Ошеломленный моей прямоотой, Мэнни уставился на меня разинув рот.

— Я — Мэнни! — наконец, сказал он, скрещивая руки на груди. — Вот кто я! И я не понимаю, почему должен сдерживать себя, если хочу сделать комплимент симпатичному парню или девушке. Всем нужен позитив, Блу. И тебе тоже следовало бы поучиться этому.

В отчаянии я уткнулась лбом в руль, думая о том, что Мэнни, должно быть, единственный человек во всей школе, который не боится быть собой.

— Ты прав, Мэнни. И поверь мне, я не призываю тебя меняться. Просто хочу объяснить, почему некоторые люди так на тебя реагируют.

— Ты хотела сказать: «Почему у некоторых людей проблемы с принятием?» — Мэнни надулся и уставился в окно.

— Да, и это тоже, — вздохнула я и тронулась с места. Обида Мэнни улетучилась спустя десять секунд, и всю дорогу мы провели за разговорами. Он не умел долго злиться,

за исключением тех случаев, когда кто-то обижал Грасьелу. В эти моменты спокойствие изменяло ему, и он превращался, как шутила его мать, в безумную чихуахуа. Я лишь несколько раз видела Мэнни в гневе, но этого оказалось достаточно, чтобы полностью отказаться от идеи когда-нибудь завести себе чихуахуа. Видимо, указав ему на *его* недостатки, я заслужила не более, чем недовольное рычание, после чего была прощена.

Дома было жарко, как в аду. И пахло, кажется, так же. Запах сигарет и пролитого пива вместе с 33 градусами тепла были не самым удачным сочетанием. Дверь в комнату Шерил была заперта. Меня всегда поражала её способность спать при любых погодных условиях. Вдохнув, я выбросила окурки и вытерла журнальный столик. Похоже, Шерил была не одна. На полу валялись мужские джинсы, бюстгальтер Шерил и ее рабочая блузка. Просто чудесно. Чем скорее я съеду отсюда, тем лучше. Я сняла джинсы, влезла обрезанные штаны и топ и собрала волосы в конский хвост. Затем обула шлепки и вышла из дома через десять минут после возвращения.

За пятьдесят баксов в месяц я снимала за домом небольшое помещение. Оно служило мне мастерской. Здесь стояло два стола, оборудованных пилой, и лежали тонкие листы фанеры. У меня была куча инструментов: молотки и зубила всевозможных размеров, напильники, шлифовальный станок, вентилятор, подающий горячий воздух и сдувающий с рабочего стола опилки. У меня также было несколько проектов, находящихся на разных стадиях разработки: от изготовления комплектующих до предметов декора. Накануне я нашла толстую ветвь мескита и мне не терпелось скорее содрать кору. Большинство людей, работающих с деревом, предпочитают мягкую древесину, так как она податлива и из неё легко выпилить все, что душе угодно. Поэтому никто не любит высекать что-то из мескита, красного дерева или можжевельника. Эти деревья слишком твердые. На западе мескит и вовсе считается сорняком. Чтобы обрубить ветки, недостаточно обычного ножа. Чтобы содрать кору с этого дерева, мне необходимо специальное зубило и молоток. А когда дело сделано, я могу подолгу стоять и смотреть на его обнаженный ствол. Эту привычку я переняла у Джимми.

Джимми Ичхоук был молчаливым малым, порой настолько, что за несколько дней мог не произнести ни слова. Так что было удивительно, что я вообще умела говорить на момент переезда к Шерил. Спасибо тебе, ПиБиС. Когда мне было два года, моя мать — точнее, я предполагаю, что это была она — оставила меня на переднем сидении своей машины и скрылась. Я ничего не помню о ней, за исключением смутных воспоминаний о темных волосах и голубом одеяльце. Джимми был индейцем и практически ничего не имел за душой, кроме старого грузовика и трейлера, в котором жил. Он никогда не задерживался подолгу на одном месте, поэтому у нас никогда не было друзей. Джимми говорил, что у него есть семья в резервации Оклахомы, но я никогда не встречала никого из них. Именно он научил меня тому, как работать по дереву и выживать благодаря этому.

Я проработала в мастерской до вечера и вернулась в дом лишь после того, как убедилась, что Шерил и её загадочный любовник покинули апартаменты.

Глава 3

Лазурь

— Только перейдя через Рубикон, Юлий Цезарь понял, насколько судьбоносным стал для него этот шаг. — Мистер Уилсон посмотрел на нас так, словно они с Цезарем были родственниками, и он перешел вместе с ним через Рубикон только вчера. Я вздохнула и встряхнула волосами, сползая еще ниже на своем сидении.

— Высадка постоянной армии на земли Италии расценивалась как предательство. Сенаторы Рима были запуганы властью Цезаря и его авторитетом. Ведь они хотели контролировать его. Да, безусловно, победа в сражении за Рим и захват кельтов и германцев являлись для них приоритетными задачами, но в то же время они не хотели, чтобы Цезарь стал настолько богатым и могущественным, однако именно это и

произошло. Добавьте к этому политические амбиции римского императора, и вы получите рецепт катастрофы или, по крайней мере, гражданской войны.

Мистер Уилсон расхаживал по помещению, и я с удивлением обнаружила, что ему удалось захватить внимание моих одноклассников. Они не отрывали от него взгляда и ловили каждое его слово. При этом молодой преподаватель не прибегал к помощи книг или шпаргалок. Он просто говорил, словно пересказывал сюжет какого-то фильма.

— У Цезаря были покровители среди власть имущих. Они добывали для него информацию, вели двойную игру и откровенно пытались влиять на сенат. Но сенаторы отказывались принимать участие в этих политических играх. Вместо этого они приказали Цезарю распустить армию и сложить с себя полномочия, иначе будущий римский император будет объявлен врагом государства. Этот термин до сих пор существует в США. Он обозначает человека, совершившего преступление против своей страны. Примером такого преступления является, например, продажа государственных секретов или шпионаж. Как в фильмах про агента 007, только без лоска, гламура и красоток.

Ученики засмеялись, и даже я позволила себе улыбнуться, на мгновение забыв о своей неприязни к мистеру Уилсону.

— Обратите внимание, данную формулировку можно расценивать как политический инструмент по подавлению и запугиванию. Навесьте на кого угодно ярлык «враг государства», и его жизнь кончена. Это все равно, что обвинение в педофилии. И Древний Рим в этом плане не был исключением. Поэтому несложно вообразить себе всю ярость Юлия Цезаря.

— Таким образом, Цезарь привел свое войско к Рубикону. Сегодня уже не установить: была ли это буйная река или спокойный водоем. Но, так или иначе, Цезарь собрал у его берегов всю свою армию и обратился к солдатам. Он сказал: «Никогда не поздно сдаться, но если мы перейдем эту реку, то будем сражаться до последнего».

— Вы, кажется, упоминали о том, что Цезарь был богат, так? Так почему он просто не откупился и не бежал? Послал бы сенат к черту, и пусть бы тот делал все, что ему заблагорассудится, распускал бы армии или захватывал людей, неважно. Они ведь все равно не любили его. Так из-за чего вообще весь сыр-бор? Что он хотел доказать этим? — вопрос сорвался с моих губ так быстро, что я не успела себя остановить. Я почувствовала, как запылали от стыда мои щеки. Ведь до сих пор я никогда не задавала вопросов на уроках.

Мистер Уилсон ничем не выдал своего удивления и поспешил ответить:

— Да, он был богат и могущественен. И вполне мог бы возвратиться в Галию, где жил бы в богатстве и роскоши, поедая виноград до конца своих дней.

Ученики захихикали, а я еще больше вжала голову в плечи. Тем временем мистер Уилсон подошел ближе и остановился напротив моей парты, смерив меня насмешливым взглядом.

— Так почему же он пошел войной на Рим, Блу?

— Потому что он был гребанным выпендренником и хотел стать королем, — тут же выпалила я, стараясь подражать его акценту. Мои одноклассники вновь покатались со смеху. — А еще потому, что он не хотел, чтобы кто-то контролировал или использовал его, — добавила я спокойно, на этот раз без акцента.

— Думаю, ты права в обоих случаях, — мистер Уилсон отошел от моей парты. — В конечном счете Цезарь перешел через реку, воскликнув... и тут я цитирую: «Подчинимся же воле богов и покараем врагов наших, жребий брошен!» Как вы думаете, что это значит? Жребий брошен?

В классе повисла тишина. Конечно же мы знали ответ на этот вопрос, но никто из нас не решался поднять руку.

— Дело сделано. Твоя песенка спета. Что сделано, то сделано. Обратной дороги нет, — прогундосила я скучающим тоном.

— Верно! — обрадовался Уилсон, не обращая внимания на интонацию моего голоса. — Все в руках судьбы. Цезарь перешел через Рубикон, тем самым отрезав себе путь к отступлению. Все мы, конечно же, знаем, что случилось с Цезарем потом? Нет, не мы, я знаю, что произошло с ним дальше.

— Лучший друг и соратник Цезаря организовал заговор против императора, и Юлий в конце концов был убит. Об этом событии хорошо написано у Шекспира в его трагедии «Юлий Цезарь», которую все вы должны будете прочитать, так как в пятницу по ней будет контрольная. — Ученики застонали, но Уилсон лишь улыбнулся. — Я уже говорил вам, что литература очень тесно связана с историей и что рассматривать исторические события через призму литературных произведений намного увлекательнее. Так что не нойте. Когда-нибудь вы поблагодарите меня за это.

Не нойте? Никогда не слышала от него ничего подобного.

— Как вы видите, переход через Рубикон стал судьбоносным событием для римского императора. Великим и одновременно трагическим. Он держал в своих руках огромную власть, но только в самом конце понял, что власть — не более, чем иллюзия. И это приводит нас к третьему раунду, господа. Не стесняйтесь добавлять новые страницы к своей истории. Надеюсь, что впредь книга вашей жизни будет становиться только толще. На первом занятии вы записали свою историю в общих чертах. Сейчас я хочу, чтобы вы взяли какой-то конкретный случай из вашей жизни. Момент, когда вам, как и Цезарю, необходимо было бросить жребий и перейти через свой собственный Рубикон. Я хочу узнать, как это изменило вас. Может быть, это была ситуация, не поддающаяся контролю, или нечто, что произошло с вами, а может быть, это история о решении, которое вы когда-то приняли. Так или иначе, это должно быть какое-то судьбоносное событие.

Один за другим Уилсон стал раздавать листы моим одноклассникам периодически останавливаясь и комментируя ту или иную работу. Я вздохнула, вспомнив, что мой лист был повторно отправлен в мусорное ведро. В классе воцарилась тишина, ученики приступили к работе. Я выдрала из тетради чистый лист, собираясь также приступить к выполнению задания, как вдруг у моей парты возник мистер Уилсон, что страшно меня смутило, так как мой рабочий стол находился у всех на виду.

Он положил передо мной лист бумаги. Я уставилась на него в удивлении. Затем посмотрела на мистера Уилсона и вновь на лист. Это была моя история, изъятая из мусорного ведра. Повторно. Должно быть, историк вытащил её, когда я покинула класс в тот день. Лист снова был разглажен, словно какое-то время его держали под парой увесистых книг. Буквы насмешливо взирали на меня с измятой поверхности.

— Нет смысла бежать от прошлого. Мы не можем отмахиваться от него или притворяться, что его никогда не было, мисс Ичхоук. Все, что мы можем сделать, это извлечь из него уроки. У вас очень интересная история. И я хочу узнать о вас больше. — Он развернулся, чтобы уйти.

— Кажется, вы несправедливы, — огрызнулась я, и тут же пожалела об этом, потому что на меня разом уставилось тридцать пар глаз.

Брови мистера Уилсона взметнулись вверх, он чуть склонил голову на бок и скрестил руки на груди.

— Что вы имеете в виду? — спросил он спокойно. Я ожидала, что он разозлится или влепит мне пощечину. Во всяком случае так поступали мои прошлые преподаватели, когда я не могла сдерживать свои нахальные комментарии.

Я только пожала плечами и засунула в рот жвачку, которую и не думала жевать.

— Вы просите нас обнажить свои души, вывернуть их наизнанку, поделиться своими самыми сокровенными тайнами, но сами ничего не рассказываете о себе. Быть может, я не хочу, чтобы вы знали мою историю.

Ученики затаили дыхание. Все замерли в ожидании, гадая, насколько далеко может зайти Блу Ичхоук. Когда стало понятно, что мистер Уилсон не взорвется, напряжение несколько спало.

— Что же, это и впрямь несправедливо, — согласился молодой преподаватель. — Но я учитель, а это значит, что я даю вам знания, а вы принимаете их. Поэтому не всегда возможна обратная связь, так как мы с вами исполняем разные роли. Поэтому, в силу определенных причин, я не считаю нужным тратить время на разговоры о себе.

— А как насчет 20-ти вопросов? — подал голос кто-то с задних рядов.

— Или игры в бутылочку? — добавил другой голос, и несколько человек захихикали.

— Давайте так. Мы возьмем небольшой перерыв, и я расскажу вам о нескольких ключевых моментах своей жизни. Идет? Тогда мисс Ичхоук убедится, что все справедливо. — Он подмигнул мне, и я с трудом удержалась от язвительных комментариев. Учителю не положено быть таким обаятельным и милым. В конце концов это раздражает. Я презрительно изогнула бровь и отвернулась.

— Я родился в Манчестере. У меня есть две сестры. Одна из них живет в Англии вместе с моей матерью. А старшая, Тиффа, на данный момент проживает в Лас-Вегасе. Именно благодаря ей я сейчас здесь. Мне 22 года. Я закончил то, что здесь называют колледжем, в 15 лет, что по меркам старшей школы достаточно рано.

— Ну ничего себе, какой вы умный, — проявила «блистательную» дедукцию девочка с голосом как у Мерлин Монро. Она пользовалась блестящими ручками и при написании своего имени выделяла каждую букву отдельным цветом, приправляя все это звездочками и сердечками. Про себя я называла ее «Сияшка».

Я громко фыркнула. А мистер Уилсон смерил меня таким взглядом, что я невольно поняла, что пришло время заткнуться.

— Мы переехали в штаты, когда мне было 16 лет, так как здесь я смог поступить в университет несколькими годами раньше. Моя мама англичанка, а отец американец. Он занимал должность врача в Институте рака Хантзмана в Юте. Я окончил университет в девятнадцать. Тогда и произошел первый поворотный момент в моей судьбе. Мой отец скончался. Он хотел, чтобы я стал врачом, как и он. Все мужчины в нашем роду вот уже четыре поколения занимаются медициной. Но я был настолько разбит, что решил пойти другим путем. Я провел два года в Африке в корпусе мира в качестве учителя английского. В этот момент я понял, что мне нравится преподавать.

— А зря, — поспешила вставить свое слово Сияшка. — Доктора зарабатывают много денег. И вы бы выглядели суперкруто в халате врача. — И она смущенно захихикала.

— Благодарю, Крисси, — вздохнул Уилсон, неодобрительно качая головой. Крисси. Так вот, как ее звали? Впрочем, ее имя недалеко ушло от «Сияшки».

— Это первый год моего преподавания в штатах. Ну вот! — Уилсон взглянул на часы. — Уложились в две минуты. Теперь ваша очередь. Вспомните и запишите любой поворотный момент в вашей жизни до конца урока.

Я вперила взгляд в свой измятый листок. Жизнь Уилсона представляла собой аккуратный рядок событий и достижений. Он был умен. С этим фактом не поспоришь. А еще он милый и симпатичный. Из хорошей семьи. Все это... мило. И совсем не похоже на историю моей жизни. Был ли в ней какой-то поворотный момент? Момент, изменивший все? У меня было несколько таких на примете. Но среди них был один особенный, перевернувший мой мир с ног на голову и превративший меня в совершенно другого человека.

Я прожила с Шерил около трех лет, и за все это время от Джимми не было ни слова. Операция по его поиску и спасению была завершена, едва стало ясно, что следов Джимми не найти. Никто не обратил внимания на это обстоятельство. Он был никому неизвестным индейцем. Обычным мужчиной, который, тем не менее, был целым миром для одной маленькой девочки.

Все эти три года я не переставала самостоятельно искать его. Я не остановилась, когда социальные работники отобрали у меня нашего пса Икаса. И тогда, когда неделя

проходила за недель, а от Джимми все еще не было никаких вестей. И тогда, когда Шерил прокуривала меня с ног до головы, а после я отправлялась в школу, вся пропахшая сигаретным дымом, нечёсаная, с грязной головой и полностью одинокая, потому что никто из детей не хотел дружить с такой «странной» девочкой, как я. Никогда я не позволяла себе допустить мысль о том, что Джимми просто-напросто бросил меня. Вместо этого я шла напролом изо дня в день, становясь сильнее и независимее.

Если бы не издевки, я бы, возможно, даже полюбила школу. Ведь мне нравилось находиться среди других детей, а школьные обеды казались настоящим пиром после перекусов в нашем старом трейлере. Мне нравились книги. Учителя хвалили меня и считали умным ребёнком, а я старалась изо всех сил, представляя, как горд будет Джимми, когда я покажу ему книги, которые прочитала, и истории, которые написала. Я записала все истории, которые он когда-то рассказывал мне и которые были так важны для него, а значит, и для меня. И каждый день я не переставала ждать его возвращения.

Однажды вернувшись домой, я наткнулась на работницу социальной службы, поджидающую меня возле двери. Она сообщила мне, что они нашли моего отца. Они обе, Шерил и эта женщина, повернулись ко мне, едва я вошла в дом. Шерил по обыкновению была окружена сигаретным дымом, и я не сразу обратила внимание на напряжённое выражение ее лица и распахнутый рот социального работника. А потом мне все рассказали. Какой-то альпинист нашел человеческие останки в одном ущелье. Он тут же обратился в соответствующие органы, и те провели экспертизу. Как выяснилось позже, это были останки Джимми. Он упал с большой высоты. Неизвестно, что послужило причиной смерти: травмы, полученные при падении, или то, что он не смог выбраться из ущелья. В кармане его брюк был найден бумажник, который и помог установить его личность.

Когда работник социальной службы ушла, я отправилась к себе в комнату и легла на кровать. Я обвела помещение взглядом. Я всегда старалась содержать его в чистоте и порядке. Но никогда не чувствовала себя здесь как дома. Это была квартира Шерил, и именно она была хозяйкой этой комнаты. Я собрала вместе детали, которые Джимми не успел доделать из-за своего исчезновения. Они хранились в углу комнаты, собирая пыль. А под кроватью я держала его ящик с инструментами. И это были, пожалуй, все вещи, напоминающие о жизни человека по имени Джимми Ичхоук и о моей прошлой жизни. С наступлением вечера я все так же лежала на кровати, уставившись на желтое пятно на потолке, немного похожее на слониху. Я назвала ее Долорес и даже время от времени вела с ней беседу. Внезапно Долорес начала увеличиваться в размерах, как игрушки, которые разбухают стоит только поместить их в воду. Лишь спустя мгновение я поняла, что дело не в слонихе, а в том, что я плачу.

Что-то влажное скатилось по моей щеке и упало на руку, и я с удивлением обнаружила, как комкаю свой листок. Опустив голову, я схватилась за сумку и украдкой вытерла слезы с лица. Достав зеркальце, я проверила не потекла ли тушь. Какая муха меня укусила, черт подери? Поставив сумку на пол, я взяла ручку, решив во что бы то ни стало выполнить задание.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалевав дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь».

Я остановилась, вспоминая. Я дождалась, пока Шерил уйдет на работу, и набрала себе ванну. Полностью раздевшись, я погрузилась в воду, мимолётно подумав о том, что скажет Шерил, увидев мое голое тело. В тот момент оно уже начало меняться, становясь зрелым, и мысль о том, что кто-то может увидеть мои интимные места пошатнула мою решимость совершить то, что я задумала. Но я сосредоточилась на созерцании обшарпанных стен и грязного линолеума. Я мечтала улететь так же, как ястреб, которого я

видела в день исчезновения Джимми. Он прилетел в наш лагерь и сел на сосновую ветку над моей головой. Я затаила дыхание, наблюдая за ним и пытаюсь понять, что он хочет сказать мне. Теперь я знала. Ястреб хотел сказать, что Джимми не вернется. Легкие разрывались от боли, требуя воздуха, но я не обращала на них внимания. Я хотела утонуть, как девушка-звезда из моей любимой истории, и вознестись на небеса, чтобы пуститься в пляс с другими звездами. Может быть, я даже увижу там Джимми.

Внезапно кто-то схватил меня за волосы и вытащил из ванны. Я оказалась на холодном полу, и чья-то рука с остервенением била меня по спине, вызывая во мне приступы кашля.

— Какого хрена ты творишь? Я чуть с ума не сошел от страха! Что ты задумала, мать твою? Или ты уснула? Черт! Я думал, ты мертва!

Рядом со мной опустился бойфренд Шерил — Донни. Я заметила, что он шарит взглядом по моему телу. Поджав ноги, я забилась в узкую щель между ванной и душевой кабиной. Все это время Донни не спускал с меня глаз.

— Ты в порядке? — спросил он, пододвигаясь ближе.

— Уйди, Донни, — приказала я, но из-за нового приступа кашля мой голос прозвучал не так твердо.

— Я просто пытаюсь помочь. — Донни скользил взглядом по моим ногам — единственной части моего тела, которую он мог видеть. Но ведь до этого он видел все. Мне захотелось сжаться до размеров маленько точки, к счастью мои длинные волосы немного прикрывали тело.

— Брось, малышка, — продолжал уговаривать меня Донни. — Думаешь меня интересуют твои спички? Че-е-ерт! Ты похожа на мокрую облезлую птичку — С этими словами он бросил мне полотенце и с тяжелым вздохом, очевидно демонстрирующим всю степень его сочувствия, вышел из ванной комнаты. Я обернулась полотенцем и встала, прислонившись к стене. У меня не было сил на то, чтобы двигаться. Сил не осталось даже на то, чтобы бояться Донни.

Я слышала, как он разговаривает с кем-то по телефону. Возможно, это была Шерил. Тогда она, должно быть, в ярости. Мне запрещалось звонить ей на работу и отвлекать. Я прислонилась головой к шкафчику и закрыла глаза. Захотелось уснуть прямо тут. А потом, когда Донни уйдет, я смогу вновь залезть в ванну и на этот раз осуществить задуманное.

Зазвенел звонок. Я отложила ручку и взяла с пола сумку.

— Оставьте работы на партах. Я соберу их позже, — сказал Уилсон, тем самым спасая себя от перспективы быть закиданным бумагой. Аккуратно собрав листы с других столов, он остановился у моей парты. Я следила за ним, пока он читал одну единственную строчку, написанную мной сегодня. После этого Уилсон перевел на меня вопросительный взгляд.

— Ты не очень-то много пишешь.

— Просто писать не о чем.

— Почему-то я сильно сомневаюсь в этом. — Уилсон вновь взглянул на лист, изучая мои записи. — То, что ты написала, звучит как... легенда. Когда я читаю ее, она заставляет меня задуматься о твоём имени. Ты сделала это намеренно?

— Ичхоук — фамилия человека, который вырастил меня. Я не уверена, что это моя настоящая фамилия.

Я надеялась, что мои слова смутят его. Заставят его испытать неловкость. Я смотрела на него, ожидая реакции.

— Мое первое имя Дарси.

Из моей груди вырвался короткий смешок. Уилсон улыбнулся. Лед между нами треснул.

— Я ненавижу его, поэтому все зовут меня Уилсоном, за исключением мамы и сестер. Так что порой мне кажется, что не знать свое имя к лучшему.

Я немного расслабилась, присев на край парты.

— Почему же мать назвала вас Дарси? Это же все равно что красотка Малибу.

На этот раз настала очередь Уилсона фыркать.

— Моя мать поклонница классической литературы. Она поразительно старомодна. А мистер Дарси — герой романа Джейн Остин — ее самый любимый персонаж.

Я не была знакома с классической литературой, поэтому просто ждала, что он скажет дальше.

— Послушайте, мисс Ичхоук...

— Ох, прошу вас, перестаньте, — простонала я. — Меня зовут Блу. Когда вы обращаетесь ко мне официально, то становитесь похожи на старикашку в галстук-бабочке. Мне девятнадцать. Может быть, двадцать. Я ненамного младше вас. Так что, перестаньте.

— Что вы имеете в виду под *может быть*? — удивленно приподнял брови мистер Уилсон.

— Ну, я не знаю точной даты своего рождения. Так что мне сейчас может быть уже двадцать. Моим днем рождения считался день, когда моя мать бросила меня. Джимми говорил, что на тот момент мне было около двух лет. Но сколько мне было на самом деле никто не знал. Когда я поступила в школу, меня определили в класс на год младше, потому что мне нужно было многое нагнать.

— Ты не знаешь своего настоящего имени... и не знаешь точной даты своего рождения... — глаза Уилсона расширились все больше и больше.

— Поэтому задание написать историю своей жизни при таких обстоятельствах можно расценить как вызов, неправда ли? — Как и прежде злобно ухмыльнулась я.

Уилсон окончательно сдулся, и я почувствовала некоторое удовлетворение от того, что вывела его из равновесия.

— Да, полагаю, что так... — прошептал он наконец.

Не говоря больше ни слова, я обогнула его и направилась к двери. На полпути к лестницам я позволила себе оглянуться. Уилсон стоял в дверном проеме, запустив руки в карманы и смотря мне вслед.

Глава 4

Камень

Я не ходила в школу примерно до десяти. Джимми Ичхоук не задерживался на одном месте достаточно долго. У меня не было ни свидетельства о рождении, ни сертификата о прививках, ни постоянного адреса. И Джимми очень переживал по этому поводу, хотя я тогда и не знала об этом.

Он старался дать мне все самое лучшее и делал это так, как умел. Например, когда я была совсем маленькой, Джимми смастерил для меня пару игрушек из древесины, оставшейся после работы. Одним из моих самых ранних воспоминаний является наблюдение за тем, как он работает. Этот процесс всегда завораживал меня. Я с восхищением смотрела на то, как мнется и изменяется древесина от его прикосновений. Казалось, Джимми всегда знал, каким должен быть конечный результат, точно он мог видеть, что скрывается за твердым слоем коры, точно дерево само вело и направляло его. И когда он останавливался, он садился позади меня и мог просидеть так очень долго, неотрывно смотря на неоконченную скульптуру. И если в этот момент работа и продолжалась в его голове, я все равно никогда не могла разгадать его замыслов. Он жил на деньги, вырученные с продаж его поделок в туристических магазинах, а однажды у него даже состоялась целая выставка. Джимми знал нескольких человек, держащих магазины на западе, и мы ездили от одного к другому, выживая на то небольшое, что удавалось заработать. Да, это не были несметные богатства. Но я никогда не голодала, никогда не мерзла и не припомню ни одного момента, когда я была бы несчастна.

Не зная о том, что бывает по-другому, я никогда не чувствовала себя одиноко. Воспитанная в тишине, я никогда не ощущала потребности чем-то ее заполнить, когда оставалась одна. Бывало, что Джимми оставлял меня на несколько часов, словно хотел немного отдохнуть от возложенных на него родительских обязанностей. Но он всегда возвращался. До того дня, когда его не стало.

Он жил преимущественно в теплых краях — Аризона, Невада, Южная Юта и Калифорния. Это несколько облегчало нашу жизнь. Но в тот день было особенно жарко. Джимми ушел рано утром, бросив на прощание, что будет поздно. Он не стал брать машину, оставил ее около трейлера. У него был пес по имени Икас, что в переводе с индейского означало «черепашка». Икас был медлительным, слепым и спал круглые сутки, так что имя вполне себя оправдывало. В то роковое утро Джимми взял Икаса с собой. Обычно мы с ним оставались вдвоем, но в тот день Икасу пришлось неохотно последовать за хозяином. Я старалась чем-то себя занять. Настолько, насколько могла занять себя десятилетняя девочка, не имеющая компьютерных игр, телевизора или подружек для игр. Я работала с деревом, а Джимми разрешал мне пользоваться его инструментами.

Утро я провела за шлифовкой небольшой лавки, по форме напоминающей змею. Я сама выстругала её, и Джимми сказал, что получилось неплохо и что мы даже сможем выставить ее на продажу. Это был мой первый опыт, и я работала с особым удовольствием, несмотря даже на жуткую жару. Мы остановились в районе горы Чарльстон, к западу от Лас-Вегаса. Хотя Джимми хотел разбить лагерь у Махогани, где росли низкорослые вечнозеленые деревья, не имеющие ничего общего с темным деревом, которое люди привыкли ассоциировать с этим местом. Деревья на горе Махогани красные и твердые. Именно с такой породой всегда работал Джимми.

День клонился к закату. Я почувствовала тревогу, хотя и привыкла быть одна. Когда настала ночь, Джимми все еще не было. Я вскрыла пачку с бобами. Слегка поджарила их и выложила на тортिलьи, которые мы сделали за день до этого. Мне не хотелось есть, но мне нужно было хоть как-то убить время. В конце концов я обнаружила себя рыдающей и проглатывающей еду огромными кусками, почти не пережевывая, так как мой нос был забит, и я не могла дышать.

Однажды Джимми уже оставлял меня одну на ночь. По возвращении домой он вел себя странно и все время спотыкался. Затем он упал на кровать и проспал весь день. Я подумала, что он заболел, и положила холодную тряпку ему на лоб, но он сбросил ее и объяснил, что с ним все хорошо, просто он пьян. Тогда я не поняла, что это значит. Только спросила, когда он встанет. Джимми был очень смущен, извинился и сказал, что алкоголь делает мужчин подлыми, а женщин продажными.

Я долго обдумывала его слова.

— А может ли он делать женщин подлыми? — внезапно спросила я Джимми.

— А? — слабо пробормотал он.

— Алкоголь. Ты сказал, что он делает мужчин подлыми, но может ли он сделать женщину подлой?

Я не знала значения слова продажный, зато знала, что такое подлый, и подозревала, что моя мать была такой.

— Конечно, и подлой, и продажной, — кивнул Джимми.

Его ответ удовлетворил меня. Я думала, что мама бросила нас, потому что я сделала что-то не так. Может быть, плакала слишком громко или хотела того, чего она не могла мне дать. Но возможно причина крылась в алкоголе, который сделал ее подлой. И если это так, то, может быть, в этом нет моей вины.

В ту ночь я все-таки уснула, но спала очень тревожно, стараясь не плакать и без конца убеждая себя, что это снова из-за алкоголя, хоть я и не особенно в это верила. На следующее утро я проснулась от жуткой жары, что бесцеремонно вырвала меня из сновидений, в которых я не была одинока. Я встала, надела шлепки и сощурилась от

палящего солнца. Обойдя лагерь, я пыталась найти признаки того, что Джимми вернулся, пока я спала.

— Джимми, — позвала я. — Джимми!

Я знала, что он не вернулся, но все равно продолжала звать и заглядывала в места, в которых его абсолютно точно не могло быть. Приглушенный визг заставил меня встрепенуться и броситься в том направлении, в котором вчера ушли Джимми с Икасом. Я ожидала увидеть их обоих, но увидела только Икаса, грязного, с опущенной головой, медленно плетущегося в мою сторону. Джимми с ним не было. Я подбежала к псу и схватила его на руки, благодаря небеса за то, что он появился. Я не была крупной, поэтому держать Икаса было довольно тяжело, но я просто не могла позволить ему уйти. Я неловко положила пса в тени навеса и бросилась за его миской, наполнила её теплой водой и дала ему попить. Он поднял голову и постарался опустошить миску из положения лежа. Ему удалось перехватить несколько капель, но этот процесс явно не доставлял ему удовольствия. Тогда Икас попытался встать, но и это далось ему с трудом. Я старалась поддерживать его, пока он пил.

— Икас, где Джимми? — спросила я, видя, как дрожит его тело. Икас печально посмотрел на меня и закрыл мутные глаза. Заскулил, а потом затих. Несколько раз за этот день я думала, что пес умер. Он лежал неподвижно все время, пока я подходила проверить, дышит ли он. Я даже не могла заставить его поесть или попить.

Я прождала еще два дня. Запасы воды практически иссякли. Но все еще была еда. Нам с Джимми приходилось быть экономными, так как из-за постоянных переездов не было возможности часто ходить в магазин. Но здесь мы остановились на неделю, поэтому закупились заранее. Я бы не обратилась за помощью, если бы не Икас. Он почти ничего не ел и не пил, постоянно спал и слабо поскуливал, точно знал что-то о Джимми, но не мог рассказать. На третий день, я погрузила пса в грузовик и села за руль. Я отрегулировала сидение настолько, насколько это было возможно. Для Джимми я оставила записку на кухонном столе в трейлере. Мне совсем не хотелось, чтобы он подумал, будто я сбежала и забрала все его инструменты. Но оставить их без присмотра я тоже не осмелилась. Если бы кто-то пробрался в наш лагерь и украл инструменты, мы бы лишились средств к существованию. Нет денег — нет еды.

В пепельнице лежал чек на двадцать долларов. Для ребенка это казалось огромной суммой. Я знала, как водить машину. Из дома, я прихватила свою подушку. Подложив ее на сидение, я стала немного выше и могла видеть дорогу. Но стоило мне выехать из тихого каньона, в котором мы разбили лагерь, как я едва не столкнулась сразу с несколькими автомобилями. Мой водительский опыт не предусматривал наличие других транспортных средств поблизости. Я не знала, куда именно направляюсь, но что-то подсказывало мне, что, если остановиться на первой заправке и сказать, что мой пес болен, а отец пропал, кто-нибудь обязательно поможет.

Мне удавалось придерживаться прямой траектории, но ровно до тех пор, пока я не заметила красно-синие мигалки позади себя. Я не знала, что делать, поэтому просто ехала. Я постаралась сильнее вдавить педаль газа в пол, надеясь оторваться. Но это не сработало. Кроме того, грузовик начало трясти, как бывало всегда, когда Джимми хотел разогнаться. Поэтому я снизила скорость, надеясь, что, увидев, как я замедляюсь, полицейская машина прекратит преследование. Но стоило мне сбавить темп, как полицейский автомобиль поравнялся со мной. Мужчина, сидящий за рулем, выглядел сердитым и жестом потребовал, чтобы я остановилась. Я послушалась и нажала на тормоз. В это время другая машина с мигалками подъехала ко мне с другой стороны.

Я вскрикнула, внезапно поняв, что совершила серьезную ошибку. Икас даже не пошевелился, но я продолжала успокаивать его. Все хорошо, все хорошо, мальчик. Я просто ребенок, вряд ли они отправят меня в тюрьму. Сама я не была уверена в этом, но мне не хотелось пугать Икаса.

Дверь открыли, и я увидела того самого полицейского, который делал мне знаки остановиться. Его руки и ноги были расставлены, что делало его очень большим и грозным.

— Здравствуйте, — нервно улыбнулась я. Джимми всегда старался быть вежливым в таких случаях.

— Я вынужден просить вас выйти из машины, мисс. — Это был накачанный офицер с красивым лицом, обрамленным светлыми волосами.

— Но я не могу оставить свою собаку, сэр, — сказала я, не дрогнув. — Он бросается на незнакомцев. А вы как раз и есть незнакомец. И я не хочу, чтобы вас покусали. — Икас был похож на огромный боб с собачьей головой, развалившийся на сидении. Похоже, он не собирался никого кусать. Я постаралась расшевелить его.

— Икас?

Полицейский посмотрел сначала на пса, затем опять на меня.

— Думаю, все будет в порядке. Пожалуйста, покиньте машину, мисс.

— Что вы со мной сделаете? — спросила я, глядя на него снизу-вверх. — Вы даже не попросили меня предъявить права.

Я знала, что это входит в их обязанности. Несколько лет назад Джимми тоже остановили из-за сломанной фары, и первое, что сделал офицер, — это попросил его права.

— Сколько тебе лет, девочка? — вздохнул он.

— Достаточно для того, чтобы водить. — Я старалась звучать убедительно.

В этот момент к нам присоединился еще один офицер. Он был высоким и худощавым, а на его голове виднелась залысина. Солнечные лучи отражались от неё, точно от стекла. Я отвернулась.

— Вин говорит, что машина принадлежит Джеймсу Ичхоуку.

Упоминание о Джимми заставило мое сердце сжаться, а глаза наполниться слезами. Одна слезинка все-таки вырвалась наружу и потекла по щеке. Я поспешно смахнула ее, притворившись, будто это из-за жары.

— Ужас! Ну и жарища! Я вся вспотела.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил худощавый офицер глубоким голосом, напоминающим кваканье.

— Блу, — быстро ответила я, мигом растеряв всю уверенность.

— Блу?

— Да, Блу... Блу Ичхоук, — пробормотала я. Мои губы задрожали.

— Хорошо, Блу. Твой отец в курсе, что ты взяла его машину?

— Я не могу его найти.

Офицеры переглянулись, после чего снова посмотрели на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что я не могу найти его, — рассердилась я. — Мы разбили лагерь неподалеку отсюда, и он сказал, что вернется. Но не вернулся. Икас вернулся, а он нет. Его нет уже несколько дней, а Икас, похоже, болен, и вся вода почти кончилась, и мне страшно, потому что он не возвращается.

— Икас — это твой пес? — светловолосый посмотрел на Икаса, который даже приоткрыл глаза.

— Да, — прошептала я изо всех сил стараясь не плакать. Лишь озвучив свои страхи, я наконец поняла, как ужасно это звучит. Джимми пропал. Исчез. Что теперь со мной будет? Я всего лишь ребенок. Я ничего не могла с собой поделать.

Они уговорили меня выйти из машины, но в последний момент я вспомнила об инструментах. Бросившись обратно к грузовику, я достала их из-под сидения. Ящик был очень тяжелым, и я просто волокла его за собой. Мускулистый офицер забрал Икаса с переднего сидения и придирчиво осмотрел его. Он хотел было что-то сказать, но передумал и аккуратно положил пса в свою машину.

— Что... — Тощий офицер, чье имя звучало как Изард и рождало ассоциации с ящерицей постарался поднять ящик с инструментами, но не рассчитал сил. — Что это такое?

— Инструменты, — ответила я. — И я их не оставляю.

— Ла-а-адно, — протянул он, взглянув на второго офицера.

— Да брось ты, Из. Просто закинь их на заднее сидение рядом с собакой-убийцей.

Они дружно расхохотались, точно все это было забавной игрой. Я остановилась и уставилась на них, переводя взгляд с одного офицера на другого, то поднимая, то опуская подбородок и позволяя им продолжать. Когда они вдоволь насмеялись, Изард положил инструменты рядом с Икасом.

Я села на переднее сидение рядом с мистером Мускулом, также известным как офицер Бауэлс, а офицер Изард следовал за нами на своей машине. Бауэлс сообщил кому-то по радию о грузовике и назвал несколько цифр, значение которых я не поняла. Может быть, это был какой-то код в стиле: «Что я сделаю с ненормальной девчонкой?»

Я показала им, где располагался наш лагерь. Мы пулей помчались обратно к горе. Я никуда не заворачивала, потому что боялась не найти дороги обратно. К сожалению, за время моего отсутствия Джимми так и не появился. Моя записка лежала в том же месте, где я ее оставила.

Собрали поисковую группу. Это вселило в меня надежду. Они попросили меня описать отца. Я сказала, что он не был таким высоким как офицер Изард, и что ростом он был немного выше офицера Бауэлса, только не такой «толстый». Офицера Изарда явно позабавило, что я назвала его напарника толстым. Я также сказала, что у отца были черные волосы с сединой, которые он заплетал в две косы. Затем я напомнила, что его зовут Джимми и попросила обязательно его найти, после чего замолчала из страха заплакать. Джимми никогда не плакал, и я тоже не хотела.

Начались поиски. Они продолжались в течение недели. Все это время я жила в доме, где помимо меня находилось еще шестеро детей. Их родители оказались милыми, и в первые несколько дней они кормили меня пиццей. Я ходила в церковь три воскресенья подряд, где пела песни о парне по имени Иисус, которые мне очень нравились. Я спросила у женщины, которая руководила хором, не знает ли она песен Вилли Нельсона. Но она не знала. Может быть, это было даже к лучшему. Потому что песни Вилли Нельсона напоминали бы мне о Джимми, по которому я очень скучала. Дом, в котором я остановилась, был приютом — местом, где живут дети, которым некуда пойти. Я спросила об этом у социального работника, когда та попросила меня рассказать о себе. Я не знала, был ли Джимми моим настоящим отцом. Он никогда не касался этой темы. Так что моя личность была окутана тайной.

— Ты можешь рассказать мне что-нибудь о своей маме? — спросила меня социальный работник. Вопрос был задан вежливо, но мне не хотелось отвечать на него.

— Она умерла.

Это все, что я знала.

— Ты помнишь, как ее звали?

Однажды я спросила об этом Джимми. Он ответил, что понятия не имеет. Сказал, что я называла ее мамой, как и положено двухлетнему ребенку. Вряд ли это было правдой. Но я была маленькой и доверчивой. У Джимми имелся черно-белый телевизор с антенной, которую я называла «заячьими ушками». Он ловил только канал ПиБиС, и был моим единственным окном во внешний мир. Улица *Сезам*, *Артур* и *Антикварные гастроли*. Я ничего не знала об отношениях между мужчиной и женщиной. И ничего не знала о детях. Детей подбрасывали, их приносил аист или выдавали в больницах. Поэтому я не подозревала, что когда отец не знает имя матери своего ребенка — это странно.

— Я называла ее мамой.

Женщина выглядела озадаченной.

— Ты же понимаешь, что я имею в виду другое? Уверена, твой папа знал, как зовут твою маму, и говорил тебе.

— Нет. Он не знал. Он не был знаком с ней очень близко. Просто однажды она отдала ему меня и скрылась. А потом умерла.

— Значит, они никогда не были женаты?

— Нет.

— Почему ты называешь его Джимми, а не папа?

— Не знаю. Может быть, потому что он не вел себя как папа? Иногда я называла его так, но в большинстве случаев он был просто Джимми.

— Ты знаешь свою тетю?

— У меня есть тетя?

— Шерил Шиверс. Ее адрес записан в книжке твоего отца. Она приходится ему сводной сестрой.

— Шерил? — постаралась припомнить я. Квартира. Мы были там пару раз. Никогда не оставались надолго. Обычно я всегда ждала в грузовике. Я видела Шерил всего раз, когда болела. Джимми волновался и принес меня к ней. Она дала мне какие-то лекарства... антибиотики, кажется, так они называются.

— Я не очень хорошо ее знаю.

Женщина вздохнула и отложила ручку. Она запустила пальцы в волосы. Ей бы следовало перестать это делать, потому что они тут же вставали дыбом. Я бы могла заплести их в косы. Я здорово это делала. Но я не была уверена, что она позволит мне это, поэтому сидела тихо.

— Ни свидетельства о рождении, ни сертификата о прививках, ни школьных записей... что мне делать со всем этим? Она как младенец Моисей, ей-богу, — бормотала женщина себе под нос, точно так же, как любил делать Джимми, составляя список покупок.

Я сказала социальному работнику, что у Джимми есть семья в резервации Оклахомы, но мы не знакомы. Это была правда. Они ничего обо мне не знали и едва ли захотели бы узнать. Это меня вполне устраивало. Оклахома находилась слишком далеко отсюда, а мне нужно было быть поблизости, когда найдется Джимми. Копы опросили Шерил. Потом она рассказывала мне, что они устроили ей допрос с пристрастием. Шерил жила в Боулдер-Сити, недалеко от приюта, в котором я находилась. И что удивительно, она согласилась забрать меня.

Она носила фамилию Шиверс, а не Ичхоук, но это, подозреваю, не имело значения. Она совершенно не была похожа на Джимми. Её кожа не была такой смуглой, как у него, а волосы были светлыми. Она ярко красилась, поэтому невозможно было сказать, как она выглядит на самом деле под слоем косметики. Когда мы впервые встретились, я постаралась разглядеть её истинное лицо, как советовал Джимми, который учил меня видеть красоту того или иного дерева даже под грубой оболочкой. К сожалению, видеть прекрасное в деревьях было намного проще, чем в Шерил. Мне разрешили забрать с собой ящик с инструментами, а Икаса отправили в приют для животных. Офицер сказал, что его нужно показать врачу. Но я опасалась, что псу уже ничем не поможешь. Он слишком сильно пострадал. Я тоже. Но никто этого не заметил.

Глава 5

Свобода выбора

— Завоеывая новые территории и племена, древние римляне, как правило, сохраняли их культурные особенности. Более того, пленные обладали правами и могли избирать губернатора от той или иной захваченной области. — Уилсон стоял, опершись на доску, его поза выдавала расслабленность, а руки были скрещены на груди.

— Это одно из многих обстоятельств, объясняющих успех римлян. Завоевав ту или иную территорию, они оставляли проигравшим возможность быть собой. Когда я работал

в корпусе мира в Африке, одна женщина сказала мне нечто такое, о чем я думаю до сих пор. Она сказала: «Африка не станет приспосабливаться к тебе, ты должен приспособиться к Африке». И это утверждение справедливо не только здесь, а вообще везде. В какую бы школу ты ни пошел, в какую бы страну ни прибыл. Переехав в шестнадцать лет в Соединенные Штаты Америки, я увидел, насколько отличается местный язык от привычного мне английского. И тогда я начал приспосабливаться к Америке. Я не ожидал, что люди поймут меня или сделают скидку на мое происхождение. Американцы говорят по-английски, но у них другой акцент, другое произношение, другие фразы, другие определения... Я помню, как однажды спросил у товарищей по кампусу, не найдется ли у них огонька. Откуда мне было знать, что здесь это слово означает «педик»? В Блайте бы сразу поняли, что я имел в виду сигареты. Там была специальная площадка, на которую я часто выходил покурить, потому что мне казалось, что курение делает меня старше и солиднее.

— Что еще за Блайт? — спросил кто-то из класса, явно впечатленный тем, что Уилсон произнес слово «педик».

— Блайт — сленговое название Британии. У нас тоже есть слова и выражения, которые покажутся вам бессмысленными. Если всю жизнь живешь в Лондоне, а потом перебираешься в штаты, то без переводчика не обойтись. К счастью, в универе у меня были приятели, которые помогали мне с языком. Мне потребовались годы на «американизацию», но до сих пор в моей речи слышен британский акцент. Так что теперь, если я скажу что-то нелепое или непристойное, знайте, что это связано с моим происхождением.

Например, в Британии мы называем красивых девушек *fit bird* — «соблазнительная птичка». Это выражение подходит также и для парней. А для обозначения качества того или иного предмета или явления мы используем слово *scrummy* — «аппетитный». Дословно: аппетитная еда, сладкий сон и «вкусная» книга. Эти выражения помогают нам представить то, о чем мы говорим. Например, говоря *scrummy bird* — «аппетитная птичка», — мы вспоминаем вечеринку, на которой находится красивая девушка. С ней можно поболтать или пофлиртовать. Если же я назову вас *tosser*, знайте, что с британского английского это переводится как «придурок». Говоря, что вы *smart* или «нестандартная личность», я подразумеваю вашу манеру одеваться, а не уровень вашего интеллекта. А если вы услышите, как я называю вас *daft* или *nutters*, то есть «ореховой пастой» или «дрожжами», не думайте, что я свихнулся, эти выражения как раз так означают, что свихнулись вы. Когда англичанин зол, он использует выражение *brassed off* — «сыт по горло». А вот прилагательное, обозначающее крайнюю степень ярости в американском английском, в Британии переводится как «пьяный в стельку». Кроме того, слово мусор произносится по-другому, а именно: *rubbish*. Ну и ругательства, само собой, тоже разные.

— Вам присущи такие словечки как «педераст», «черт подери» и «проклятье»? — выступил кто-то с задних парт.

— Между прочим, — продолжал Уилсон, стараясь оставаться невозмутимым, — мы не «звоним» своим друзьям, а «набираем» их. У нас нет баров, зато есть пабы. Для обозначения пылесоса и зонтика у нас также есть отдельные слова. Последний, кстати говоря, будет совсем не лишним в Англии. Там очень холодно и влажно. Я ощутил это, вернувшись в Манчестер после двух лет пребывания в Африке. После этой поездки я понял, что мне показаны солнечные ванны в больших дозах. Так что, хотя я и представился англичанином, не думаю, что снова вернусь обратно в Англию.

— Расскажите нам еще что-нибудь, — взвизгнула Крисси.

— Ну, если кто-нибудь заговорит о льдах или бриллиантах (*ace u brill*), это значит, что речь идет о холоде или о ком-то привлекательном, — добавил Уилсон. — Если бы мы с вами жили в Лондоне, я бы приветствовал вас вопросом *All right?* «Все в порядке?», что в переводе на американский английский означает: «Что новенького?» или «Как твое ничего?», только английское выражение не требует ответа.

Тут же все ученики стали спрашивать друг друга «Все ли в порядке?», приправляя вопрос ужасным британским акцентом. Чтобы утихомирить их, мистеру Уилсону пришлось повысить голос.

— Если кто-то «шаткий» — *wonky* или «настораживающий» — *dodgy*, это значит, что человек ошибается или выглядит подозрительно. Так что оценки за ваши тесты могут насторожить меня, раз вы завалили предыдущие экзамены.

В Йоркшире, когда кто-то говорит, что вы получили ничто даже из ничего — *owt for nowt*, имеется в виду, что вы получили то, что заслуживаете. Если же я скажу вам *chivvy along*, это значит, что я хочу, чтобы вы поторопились. А если я скажу вам «выметайтесь» — *clear off*, значит, я хочу, чтобы вы ушли. Если кто-то *dim* — «темный» — это означает, что он глуп, а если *dull* — «тусклый» — скучен. Заметьте, что для обозначения затупившегося ножа нельзя использовать слово *dim*, для этого существует прилагательное *blunt*. — Уилсон улыбнулся, глядя на то, как тридцать учеников склонились над тетрадами, записывая диковинные выражения. Словно The Beatles снова захватили Америку. Я знала, что теперь в коридорах мне без конца будут кричать английское «поторапливайся» и называть «аппетитной птичкой».

Уилсон тем временем вошел во вкус.

— Если вы обиделись на кого-то, можете использовать глагол *diddle*. А если что-то кажется вам очень легким, можно обозначить это словом *dodle* — пустяк. Выражение *drop a clanger* переводится как «оплошать». А чтобы узнать, не беременна ли женщина, можно спросить ее об этом с помощью идиомы «*up the duff*».

В классе начался балаган, и все, что мне оставалось делать, это не поддаваться всеобщему безумию. Это *был* совершенно другой язык. А Уилсон кардинально отличался от всех парней, которых я когда-либо знала. И дело было даже не в том, что он говорил. Дело было в нем самом. В его свете. И я ненавидела его за это. Я возвела глаза к потолку и застонала. Выражения «*brassed off*» не хватило бы, чтобы описать всю мою ярость.

Мое раздражение только усилилось, когда Уилсон пригласил «специального гостя» — блондинку по имени Памела, которая рассказала нам об архитектуре Рима, о которой она узнала из своей последней поездки. Она носила фамилию Шеффилд. Как «Шеффилд Эстейдс» — популярный отель в Вегасе, похожий на английские здания. По-видимому, ее семья и основала этот отель. И по-видимому, у них была целая сеть отелей по всей Европе. Памела рассказала нам, что учится на факультете гостиничного бизнеса и объездила все отели, принадлежащие ее семье, один из которых как раз находится недалеко от Колизея в Риме. Она разговаривала прямо как принцесса Диана во время своих выступлений, ко всему прочему, она была также элегантна и употребляла словечки типа «чудовишно» и «превосходно». Уилсон представил ее как «подругу детства», но она смотрела на него совсем не по-дружески. Это объясняло, почему он жил в Боулдер-Сити. Тут работала его девушка.

Памела монотонно рассказывала о том или ином примере римской изобретательности, в то время как я умирала от презрения к ней, ее холодной красоте, ее знаниям о мире, ее очевидной удовлетворенности жизнью и своим местом в ней. Всю презентацию я отпускала в ее адрес колкости. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему она нравилась Уилсону. Во-первых, они говорили на одном языке. А кроме того, она была красива, молода и успешна.

В древние времена они могли бы быть римлянами-завоевателями, а я вождем одного из тех диких племен, на которые они нападали. Как же Уилсон называл их? Их было несколько. Вестготы, готы, франки и вандалы. Или я могла бы быть ханом. Или подругой Аттилы. Носила бы кость в волосах и ездила бы на слоне.

В итоге, племена напали на Рим, ограбили и подожгли город. Эта мысль не могла не радовать. Завоеватели были побеждены пленниками. Но если быть до конца честной, я бы не хотела завоевывать Уилсона, мне просто хотелось его внимания. И добивалась я его

не самыми лучшими способами. Обычно он никак на это не реагировал, но сегодня оставил меня после занятий.

— Мисс Ичхоук, задержитесь на минуту.

Я вздохнула и вернулась в класс. Я заметила несколько ехидных улыбок. Другие ученики знали, что у меня проблемы.

— Я думала, мы уже урегулировали вопрос с обращением, — сказала я, когда класс опустел.

Уилсон собрал в кучку лежащие на столе бумаги и сложил их в аккуратную стопку. Он ничего не ответил на мой выпад, но у него между бровей залегла глубокая складка. Он выглядел... злым, в американском понимании этого слова.

— Я что-то упустил? — Он говорил ровным голосом, но в его взгляде читалось беспокойство.

Я встряхнула волосами и слегка выставила вперед бедро, готовясь защищаться.

— Что вы имеете в виду?

— Почему ты такая злая?

Его вопрос удивил меня, и я слегка рассмеялась.

— Это не злость. В этом вся я.

— Я сильно сомневаюсь в этом, — мягко, но без улыбки ответил он. Я почувствовала нечто близкое к угрызениям совести, но тут же затолкала это чувство обратно.

— Я могу идти? — колко спросила я.

Но он проигнорировал мой вопрос.

— Я не нравлюсь тебе. Это понятно. У меня тоже были учителя, которых я не переваривал в школе. Но ты... ты постоянно готова к сражению... и я не уверен, что понимаю причины твоей агрессии. Сегодня ты была непростительно груба с мисс Шеффилд, и мне очень стыдно перед ней за твое поведение.

— Люди вроде мисс Шеффилд иногда нуждаются в хорошей встряске. Я всего лишь помогла ей стать тверже.

— Что ты имеешь в виду, говоря о людях «вроде мисс Шеффилд»?

— Бросьте, Уилсон, — простонала я. — Вы сами прекрасно знаете, что я имею в виду. Разве вы никогда не замечали маленькие группки в вашем собственном классе?

Я подошла к задним партам.

— Здесь у нас сидят помпончики и королевы выпускного бала, — указала я на одну из парт. — А ботаники, как правило, собираются тут. А сучки, вроде меня, сидят здесь. А между ними находятся те, кто не знает, чего хотят и какое место занимают в этом мире. Может быть, вы никогда не обращали внимания на подобные вещи. Потому что такие люди, как вы и мисс Шеффилд, имеют свой собственный статус. Люди вроде вас не прибиваются к какой-то одной группе, потому что они выше подобных вещей. Вы англичане. И вы все знаете о структуре класса, верно?

— О чем, ради всего святого, ты говоришь? — воскликнул Уилсон в отчаянии, но его расстройство только подстегнуло меня.

— Джимми, человек, который меня вырастил, однажды рассказал мне историю, — пояснила я. — Она немного похожа на историю о племенах, которую мы обсуждали. Римляне против готов, или против вестготов, или против кого угодно. Вот почему люди сражаются. Это индийская легенда, которую Джимми когда-то рассказал его дед. Как-то раз Табут, мудрый волк, решил вырезать людей из палок. Множество людей разных форм, размеров и цветов. Когда люди были готовы, он сложил их в большой мешок. Он планировал расселить их на земле так, чтобы каждый человек оказался в хорошем месте, где достаточно еды, пространства и мира.

Но у Табута был младший брат по имени Шинангва. Шинангва, койот, был очень подлым и любил строить козни. Когда Табут, мудрый волк, отвернулся, Шинангва

проделал дырку в мешке. Поэтому, когда мудрый волк стал расселять людей по миру, в котором у каждого было свое место, люди стали выпадать из мешка группами.

Уилсон стоял очень прямо, и его серые глаза не отрывались от моего лица. В эту минуту, хотела я того или нет, я полностью завладела его вниманием.

— Джимми говорил, что это объясняет, почему люди воюют друг с другом. Они сражаются оттого, что у них нет своего места на земле, или, может быть, из-за того, что у кого-то другого земли лучше, а все мы, как известно, хотим заполучить чужое. Вы с Памелой люди одного сорта. Вы из одной связки.

— И что же это значит, Блу? — Уилсон не был резок со мной. Казалось, он выглядел еще более расстроенным, чем прежде.

Я устало пожала плечами, моя злость улетучилась, сдувшись, точно воздушный шарик. Уилсон был умен. Так что ему не составит труда расшифровать смысл моих слов.

— Но если все мы были созданы одним мудрым волком, — высказал свою точку зрения Уилсон, — имеет ли значение, где мы рождены?

— Очень многие люди страдают для того, чтобы заполучить то, что другим дается с такой легкостью. Это наполняет смыслом индийскую легенду.

— Значит, ты злишься из-за того, что рождена не там, где хотелось бы? И ты злишься на нас с Памелой, потому что мы выросли в изобилии, роскоши и богатстве?

В его интерпретации мое мнение выглядело предвзято. Но кое-что в этом было, и может быть, это было справедливо. Я пожала плечами, а Уилсон посмотрел на меня очень серьезно.

— Мы не можем выбирать, где появиться на свет, Блу. Но нам совсем необязательно *оставаться* в этом месте навсегда. Почему ты думаешь только о том, где ты родилась, вместо того, чтобы подумать о том, куда ты сможешь пойти? Почему ты думаешь о причинах своей злости, но не о том, что делает тебя лучше? Ты упустила ключевой момент в своей истории. Может быть, смысл твоей легенды в том, что все мы созданы мастером? И все мы произведения искусства?

Я вздохнула.

— А сейчас вы скажете мне, что мне просто нужно быть собой и кто-нибудь обязательно полюбит меня, верно?

— Любовь, наверное, слишком сильное слово, — ответил Уилсон. Я усмехнулась.

— Я серьезно! — возмутилась я, не в силах сдержать улыбку. — Вся эта хрень, которую люди говорят о способности быть самим собой просто...

— Чушь?

— Да. Это работает, только если ты не лузер. А если ты лузер, лучше не будь собой.

Теперь настала очередь Уилсона стонать, но я поняла, что он простил меня, и я немного смягчилась.

— Как насчет того стихотворения, которое вы цитировали на днях? «Никто». Думаю, оно больше подходит.

— Стихотворение Дикинсон? — Уилсон был страшно удивлен тем, что я помню об этом. Уточняя, он поднял брови от удивления, словно не верил, что я могу иметь в виду именно Дикинсон.

Я — Никто. А ты — кто?

Может, тоже ты — Никто?

Значит, здесь теперь нас двое?

Тс-с! Узнают — вмиг прогонят...

Я кивнула.

— Да, оно. Думаю, мы бы подружились со стариной Диком. Потому что я тоже никто.

— Старина Дик на самом деле Эмили Дикинсон, — губы Уилсона дрогнули в улыбке.

Я прекрасно знала, кто написал стихотворение, но мне очень нравилось смешить его.

— Это стихотворение можно отнести к каждому из нас, потому что все мы чувствуем себя никем. Словно мы только наблюдаем со стороны. И все чувствуем себя потерянными. Но я уверен, что именно это и делает нас кем-то. И ты тоже кто-то, Блу. Ты можешь быть произведением искусства, а можешь быть частью композиции.

Глава 6

Павлин

Наступил ноябрь, а вместе с ним изменилась и погода. Пустынная жара уступила место мягкому климату, и, хотя в Вегасе и Боулдер-Сити росли в большинстве пальмы, осень все равно была чарующе прекрасна. Все чаще стал появляться Мейсон. Он частенько катал меня на своем байке. И нужно сказать, что мне нравилось проводить с ним время. И тогда, когда поездка заканчивалась, и тогда, когда угасала страсть, и тогда, когда мы смотрели друг на друга, тяжело дыша, и я не знала, что сказать. Я всегда с нетерпением ждала его появления и была готова поехать с ним куда угодно. При этом я никогда не притворялась влюбленной, но его, казалось, такое положение вещей вполне устраивало.

Вот почему я страшно удивилась, когда его брат, Брендон, появился на пороге нашего дома ночью в четверг. Мэнни и Грасьела были у меня и смотрели по телеку «Американского идола» — любимое шоу Мэнни. При этом мой друг свято верил в то, что поет в десятки раз лучше всех участников передачи и демонстрировал нам свои умения во время рекламных пауз, зажав в руке воображаемый микрофон. Надо сказать, он был совсем неплох, умело компенсируя недостаток таланта артистичностью. Обычно Грасьела выступала его главной фанаткой, но сегодня она часто поглядывала на телефон и нервно расхаживала взад-вперед по комнате.

В последнее время Грасьела часто действовала мне на нервы. Она начала выпрямлять свои длинные кудрявые волосы так, что теперь они рассыпались по ее плечам, а челка ниспадала на левый глаз. Точь-в-точь как моя. Прежде ее макияж состоял из туши и губной помады. Теперь же она пользовалась тонкой черной подводкой, завивала и тщательно подкрашивала ресницы и делала себе смокиайс. Джинсы и футболки плотно облегали ее тело, а еще ей удалось раздобыть себе ботфорты. У нее не было ни соблазнительных бедер, ни груди, и новый образ выглядел так, словно она вырядилась на Хэллоуин. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что она копирует меня, только выглядела она при этом смешно. Когда я увидела ее в таком виде впервые, то задумалась, не выгляжу ли я так же.

Когда раздался звонок, Грасьела спрыгнула с дивана и помчалась в ванную, визжа так, словно за дверью стоял Джастин Бибер.

— Что это с ней? — пробурчала я.

— Может быть, гормоны? — Мэнни вздохнул так, словно знал все о женских гормонах.

— Серьезно? Так вот почему она выглядит как я? Из-за гормонов? — Я поплелась открывать, думая, что, должно быть, это соседи пришли жаловаться на пение Мэнни.

На пороге стояли Брендон Бэйтс и двое его дружков с соответствующими ухмылками на лице.

— Привет, Блу, — с усмешкой произнес он, глядя на мой короткий топ и хлопковые шорты, которые я не успела сменить после работы. Похоже, мой прикид крайне понравился его приятелям.

Несколько мгновений я не знала, что сказать.

— О, привет, Брендон. Какими судьбами, ребята? — Мое приветствие не подразумевало приглашения, но Брендон, очевидно, решил иначе. Нежданный гость вошел внутрь с таким видом, словно пришел к себе домой, а Кори и Мэтт последовали его

примеру. Удобно устроившись на диване, парни уставились в телевизор. Складывалось впечатление, что они собираются задержаться здесь надолго. Мэнни широко улыбался от осознания того факта, что Брендон Бэйтс находится в моей квартире и смотрит его любимое шоу. Грасьела вышла из ванной, передвигаясь вдоль стенки, точно робкий щенок, после чего присела на подлокотник возле Брендона.

— Привет, Брендон, — сбивчиво пролепетала она, рвано дыша.

Внезапно странное поведение Грейси обрело смысл. Выходит, она знала, что они придут. О чем, интересно, она думала? Что мы все дружно где-нибудь зависнем? По тому, с какой жадностью она пожирала его глазами, можно было с уверенностью сказать, что она влюблена по уши. Однако я точно знала, что Брендон не питает к ней никаких чувств. И слава Богу! Честно говоря, он пытался флиртовать со мной пару раз, и я удивлялась, почему Мейсон не видит в нем угрозы.

— Слушай, Блу, — сказал Брендон через несколько минут, — я думаю, мы могли бы с тобой покататься на моей машине, а Мэтт и Кори тем временем посидят с малышкой.

Мэнни задохнулся от возмущения, услышав, что его называют «малышкой», а брови Кори поползли вверх, потому что совершенно очевидно, что он не собирался быть нянькой.

— Брендон! — предупреждающе произнес Мэтт.

— Брендон! — воскликнула Грасьела таким тоном, словно он ударил ее. При этом она бросила на меня такой взгляд, точно мечтала столкнуть меня с лестницы.

— Мейсон в курсе, что ты здесь, Брендон? — непринужденно спросила я.

— Мейсон говорил, что вы просто друзья, так что не думаю, что его это особенно волнует. — Брендон улыбнулся мне так, точно сегодня был мой счастливый день. Грейси же выглядела так, словно я только что увела у нее парня. Похоже им всем пора было по домам.

— Да что ты, Брендон? — проворковала я. — Не припомню, чтобы у нас была назначена встреча. И ты только посмотри на время! Моя тетя скоро вернется домой!

Я солгала, но Брендону не стоило об этом знать.

— Вам лучше уйти, парни. — Я открыла дверь и посмотрела на них, выразительно подняв бровь. Мэтт и Кори восприняли мою просьбу спокойно, а вот Брендон выглядел раздосадованным. Он демонстративно медленно вставал с дивана, и я поймала себя на мысли, что еще минута — и быть беде.

— Я провожу тебя, Брендон. — Грасьела тут же засуетилась. Но в эту минуту в Мэнни проснулись братские чувства, и он сгреб Грейси в охапку, не давая ей сдвинуться с места.

— Брось, Грейси, нам тоже пора.

Грасьела вонзила в руку брата свои коготки, и глаза Мэнни расширились. Он что-то произнес по-испански, Грейси огрызнулась в ответ, но ему все-таки удалось выволочь ее из квартиры.

— Брендон, я напишу, ладно? — бросила она из-за плеча. Брендон и его дружки тоже покинули помещение, и я вздохнула с облегчением. Брендон что-то пробубнил себе под нос, и все трое захихикали.

— Эй, Брендон, — выкрикнула я ему вслед, — держись подальше от Грейси, понял?

— Грейси мне неинтересна, — ответил он. — Дай мне знать, когда созрешь.

Вместо ответа я просто закрыла дверь.

— Жанна д'Арк родилась в 1412 году в небольшой деревушке на востоке Франции. Ее семья бедствовала и жила в регионе, втянутом в конфликт. Спустя три года после рождения Жанны английский король Генрих V вторгся во Францию и победил в битве

при Азенкуре. Страна стала раздробленной, — спрятав руки в карманы, Уилсон с серьезным видом обвел глазами класс.

— В сохранившихся документах Жанну описывают как «типичную пастушку». Но я считаю, что она была одной из самых выдающихся исторических личностей. В тринадцать лет ей было видение о том, что она должна быть набожной, доброй и посещать церковь. Весьма примитивно, как видите... — Уилсон слегка улыбнулся, что означало, что видение отнюдь не было примитивным. — К шестнадцати годам у нее было второе видение. Святые приказывали ей «объединить Францию». Что она и сделала. Явившись к Карлу VII — тогда еще наследнику, — шестнадцатилетняя Жанна сообщила ему, что сам Господь послал ее ему в помощь. Только представьте, чтобы в наши дни какая-нибудь шестнадцатилетняя девушка пришла к президенту США и сказала ему нечто подобное. Думаю, что для Жанны это также было крайне волнительно. Уже то, что она добилась слушания у короля, было само по себе невероятно. Однако до того, как ей это удалось, юная Жанна дважды терпела неудачу. Тем не менее когда встреча состоялась, Жанна смогла убедить будущего короля в том, что она послана Богом, чтобы помочь ему, так как сам Карл накануне спрашивал Господа, законный ли он наследник престола. Жанна сказала, что Господь услышал его молитву и таким образом подтверждает его право на престол.

— Она также написала письмо англичанам, в котором говорилось, что Бог и сын божий Иисус Христос подтверждают право Карла на власть и им стоит вернуться в Англию. Она же командовала армией и повела ее в бой. И это в семнадцать лет!

Уилсон посмотрел на учеников, многим из которых тоже было по семнадцать.

— Жанна стала символом в борьбе против Англии. Люди преклонялись перед ее мудростью, знаниями и набожностью. Она помогла им поверить в себя и в то, что им есть за что бороться. За год Жанна д'Арк одержала победу в битвах при Орлеане, Пате и Труа. Многие другие города также были освобождены от английского гнета. Тем самым Жанна сделала возможной коронацию Карла VII в 1429 году. Однако год спустя девушка была пленена и отдана англичанам.

— Англичане и французское духовенство обвинили ее в колдовстве. Они поступали так всякий раз, когда хотели убрать с дороги какую-нибудь женщину. Подобные обвинения выдвигались сильным женщинам на протяжении всей истории. Первоначально суд вершился публично, однако защита Жанны ставила в тупик ее обвинителей. Многие поддерживали и оправдывали ее. Поэтому было решено не предавать ситуацию огласке.

— Само собой, ее признали виновной и приговорили к сожжению. Говорят, что в день казни она простила своих обвинителей и попросила их помолиться за нее. Многие англичане оплакивали Жанну, веря, что они сожгли святую. Конечно, нельзя однозначно сказать, правда это или нет. Однако есть одна фраза, сказанная Жанной д'Арк, которая раскрывает ее характер и демонстрирует непоколебимость. Она гласит: «Жизнь — все, что у нас есть, и каждый из нас верит в то, во что считает нужным. Но нет судьбы хуже, чем жизнь без веры!»

— В последний раз мы работали с вашими историями и разбирали, какие ложные убеждения правят вашей жизнью. Сегодня я хочу, чтобы вы взглянули на другую сторону медали. Какие убеждения помогают вам двигаться вперед? Что помогает вам на вашем жизненном пути?

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалевав дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь. Но когда птенец взобрался на край гнезда, то понял, что его крылышки слишком малы и слабы. А небо,

напротив, такое большое и необъятное. И такое недостижимое. Дрозд почувствовал себя запертым в ловушке. Он мог улететь, но куда ему держать путь?»

Я уже не пыталась выбросить свою работу в корзину. Но по-прежнему ненавидела ее. Я никто! Кто я? И мои воспоминания тут же вернули меня обратно в тот ужасный день. День, когда я стала никем.

Я была слаба и мала. Воспоминания нависли надо мной, словно тучи. Я помню, как провалилась в сон в крохотном промежутке между раковиной и туалетом, когда Донни вернулся. Он потянул меня за ноги, вытаскивая из моего укрытия. Я брыкалась, билась и колотила по двери. Пол был мокрым, и я поскользнулась, потянув Донни за собой. Я вскочила и помчалась в комнату, преследуемая Донни. Ужас одолел меня, я не могла даже вскрикнуть. Я захлопнула дверь и заперла ее, после чего сделала попытку спрятаться под кроватью, но та была слишком низкой, и я не смогла пролезть. В спальне не было места, где я могла бы спрятаться. Тем временем Донни пытался вышибить дверь. В панике я надела на себя футболку и схватила с тумбочки деревянную змею.

— Я просто хочу убедиться, что ты в порядке, Блу, — врал он. Я видела его лицо, когда он смотрел на меня, и знала, что он лжет. Дверь слетела с петель и на пороге показался Донни. От неожиданности я выронила змею.

— Ты в своем уме? — проорал Донни. Он выставил руки перед собой, как если бы был загнан в угол диким животным. Затем он медленно развернулся ко мне с поднятыми руками.

— Я все рассказал, Шерил. Она просила передать, что тебе не поздоровится, детка. Я останусь с тобой пока она не вернется, хорошо? Просто ложись в постель. У тебя губы посинели.

Я наклонилась и подняла змею, придерживая за край футболку, чтобы та не задралась. Кусок гладкого дерева в моей руке придал мне сил. Донни замер.

— Я не причиню тебе вреда, Блу. Я просто хочу убедиться, что ты в порядке.

Я бросилась в постель, подтянув одеяло до самого подбородка и с ужасом наблюдая за тем, как он приближается ко мне. Донни опустил на край моей кровати и выключил лампу, но я завопила так, что он тут же включил ее снова.

— Перестань! — взмолился он.

— Не включай свет! — приказала я.

— Ладно, ладно, — согласился он. — Я посижу здесь, пока ты не уснешь.

Я повернулась набок, спиной к нему, зажмурила глаза и сильнее сжала в руке деревянную змею. Дерево было таким теплым. Джимми говорил, что это оттого, что лес когда-то был живым. Рука Донни на моих волосах заставила меня распахнуть глаза.

— Когда я был маленьким, моя мама растирала мне спину, помогая уснуть, — голос Донни был мягким. — Я тоже разотру тебе спину.

С этими словами он переместил руку мне на плечо. Он нежно вычерчивал круги на моей коже. Это было довольно приятно. Я молчала, сфокусировавшись на его руках.

Его прикосновения успокаивали и усыпляли. Когда Шерил вернулась, мы оба встрепенулись. Донни успел задремать на стуле возле моей постели. Шерил спихнула его, села и зажгла сигарету трясущимися руками.

— Донни сказал, что ты пыталась покончить с собой сегодня. Зачем?

Я молчала. Я не хотела умирать. Я просто хотела еще раз увидеть Джимми.

— Я хочу снова увидеть отца.

Губы Шерил странно растянулись. Казалось, она вся сосредоточилась на моих словах. Наконец она вздохнула и стряхнула пепел на мой ночной столик.

— Ты ведь знаешь, что он не твой отец? Я хочу сказать, что он вел себя как твой отец, но на самом деле он им никогда не был.

Я села на кровати и уставилась на нее во все глаза. В эту минуту мне хотелось наброситься на нее и запретить ей говорить такие ужасные вещи.

— Не смотри на меня так. Я не хотела тебя обидеть. Просто сказала все, как есть. Джимми рассказывал мне, что в тот день он обедал на стоянке в Рино, месте, где продавал свои поделки. А ты лежала у будки в ожидании своей матери. Он не знал, чья ты. Ты ведь знаешь Джимми. Он не стал бы просить о помощи, даже если бы на нем горела одежда. Он просто поделился с тобой ужином и провел подле тебя много часов. Ты совсем не боялась его. А пока ты спала, он даже вырезал для тебя куклу. — Шерил зажгла новую сигарету, сделала затяжку и кивнула в сторону комода. — Она лежит там.

Я отчаянно затрясла головой, отрицая все, что она сказала, отрицая само ее намерение отстранить его от меня.

— Он говорил, что ты просто смотрела на него и покорно ела картошку фри, которую он заказал. Потом вернулась твоя мать. Джимми рассказывал, что был уверен, что она рассердится, увидев его рядом с тобой, но она выглядела очень взволновано.

— На следующий день он обнаружил тебя в своем грузовике. Он говорил, что ручка со стороны пассажирского сидения была сломана, так что твоя мать с легкостью могла открыть дверь. Стекло было опущено на несколько дюймов, и ты лежала на переднем сидении. К счастью, когда он нашел тебя, было раннее утро. Джимми говорил, что было жарко, и со стороны твоей матери было большим риском оставлять тебя в кабине в такую погоду. Но может быть, она просто торопилась? При тебе был рюкзачок с одеждой и кукла, которую он для тебя сделал. Джимми не знал, почему она оставила тебя именно ему. Может быть, она подумала, что он позаботится о тебе. А может быть, у нее просто не было никого другого на примете. Но очевидно, твоя мать следовала за ним и подкинула тебя в его грузовик ночью. Джимми вернулся на заправку, на которой в последний раз видел вас вместе, но твоей матери там не было. А он не стал спрашивать, не хотел привлечь внимание.

— Он поступил как идиот, конечно. Нужно было бежать в полицию. Через несколько дней на заправку приехали копы и расспрашивали менеджера о грузовике. Менеджер приходился Джимми приятелем, так что он спросил у него из-за чего весь сыр-бор. Оказалось, что в местном отеле обнаружили труп женщины. Они распечатали несколько фотографий убитой, одна из них весела на заправке. Ну, знаешь, типа: если у вас есть какая-то информация, просим немедленно позвонить по этому номеру. Убитой оказалась твоя мать. Когда Джимми понял это, едва не обделался от страха. Он уехал и забрал тебя с собой. Не знаю, почему он просто не оставил тебя там или не сообщил в полицию. Видимо, не доверял копам. Наверное, думал, что они повесят обвинение в убийстве на него. Он даже не знал твоего имени. Но ты без конца повторяла Блу, Блу, Блу. Так он тебя и назвал. И думаю, что не ошибся.

— Насколько мне известно, тебя никто не разыскивал. Твое лицо не печатали на пакетах с молоком и прочее. Когда Джимми пропал, начались вопросы. Я знала, что кто-нибудь может догадаться, что ты не его дочь. Поэтому постаралась убедить родню в обратном, предупредив, чтобы те не давили на него. А теперь я сама забочусь о тебе в память о Джимми. Так что не вздумай повторить снова то, что ты собиралась сделать. Не хватало мне еще мертвого ребенка.

В течение нескольких следующих месяцев Донни присматривал за мной. И он всегда был добр ко мне. С ним было комфортно. Он обогрел и накормил маленькую птичку.

Конечно, Шерил бросила его в конце концов. Может быть, почувствовала, что я нравилась ему слишком сильно? И я вынуждена признать, что его внимание было немного навязчивым. Но кое-чему Донни все-таки научил меня. Я поняла, что быть красивой девушкой выгодно.

Жанна д'Арк сказала, что жить без веры плохо. Я же жила надеждой целых три года. Надеждой на то, что Джимми вернется. В ту ночь надежда умерла, а на ее место пришло осознание того, кто я. Маленькая синяя птичка, которую видел во мне Джимми,

канула в лету. Я стала павлином, раскрашенным в яркие цвета, которые говорили лишь об одном: о том, что я жажду любви. Но это была только маскировка.

Глава 7 По-королевски

Глории Оливарес, матери Мэнни и Грасьелы, никогда не бывало дома. Не потому, что она была плохой матерью. И не потому, что она не любила своих детей. А потому, что для того, чтобы обеспечивать их, она вынуждена была работать круглыми сутками. Глория была художницей и высокой и работала по 18 часов в день. Она занимала должность горничной в отеле, где работала Шерил, а кроме этого подрабатывала домработницей в доме одной обеспеченной семьи в Боулдер-Сити. Я не знала, легально ли ее пребывание в Соединенных Штатах или вся ее семья живет в Мексике. У нее был брат Сэл, который пару раз поставлял мне древесину, но Мэнни и Грасьела никогда не упоминали о своем отце, да и денег на их содержание ниоткуда не поступало.

Глория очень серьезно относилась к заботе о своих детях. Но несмотря на то, что они были вымыты, накормлены и согреты, она вынуждена была надолго оставлять их в одиночестве. Это не имело значения теперь, когда они стали подростками, но Мэнни рассказывал, что ему приходилось присматривать за Грасьелой с пяти лет. Может быть, поэтому Мэнни считал себя «мамой» для своей младшей сестры, несмотря на разницу в возрасте всего в два года. И возможно, поэтому Грасьела чувствовала себя ущемленной.

Наглость Грасьелы заставила Мэнни потребовать, чтобы сестра вышла из комнаты, когда я пришла к ним на ужин в канун Рождества. Беф положил мне с собой разной вкуснятины, от которой обычно Мэнни был без ума. Но Грасьела заявила, что не голодна и добавила, что не станет «ужинать со шлюхой», хотя она была более чем довольна, каждый день едзя домой на моей машине, потому что ей выпадал шанс увидеть Брендона на парковке. Кроме того, она все еще пыталась меня копировать вплоть до мелочей, таких как закатанные рукава и застегнутые пуговицы. Так что она не хотела ужинать со шлюхой, но видимо стремилась стать на нее похожей. Я очень скучала по прежней скромной Грейси и думала, что если она продолжит в том же духе, то Мэнни впадет в депрессию, а я напьюсь.

— Елизавета I была дочерью короля. Короля Генриха VIII, если быть точным. Звучит заманчиво, не так ли? Быть принцессой? Купаться в роскоши, власти, лести. Здорово? Однако помните пословицу: не суди о книге по обложке. Я немного изменю ее. Не суди об истории по поверхностным фактам. Сорви яркую обложку и посмотри, что скрывается под ней на самом деле. Матерью Елизаветы была Анна Болейн. Кто-нибудь слышал о ней? — Уилсон обвел взглядом восхищенные лица, но ни одна рука так и не поднялась.

— Сестра Анны Болейн — Мэри — была одной из любовниц Генриха VIII. Но Анна хотела большего и достигла большего. Она тщательно продумала стратегию по завоеванию короля. В течение семи лет Генрих пытался развестись с королевой, чтобы взять в жены Анну. Как она этого добилась? Как заставила короля не только заинтересоваться собой, но и преодолеть препятствия на пути к ее сердцу? А ведь по меркам того времени она даже не была красавицей. Красивыми считались светлые волосы, голубые глаза и молочная кожа, как у сестры Анны, Мэри. Так как же Анна это сделала? — Уилсон замолчал для усиления эффекта. — Она держала его на голодном пайке.

Весь класс покотился со смеху, понимая, к чему он ведет.

— В конечном итоге так и не добившись одобрения церкви, Генрих VIII отрекся от веры и все равно женился на Анне. Невероятно! В те времена церковь обладала нерушимым авторитетом, даже для короля.

— А-а-ах, — вздохнуло несколько девиц.

— Это так романтично, — проскулила Крисси, тараща свои коровьи глазки на Уилсона.

— О, да! Невероятно романтично. Идеальный любовный роман... если не считать того, что через три года после свадьбы Анну обвинили в колдовстве, инцесте и богохульстве, а также в составлении заговора против Короны. Ее обезглавили.

— Они отрубили ей голову? Как грубо. — Крисси была возмущена.

— Она не смогла родить наследника, — продолжал Уилсон. — Она произвела на свет Елизавету, но это не считалось. Многие говорили, что она обладала огромной политической силой. И мы знаем, что она была далеко неглупа. Но Генрих VIII предпочел поверить слухам.

— Очевидно, он утолил свой голод, — резюмировала я.

Уши мистера Уилсона слегка покраснели, что страшно меня порадовало.

— Очевидно, — согласился он сухо, его голос никак не выдавал его смущения. — Это возвращает нас к тому, с чего мы начали. Вещи не всегда являются такими, какими мы их видим. Какая правда скрывается под поверхностью, за очевидными фактами? Подумайте об этом в контексте вашей жизни...

Я отвернулась от Уилсона и прислонилась лбом к парте, позволяя волосам закрыть лицо. Я знала, что за этим последует. Наши персональные истории. Зачем он делает это? В чем смысл? Я оставалась в таком положении на протяжении всей лекции и после, когда слышался шелест листов и щелканье ручек.

— Блу?

Я не пошевелилась.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, — буркнула я, выпрямляясь и откидывая волосы с лица. Я смерила его сердитым взглядом, беря листок, который он мне протягивал. Он выглядел так, словно хотел что-то сказать, но передумал и отошел к своему столу. Я смотрела на то, как он уходит, мечтая выкрикнуть, что не стану выполнять его дурацкое задание. Я не могу. Мой жалкий параграф выглядел как оципанный цыплёнок на мятой бумаге. Оципанная курица. Вот, кем я была на самом деле. Ничего не евшая курица, которая все это время выстраивала вокруг себя стену отчуждения.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалев дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь. Но когда птенец взобрался на край гнезда, то понял, что его крылышки слишком малы и слабы. А небо, напротив, такое большое и необъятное. И такое недостижимое. Дрозд почувствовал себя запертым в ловушке. Он мог улететь, но куда ему держать путь?»

Я дописала еще одну строчку и остановилась, тыча ручкой в бумагу и оставляя на ней маленькие точки, так похожие на зернышки. Может быть, это и была правда, скрытая под обложкой? Я была напугана. Я пришла в ужас, подумав о том, что моя история закончится так трагично. Как история бедняжки Анны Болейн. Она хотела быть королевой, а в итоге была сброшена со счетов. Снова это слово. Ее жизнь отняли за одно мгновение, и сделал это человек, который обещал любить ее до конца своих дней.

Я еще никогда не сравнивала себя с курицей. В своих мечтах я была лебедем — птицей, вызывающей восхищение. Птицей, которая доказывает окружающим их неправоту. Как-то я спросила Джимми почему его фамилия переводится как «ястреб». Джимми нечасто отвечал на мои вопросы. Он говорил, что я была удивительно открыта, даже несмотря на исчезновение матери. Я не плакала, не жаловалась и была довольно общительной, хотя в путешествиях в компании молчаливого мужчины это было не совсем

уместно. Он никогда не огрызался на меня, но бывало, что мои вопросы оставались без ответа, тогда я просто вела беседу с самой собой.

Но в тот момент он был настроен на общение. Он объяснил мне, что ястребы символизируют безопасность и силу и что он очень гордится своей фамилией. Он рассказал мне, что у индейских племен существует множество историй о животных, но его самой любимой была история об Арафахо — девушке, вознесшейся на небеса.

Ее звали Сапана, она была красива и любила слушать пение птиц в лесу. Однажды Сапана пошла за хворостом и увидела ястреба, сидящего на ветке дерева. Из груди птицы торчал шип дикобраза. Девушка помогла ястребу извлечь иглу, и тот улетел. И тут девушка заметила дикобраза, притаившегося на ветке. Она сказала ему: «Это был твой шип! Это ты причин вред этой птице!». Она вознамерилась поймать злобного дикобраза и вырвать у него все иглы, чтобы он не смог больше никому навредить.

Сапана охотилась на него, но животное оказалось очень проворным и спряталось на вершине дерева. Девушка полезла вслед за ним, но никак не могла поймать его среди веток. Все выше и выше взбирался дикобраз, и казалось, что нет конца этому дереву. И вдруг Сапана увидела гладкую плоскую поверхность. Она сияла, и, коснувшись ее, Сапана поняла, что это небо. А сама она стояла посреди вигвама. Дерево исчезло, а дикобраз превратился в уродливого старика. Девушка испугалась и захотела сбежать, но не знала, как добраться до дома. Тем временем старик промолвил: «Я давно наблюдаю за тобой. Ты очень красива и очень трудолюбива. Мы много работаем в небе. И ты будешь моей женой». Сапана не желала становиться женой дикобраза, но она не знала, что делать. Она была в ловушке.

Девушка очень скучала по зелени леса и по своей семье. Каждый день старик приносил ей шкуру буйвола, из которой она шила одежду. Когда шкур не было, она выкапывала репу. Старик приказал ей не копать слишком глубоко. Но однажды, девушка так замечталась, что не обратила внимания, как выкопала глубокую яму. Достав из земли длинную репу, она увидела свет. Приглядевшись, Сапана разглядела зеленые просторы далеко внизу. Теперь она знала, как попасть домой! Девушка вернула репу на место, чтобы дикобраз не догадался о ее находке.

Каждый день Сапана откладывала жилы из шкуры буйвола, связывая их вместе. И наконец она связала длинную веревку, которой должно было хватить до самой земли. Она обвязала веревку вокруг дерева и начала спуск. Девушка спускалась все ниже и ниже. Сквозь облака навстречу любимой земле. Но до нее все еще было очень далеко. Внезапно девушка почувствовала, как кто-то схватил веревку. Подняв глаза, она увидела дикобраза, смотрящего на нее через дыру в небе. «Поднимайся обратно, иначе я отвяжу веревку, и ты упадешь!» — прокричал он. Но Сапана не собиралась возвращаться. Веревка оборвалась, и девушка полетела вниз, но вдруг кто-то подхватил ее. Она увидела, что сидит на спине огромного ястреба. Того самого. Которому она помогла в лесу. Ястреб опустил ее на землю, к семье, которая возрадовалась возвращению Сапаны. С тех пор они угощали ястребов мясом быка в память о помощи.

— Ты как ястреб, который спас Сапану! — радостно воскликнула я, заинтересованная историей. — Я бы хотела, чтобы меня звали Сапана. Тогда я была бы Сапана Ичхоук.

Джимми улыбнулся. Однако при этом он выглядел грустным, говоря:

— Иногда я чувствую себя больше дикобразом, нежели ястребом.

Я не поняла, что он имеет в виду, и рассмеялась, расценив это, как шутку.

— Икас — дикобраз! — смотря на ленивого лохматого пса, сказала я. Икас же поднял голову и посмотрел на меня так, словно понимал, о чем идет речь. Затем собака отвернулась, очевидно, обидевшись на сравнение. Тогда мы с Джимми просто посмеялись, и история была забыта.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалевав дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь. Но когда птенец взобрался на край гнезда, то понял, что его крылышки слишком малы и слабы. А небо, напротив, такое большое и необъятное. И такое недостижимое. Дрозд почувствовал себя запертым в ловушке. Он мог улететь, но куда ему держать путь? Птенец был напуган... ведь он понимал, что он дрозд, а не ястреб...»

— Джимми?

В трейлере было темно, и я старалась услышать сопение Джимми. Дождь барабанил по крыше, и казалось, что он повсюду.

— Джимми, — уже громче позвала я.

— Хм-м-м? — немедленно последовал ответ, значит, он тоже прислушивался к погоде снаружи.

— Я похожа на свою маму?

Джимми ответил не сразу, и я подумала, что он не станет обсуждать это среди ночи.

— У неё были такие же волосы, — спокойно ответил он. — И она кого-то мне напомнила.

Больше он ничего не сказал, я подождала какое-то время.

— И все? — наконец нетерпеливо спросила я.

— Она не была похожа на тебя, — вздохнул он. — Скорее, она была похожа на меня.

— Что? — Я ничего не поняла.

— Она была индейцем, как я, — пробормотал он. — У нее были темные волосы, глаза и кожа.

— Она тоже была павни?

— Я не знаю, к какому племени принадлежала твоя мать.

— Но я же все равно павни? — уточнила я. — Потому что ты тоже павни...

Джимми вздохнул. Я не чувствовала, что это разговор ему неприятен, и ожидала ответа.

— Засыпай, Блу, — наконец сказал он.

Глава 8

Бронзовый сплав

Когда раздался выстрел, я подумала, что начался фейерверк. Он заставил меня встрепнуться, но не испугал. Из-за Рождества в последние два дня парковка у нашего общежития то и дело озарялась ярким светом от взрывающихся в небо ракет, петард и бенгальских огней, так что я почти привыкла к громким звукам. Вот почему, когда прогремел выстрел, я просто захлопнула шкафчик и отправилась на урок.

Но из детских криков и воплей людей вокруг, я поняла, что кто-то принес в школу оружие. А завернув за угол я наткнулась на Мэнни с зажатым в руке пистолетом. Стреляя по потолку, мой сосед твердой походкой направлялся в сторону кабинета мистера Уилсона, требуя, чтобы ему сказали где находится Брендон Бэйтс. Я почувствовала, как внутри все сжимается от ужаса. Брендон посещал уроки Уилсона вместе со мной. Бросив книги на пол, я помчалась к Мэнни, оглушительно крича:

— Мэнни! Мэнни, остановись!

Но он даже не обернулся. Просто продолжал идти и стрелять. Третий выстрел, четвертый... Затем он вошел в класс и захлопнул за собой дверь. Раздался еще один выстрел. Я влетела в кабинет секундой позже, ожидая самого худшего. Мистер Уилсон

стоял перед Мэнни, выставив вперед руки. Сам Мэнни целился в лоб учителя, требуя, чтобы ему сообщили, где Брендон. Ученики были от страха, сжавшись в комочки под своими партами. Но не было ни крови, ни мертвых тел, ни Брендона Бейтса. Облегчение придало мне уверенности. Я стояла позади Мэнни, глядя на Уилсона. Хотя тот не сводил взгляда с моего друга и пистолета, направленного ему в лоб, он все же жестом приказал мне уйти. Однако я подошла к преподавателю, стараясь не делать резких движений, чтобы не напугать Мэнни, и заговорила с мальчиком так мягко, как только могла:

— Мэнни, ты же не хочешь нанести вред мистеру Уилсону? Он нравится тебе, помнишь? Ты говорил, что он лучший учитель из всех, кого ты знал.

Он перевел на меня безумный взгляд, но вскоре прищурился вновь, стоило ему посмотреть на Уилсона. Он взмок от пота и тяжело дышал, а его рука нервно дрожала. Я боялась, что еще минута и Мэнни спустит курок. С такого расстояния он бы легко задел Уилсона.

— Не приближайся, Блу! Он прикрывает Брендона! А ну-ка всем пригнуться! — завизжал Мэнни, тыча пистолетом по сторонам. — А то я п-п-пробью ему башку, клянусь! — Его заикание вкупе с еще не окрепшим голосом вызывало смех. Но в происходящем не было ничего смешного. Совсем ничего.

Я сделала шаг, и Уилсон яростно замотал головой, приказывая мне оставаться на месте. Но я продолжила движение. Мои ноги налились свинцом, и я совсем не чувствовала рук. Я не боялась Мэнни. Я боялась за Мэнни.

— Мэнни, отдай мне пистолет, милый. Никто из нас не укрывает Брендона. — Я огляделась по сторонам, молясь, чтобы Брендона здесь не было. Несколько учеников также подняли головы из-под парт, ища взглядом Брендона, но никто из них не произнес ни слова.

— Брендона здесь нет, — произнес Уилсон, чей голос был так спокоен, словно он читал очередную лекцию. — И я не защищаю его. Я защищаю тебя. Ты нужен своей сестре, и, если ты выстрелишь в Брендона или кто-то еще, тебя могут отправить в тюрьму на очень долгое время.

— Но ей всего четырнадцать! А этот ублюдок разослал фотки всей школе! Она думала, что нравится ему. Он вынудил ее прислать ему несколько интимных фото, а потом разослал их всем вокруг! Моя сестра едва не покончила с собой, и теперь я прикончу его! — вопил Мэнни, вертясь по сторонам и заглядывая под парты в поисках спрятавшегося Брендона.

— Он обязательно ответит за это, Мэнни, — успокаивала я друга, теперь находясь от него на расстоянии вытянутой руки. Однако прикоснуться к нему я не успела, так как Уилсон схватил меня за руку и подтянул к себе. Он старался спрятать меня за спину, но я не давалась, предпочитая оставаться между ним и Мэнни. Я знала, что мой сосед не выстрелит в меня. Сам Мэнни старался вновь нацелиться на Уилсона, но теперь ему мешала я.

— Там были и твои фотографии, Блу! Ты знала? Гэбби показала мне их сегодня утром. Вся д-д-долбанная шк-к-кола видела их! — От волнения Мэнни стал заикаться еще больше.

Я попыталась убедить себя, что это неправда, но чувство унижения уже разлилось по всему моему телу как змеиный яд. Тем не менее я вытянула вперед руку, надеясь, что Мэнни образумится и отдаст мне пистолет.

— Если это так, то в этом случае Блу должна стоять сейчас здесь с оружием в руках, — мягко произнес Уилсон.

Мэнни перевел шокированный взгляд на преподавателя. Затем он посмотрел на меня, и я пошевелила пальцами, призывая его отдать мне огнестрельное. Казалось, до него только сейчас дошел смысл слов Уилсона.

Затем Мэнни фыркнул. Смешок больше был похож на икоту, однако мы поняли, что этот звук предвещал скорый выстрел. Я собралась было прикрыть голову руками, как

вдруг икота превратилась в хихиканье, хихиканье — в полноценный смех, а тот в настоящие рыдания.

Казалось, Мэнни вдруг растерял всю свою уверенность, и его рука с зажатым в ней пистолетом безвольно повисла вдоль тела. А сам он плакал навзрыд, уткнувшись подбородком в грудь. Тем временем Уилсон обогнул меня и аккуратно потянул на себя Мэнни таким образом, чтобы я смогла забрать у него пушку. Мэнни отдал мне оружие без колебаний, и я осторожно отступила на шаг назад, наблюдая за тем, как мой друг рыдает в объятиях Уилсона. Я растерялась, не зная, что теперь делать с изъятым пистолетом. Мне не хотелось держать его, но и отдать оружие Уилсону я тоже не могла. В эту минуту он держал Мэнни в кольце своих рук, скорее для того, чтобы тот не ускользнул, чем из желания успокоить, хотя Мэнни и не следовало об этом знать.

— Ты знаешь, как извлечь обойму? — мягко обратился ко мне преподаватель.

Я кивнула. Джимми когда-то научил меня этому. Пока Уилсон успокаивал учеников, многие из которых начали потихоньку высовываться из своих укрытий, я быстро вытащила пули из пистолета.

— Я прошу всех вас покинуть помещение. Медленно. Не бегите. Когда окажетесь в коридоре, не останавливайтесь. Выйдите из здания школы. Я думаю, что помощь уже идет. Все будет хорошо, обещаю. Блу, ты останешься здесь, со мной. Так как ты не можешь выйти в коридор с оружием в руках, а я не могу взять его у тебя, мы подождем подкрепления.

Я знала, что под подкреплением Уилсон имеет в виду полицию, просто не хочет встревожить Мэнни, который сейчас был наиболее уязвим и выглядел крайне растерянным.

Не долго думая, мои одноклассники бросились за дверь. В коридоре было тихо и пусто, словно в классах шли обычные уроки. Но я знала, что на самом деле за каждой дверью скрываются учителя, защищающие своих учеников, рыдающие, молящиеся, боящиеся услышать новые выстрелы, ожидающие помощи и звонящие в 911. Может быть, все ломанулись к выходу, когда увидели Мэнни с пистолетом? И уже в эту минуту по лестницам поднимается спасательная команда? Я знала наверняка лишь одно: когда придет полиция, моего маленького друга закуют в наручники, и он больше никогда не вернется в старшую школу. Никогда...

— Положи пистолет и пули ко мне на стол, Блу. Я не хочу, чтобы оружие было у тебя в руках, когда придет подмога, — отдал приказ Уилсон, возвращая меня в реальность.

Я сделала так, как он просил. Повернувшись обратно, я встретила с ним взглядом и заметила паническое выражение на его молодом лице. Словно теперь, когда опасность миновала, Уилсон вдруг осознал к каким кровавым последствиям могла привести вся эта ситуация, произойди все по-другому. Я же едва стояла на ногах, поэтому пришлось схватиться за стол, чтобы не упасть.

Вскоре прибыла полиция, начался допрос и взятие показаний. Уилсон отвечал быстро, описывая произошедшее. Когда Мэнни выводили из класса, нас с Уилсоном оттеснили в сторону. Я пыталась броситься за ними, но руки Уилсона прижимали меня к себе так крепко, что в конечном итоге я сдалась и обняла его в ответ. Его рубашка была мокрой от слез Мэнни, и я чувствовала, как бешено бьется его сердце под моей щекой. К аромату пряного мыла и мяты примешивался запах страха, и в течение нескольких минут ни он, ни я не могли произнести ни слова. Когда же Уилсон наконец заговорил, его голос дрожал от избытка эмоций.

— Ты с ума сошла? — сердито спросил он, касаясь губами моих волос. Сейчас его акцент был особенно заметен. — Ты самая безбашенная девчонка, каких я когда-либо знал. Почему, ради всего святого, ты не спряталась, как это сделали все, у кого есть хоть капля мозга?!

Я лишь сильнее прижалась к нему, дрожа всем телом. Адреналин, помогающий мне стоять прямо, пропал.

— Он мой друг. А друг никогда не позволит другу прикончить другого... друга. — Я попыталась пошутить, хотя мой голос дрожал не меньше тела.

Уилсон рассмеялся, и в этом смехе чувствовалось облегчение. Я тоже засмеялась. Я смеялась над тем, что мы смотрели в лицо смерти и все-таки выжили. Я смеялась, потому что мне не хотелось плакать.

Сначала нас с Уилсоном допросили вместе, затем по отдельности. Я была уверена, что Мэнни тоже опрашивали. Позже я узнала, что к тому времени, как ученики, посещающие уроки Европейской истории, высыпали из школы, скорая помощь и полиция уже были на месте.

Большая часть учеников была сразу эвакуирована преподавателями, а когда на улице показался класс мистера Уилсона, и стало известно, что Мэнни разоружен, полиция тут же бросилась в здание. Между первым выстрелом и задержанием прошло четырнадцать минут. Но они показались нам вечностью.

Люди провозгласили нас с Уилсоном героями. Нас даже атаковало СМИ. Но я не хотела говорить о Мэнни, поэтому отказывалась давать интервью. Единственное, чего мне хотелось по-настоящему, это чтобы Мэнни вернулся в школу, а вместо этого полиция и журналисты напоминали мне о Джимми и о том, что я снова потеряла дорого для себя человека. Мне даже показалось, что я видела среди полицейских офицера Бауэлса, что остановил меня на трассе целую вечность назад. Он разговаривал с другими копами, когда я выходила из школы в тот злосчастный день. Я убедила себя в том, что ошиблась. Но если даже и нет? Что в этом толку? Мне все равно нечего было ему сказать.

С того дня, когда Мэнни едва не вышиб мозги Брендону, прошел месяц. Целый месяц безумия. Месяц отчаяния и горя, настигшего семью Оливарес. Как только Мэнни выпустили, Глория тут же собрала детей и уехала. Я не знала, куда они отправились, и сомневалась, что увижу их вновь. Чтобы как-то заглушить одиночество, я звонила Мейсону. Наши встречи не были свиданиями. Как и не были они дружескими посиделками. Мы просто занимались сексом.

Мейсон, конечно же, был в восторге от нашего «общения». Мне же нравилось ощущать на себе тяжесть его тела. Но сам Мейсон не особенно мне нравился. Однако я не парилась по этому поводу. В один из дней я заметила, что он ждет меня у школы. Он стоял рядом со своим мотоциклом, скрестив на груди покрытые татуировками руки. Оставив свой грузовичок на школьной парковке, я ловко запрыгнула на байк. Надев шлем, я обвила руками его накаченную грудь, и мы рванули с места. Мейсон любил быструю езду, его не останавливал даже пронизывающий январский ветер. Мы доехали до дамбы Гувера и повернули назад, так как начало темнеть.

Мейсон занимал помещение над гаражом родителей, в которое можно было попасть по узкой выдвижной лестнице. Мы поднялись в комнату, наши щеки покраснелись от быстрой езды, а кожу покалывало от мороза. Я не ждала флирта или слащавых бесед — никогда не ждала. Без единого слова мы опустили на кровать, и я постаралась отключиться от дурных мыслей.

Спустя час я проснулась в пустой постели. За тонкой стеной, отделяющей спальню Мейсона и ванну от остального пространства, играла музыка и слышались чьи-то голоса. Я оделась, с трудом втиснувшись в джинсы, которые ненавидела, но все равно надевала день за днем. Я чувствовала голод и надеялась, что у Мейсона найдется кусок пиццы, который я могла бы незаметно стащить. Мои волосы торчали в разные стороны, а тушь осыпалась с ресниц, поэтому я провела в ванной, должно быть, минут двадцать.

Выйдя из ванной, я по привычке выключила свет. Стало темно, и я очень аккуратно двинулась в сторону постели, огибая разбросанную по полу одежду и обувь. Выключатель для спальни находился на противоположной стене, и добраться до него было непросто.

Дойдя до двери, я взялась за ручку, которая была измазана чем-то липким, по ощущениям похожим на плавленый сыр, как вдруг услышала голос Мейсона, приветствовавшего брата вопросом:

— Как дела, братан?

Я не видела и не общалась с Брендonom с того злосчастного дня, когда все произошло. Не хотела я столкнуться с ним и сейчас. В тот день его даже не было в школе, однако это не мешало мне винить его во всем, что произошло. Я вновь заперлась в ванной, голодная и злая, слыша, как кто-то еще приветствует Брендона.

— Здорово, Брендон. Тебя еще не схватили?

Это был Колби — один из друзей Мейсона, которого я не переваривала. Он был страшным, подлым и тупым. Самая настоящая тройная угроза. А сейчас он похоже был еще и пьян. Я старалась избегать его, когда это было возможно. Но похоже, что этим вечером избежать его общества не удастся.

— Пока нет. Но ночь только начинается. — Как всегда очаровательно пошутил Брендон.

— Мейсон говорил, что у тебя на телефоне есть фотки той маленькой сеньориты, — невнятно промямлил Колби. — Их же не конфисковали?

Хотя Грасьела и призналась, что добровольно отправила свои интимные фото Брендону, именно Колби потрудился над тем, чтобы сделать их достоянием общественности. Ходили слухи, что его родители старались изо всех сил, чтобы спасти сына от наказания.

— Заткнись, Колби, идиот! — рявкнул Мейсон. Мне определенно следовало вернуться к машине, которая все еще стояла у школы. Они с Колби наверняка зависнут тут на всю ночь. Ожидаются литры алкоголя и нескончаемые выпуски *«Абсолютного бойца»*.

— А еще я слышал, что у тебя есть фотки Блу! Тело у этой девчонки, скажу я вам... — хохотнул Колби.

Мое сердце сжалось.

Мейсон выругался, однако его слова потонули в шуме драки и падающих на пол тяжелых предметов.

— Она в соседней комнате, придурок ты гребанный! — прокричал Мейсон, а Колби и Брендон заржали, так как их, по-видимому, не особенно волновал факт моего присутствия и то, что я могла их слышать.

— Чувак, я тоже их видел! — сказал Брендон. — Да что там, вся школа их видела! Думаю, и эта маленькая мексиканская штучка видела их на моем телефоне. Так что было довольно просто убедить ее в том, что все горячие девчонки присылают мне свои фотки.

— Закрой рот! — прошипел Мейсон, его шепот отчетливо слышался сквозь смех Брендона и Колби. — Нахрена вы двое рылись в моем телефоне. Блу не знает о том, что я снимал ее.

Я отшатнулась от двери не в силах больше этого слушать. От голода сводило живот, и я едва держалась на ногах. Грасьела видела мои фотографии на телефоне Брендона. И Мэнни предупреждал меня об этом. Но я не поверила. И ничего не сказала полиции об этом. И насколько я знала, никто другой тоже.

Воспоминания вернули меня в тот вечер, когда Грасьела разозлилась на меня. Тогда мы с Мэнни закатывали глаза и шутили над женскими гормонами. И лишь сейчас все произошедшее обрело смысл. Грасьела пыталась быть похожей на меня. И, по ее мнению, я предала ее. Она подумала, что это я послала Брендону свои фото, хотя знала, что он ей нравится. Поэтому она поступила так же.

Мои глаза были сухими, но в сердце бушевал настоящий ураган, и я изо всех сил старалась сдержать вопль ужаса, рвущийся из груди.

«Я не знала», — пыталась я успокоить свою совесть. Мейсон тайно сфотографировал меня, а потом Брендон стащил у него эти фото.

— Я не знала, — произнесла я, и мой голос эхом отразился от стен ванной. Я огляделась вокруг, обводя взглядом грязную одежду на полу, душевую занавеску, испачканный унитаз и заржавевшую раковину. Что я здесь делаю? Что я делала здесь все это время? Я сама виновата. Я сама позволила Мейсону подойти слишком близко. Да, я не знала о фотографиях. Но это все равно меня не оправдывало.

Вся эта история произошла из-за меня. Я сбила с пути девочку, которой так хотелось быть популярной, что она решилась на безумный поступок. Имела ли я в виду Грасьелу или себя? Я взглянула на себя в зеркало, но тут же отвернулась от него. Мои поступки привели к тому, что Грасьела сделала неправильный выбор, а Мэнни поплатился за это. Мэнни — человек, который, казалось бы, любил весь мир! *Я никто. А ты кто?*

«Я — Мэнни», — сказал он однажды, веря в то, что этого достаточно. Так почему нет? Сегодня все только и кричат о том, как важно оставаться самим собой. Но как это возможно, когда ты не знаешь, кто ты, черт возьми, такой! Мэнни, по-видимому, знал, просто оказался слишком впечатлительным и не смог смириться с миром, в котором люди творят, что хотят, даже не задумываясь над тем, плохо это или хорошо.

Я взяла себя в руки и вышла из ванной. Я должна потребовать у Мейсона телефон и удалить эти чертовы фотки или обратиться в полицию? Должна ли я кидаться в него вещами, кричать, что он долбаный ублюдок и я больше никогда не хочу его видеть? Возьмёт ли это действие? Котята сбежали. Фотографии уже облетели школу. Может быть, это и есть справедливость?

Я прошла через гостиную, на ходу набрасывая на себя куртку. Колби радостно поприветствовал меня, Брендон смущенно улыбнулся. Что касалось Мейсона, то он просто стоял и сверлил меня взглядом. Он понял, что я все слышала.

— Не уходи, Блу, — произнес он, когда я была уже в дверях. Однако он не пошел за мной.

Глава 9 Полночь

Мой одинокий грузовик возвышался среди моря темных крыш. Фонари отбрасывали на землю слабый оранжевый свет, и я направилась к машине, радуясь, что ночь уже на исходе. Ноги ныли от боли. Сапоги на высоченном каблуке ужасно жали, поэтому оставшееся расстояние до грузовика я преодолела ковыляя. Достав из сумочки ключи, я открыла дверь. Та медленно подалась вперед, сопровождая движение мерзким скрежетом, который заставил меня подпрыгнуть на месте, хоть я и слышала его до этого тысячи раз. Забравшись в кабину, я с силой захлопнула дверь и вставила ключи в зажигание.

Клик, клик, клик...

— О, нет! Только не сейчас, пожалуйста! — застонала я. Я повторила попытку, но не добилась ничего, кроме серии быстрых кликов. Не зажглись даже фары. Аккумулятор сдох. Я крепко выругалась и стукнула руль, заставив сигнальный гудок жалобно завывать. Похоже, этой ночью спать я буду на переднем сидении. Дом находился далеко от парковки, а на мне были слишком высокие каблуки. Дорога до дома заняла бы по меньшей мере час. Шерил на смене, так что не сможет за мной приехать. Впрочем, если я останусь здесь, то утром мне придется столкнуться с той же проблемой, и я вынуждена буду тащиться домой с макияжем как у енота и с торчащими в разные стороны волосами, только уже при свете дня.

Конечно, Мейсон мог бы забрать меня. И, возможно, он бы даже взял трубку после первого гудка. Но мне пришлось отказаться от этой мысли. Никогда! Никогда больше я не позвоню Мейсону Бейтсу! Гнев придавал мне сил, я выбралась из машины и пошла пешком. Пройдя через парковку, я обогнула школу и двинулась в сторону дома. Пересекая парковку для учителей, я заметила машину, стоящую недалеко от входа в здание школы. Это был серебристый субару, такой же, как у мистера Уилсона. Если преподаватель в

школе и еще не уехал, я могла бы попросить его подвезти меня, или еще лучше — завести с помощью его аккумулятора мой грузовик. У меня были кабели. Если мистер Уилсон оставил ключи в зажигании, я могла бы одолжить у него автомобиль, подогнать его к своему грузовику, завести мотор и быстро вернуть машину на место так, что он ничего не узнает.

Я подергала ручку на двери. Бесполезно. Тогда я попробовала открыть остальные двери. Я могла бы постучать в школьные двери, выходящие на парковку в надежде, что Уилсон услышит меня. Но его кабинет находился на втором этаже. Шанс, что он услышит мой стук был настолько мизерным, что не стоило и пытаться. К счастью, я знала, как пробраться в школу. Прошлым летом мой «Дримель» сломался, и я целый месяц не могла найти деньги на новый. Поэтому я пользовалась тем, что находился в школьной мастерской. Туда я пробиралась с помощью ножовки, которой отпирала дверь. Раз никто ничего не заметил семь месяцев назад, то не заметят и теперь. Конечно, меня могли поймать, но в этом случае я могу сказать, что дверь была не заперта. Не думаю, что Уилсон выдаст меня, если что.

Похоже, полоса невезения решила взять отпуск, потому что мои ключи легко открыли дверь мастерской. Я без труда попала внутрь и стала пробираться по знакомым коридорам. В школе пахло дезинфекторами, обедами и дешевым одеколоном — все это странно успокаивало. Я думала, как мне пробраться к Уилсону так, чтобы не напугать его до чертиков. Но когда я уже была у лестницы, ведущей на второй этаж, я услышала нечто, что заставило меня резко остановиться. Мое сердце отбивало барабанную дробь, поэтому сложно было определить, что это был за звук. Я успокоила дыхание и прислушалась. Что это было? Скрипка? Чушь. Отчего-то вспомнился фильм Хичкока «Психо».

РИ-РИ-РИ-РИ

Я передернула плечами. Скрипки — это глупо.

Следуя за мелодией, я поднялась наверх. На втором этаже в холле было темно, и лишь свет, струящийся из кабинета Уилсона, служил для меня ориентиром. Это было единственное пятно света во всей школе, сконцентрированное вокруг одного мужчины. В дверном проеме виднелся его силуэт. Я шла ему навстречу, держась возле стены на случай, если он обернется. Но окружающий его свет, казалось, ослепил его. Я сомневалась, что он увидит меня, даже если переведет на меня взгляд.

Он обнимал руками какой-то инструмент. Я не знала его названия. Он был намного больше скрипки, настолько больше, что стоял на полу, а Уилсон сидел позади него. И музыка, которую он играл, отнюдь не была тревожной. Наоборот, она была чертовски хороша. Она была резкой, но в то же время, сладкой. Экспрессивной, но простой. Уилсон сидел с закрытыми глазами, склонив голову так, будто молился во время игры. Рукава его рубашки были закатаны, а тело двигалось вслед за смычком, как при фехтовании. Я вспомнила Мэнни. О том, что он говорил о руках Уилсона. Я смотрела на игру мускулов под гладкой кожей и на то, как он напрягал и расслаблял их, рождая мягкую мелодию с помощью угрюмого инструмента.

Мне хотелось обнаружить свое присутствие, чтобы напугать его. Мне хотелось рассмеяться или отпустить шутку в его адрес, или сказать что-нибудь едкое, как я обычно делала. Мне хотелось возненавидеть его за то, что он так прекрасен и за то, что я такой никогда не стану.

Но я не пошевелилась, не обронила ни слова. Просто слушала. Долго ли — не знаю сама. И чем больше я слушала, тем отчетливее свербело в груди от ранее незнакомого мне чувства. Казалось, будто это сердце расширяется от эмоций, и я непроизвольно потянула к груди руки, словно могла таким образом прекратить это.

Но с каждой новой нотой чувство становилось все больше. Но это не было страданием или болью. Это не было отчаянием или раскаянием. Больше всего оно было похоже на... благодарность. Или любовь... Но я тут же отвергла зародившиеся в сознании

мысли. Благодарность? За что? За жизнь, которая никогда не была справедливой? За столь редкие моменты счастья? За удовольствие, повлекшее за собой чувство вины и ненависти?

Я закрыла глаза, пытаясь сопротивляться потоку эмоций, но мое изголодавшееся сердце вбирало в себя все больше и больше. Чувства разлились по всему моему телу, согревая и исцеляя. Вина и ненависть отступили, уступая место великой благодарности за то, что я была жива, могла чувствовать и слышать эту музыку. Меня переполняла невообразимая радость, которую я никогда прежде не чувствовала.

Я сползла вниз по стене пока не оказалась сидящей на холодном полу. Уткнувшись лбом в колени, я позволила мелодии развязать узлы на моей душе и даровать мне, пусть даже на мгновение, свободу от того бремени, что я влачила на себе, брэнча грязными тяжелыми цепями.

Что, если это возможность навсегда избавиться от него? Что, если я смогу измениться? Что, если жизнь может быть другой? Что, если я смогу стать кем-то? У меня появилась крохотная надежда. В этой музыке было нечто, сулящее возможности и вдыхающее жизнь в самую сокровенную мечту. А Уилсон продолжал играть, даже не догадываясь об искрах, что зажглись в моей душе.

Внезапно мелодия изменилась, и Уилсон заиграл что-то очень знакомое. Я не знала слов, но помнила, что песня была про благодать. И тут слова сами пришли ко мне, словно кто-то нашептывал их мне на ухо: *«Божья благодать! Как сладок звук, что спас несчастных, таких же, как я...»*

Я не знала, что это была за благодать, но, похоже, звучала она как музыка. Может быть, именно ее я сейчас ощущала? Как сладок звук. И он действительно был сладок до невозможности. Как сладок звук, что спас несчастных, таких же, как я. Может ли слово «несчастный» обозначать суку? Или шлюху? Моя жизнь не была наполнена духовностью, чтобы спасти ее. И любовью к кому бы то ни было тоже.

Мой разум тут же отверг эту идею. Благодать не спасет меня. Но где-то в маленьком уголке моего сердца, освещенным музыкой, родилась надежда на то, что это возможно. Я вдруг поверила, что это возможно.

— Господь? — произнесла я имя, которое никогда раньше не упоминала, за исключением богохульства. Но ведь когда-то я воспевала его имя. И теперь вновь, ощутила этот вкус. — Господь?

Я ждала, и музыка вела меня вперед.

— Господь, у меня уродливая душа. Но я не виновата. Ты знаешь, что не виновата. Я готова взять на себя часть ответственности, но и ты тоже причастен к этому. Меня никто не оберегал, никто обо мне не заботился, никто не пришел мне на помощь. — Я сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает комок боли, который я так долго не замечала. — И теперь я спрашиваю тебя, Господи: можешь ли ты искоренить это уродство?

Что-то сломалось внутри меня, и я застонала не в силах сдерживаться. Стыд захлестнул меня, разливаясь по телу волнами отчаяния. Я в отчаянии вновь обратилась к Богу:

— Господь, если ты любишь меня... искорени его. Пожалуйста. Искорени это уродство. Я больше не хочу чувствовать его внутри себя. — Обхватив голову руками, я позволила потоку чувств поглотить меня. Никогда в жизни я не рыдала так, как сегодня. Я боялась, что стоит мне разрушить плотину, и я утону в слезах. Но не утонула. Наоборот, я чувствовала, как слезы очищают и возвышают меня. В сердце затеплилась надежда. А с надеждой пришло и спокойствие. Оно уладило поток, утихомирило шторм и успокоило.

Свет разлился надо мной, освещая лучами коридор. Я резко вскочила, схватила сумку и повернулась спиной к человеку, появившемуся передо мной.

— Блу? — в голосе Уилсона прозвучало сомнение, если не сказать неверие. Что ж, во всяком случае он больше не называл меня «мисс Ичхоук».

— Что ты здесь делаешь?

Я все еще стояла к нему спиной, пытаюсь стереть с лица причину того, что мешало мне повернуться. Я наскоро вытерла его, надеясь, что оно не выдаст моих чувств. Я продолжала стоять отвернувшись, когда он приблизился.

— В моей машине сел аккумулятор. Она стоит на парковке. Я увидела, что ваша машина здесь и хотела узнать, не можете ли вы мне? — Я старалась говорить мягко, настойчиво избегая зрительного контакта. Чтобы не сорваться, я приковала взгляд к полу.

— Ты в порядке? — вежливо осведомился он.

— Да, — ответила я. И это действительно было так. Каким-то невероятным образом.

Неожиданно перед моим носом возник небольшой белый кусок ткани.

— Платок? Вам что, восемьдесят пять?

— Мне двадцать два, как ты знаешь. Просто я рос в очень правильной и слегка старомодной семье. Женщина, которая воспитывала меня, всегда носила с собой платок. Уверен, сейчас ты рада, что она научила меня этому?

Да, я была рада. Но совершенно не собиралась показывать это. Я промокнула атласной тканью глаза и щеки. Платок пах божественно... сосной, лавандой и мылом, и этот аромат предавал ему некую интимность. Я попыталась найти тему для разговора.

— Это та же женщина, что назвала вас Дарси?

Уилсон рассмеялся.

— Она самая.

— Я могу забрать платок? Я постираю его и верну обратно. Даже поглажу, как ваша мама.

Дьяволенок внутри меня заставил меня это сказать.

— Ах, Блу. Вот ты где. А я уж подумал, что в тебя вселилась обычная девушка, которой не доставляет удовольствия подтрунивать над своим преподавателем. — Уилсон улыбнулся, и я растеряла всю свою самоуверенность. — Позволь, я возьму свои вещи. На сегодня все.

— Что? Только сейчас? Уроки закончились восемь часов назад, — поддразнила его я, пытаюсь вернуться в норму. Он не ответил, а через минуту его инструмент, упакованный в футляр уже висел у него за спиной. Выключив свет в холле, мы начали спускаться вниз в полной тишине.

— Как ты попала сюда? — спросил он, но тут же замотал головой. — Хотя, неважно. Я не хочу знать. Но если в понедельник я обнаружу, что в школе разрисованы стены, то буду знать, кто приложил к этому руку.

— Граффити — не моя стихия, — обиженно фыркнула я.

— Серьезно? А что же тогда? — Он оглянулся на дверь, когда мы вышли на улицу.

— Дерево, — ответила я, удивляясь, зачем вообще рассказываю ему об этом. Нужно было позволить ему думать, что я граффитист. В конце концов, кого это волнует? «Тебя», — прошептал тоненький голосок внутри меня. И это было чистой правдой.

— И что именно ты с ним делаешь?

— Я занимаюсь резьбой по дереву.

— Скульптуры, медведи, тотемы или что?

— Тотемы? — скептически спросила я. — Это был камень в мой огород? Из-за моей национальности?

— Национальности? Я думал, ты говорила, что ты не индеец.

— Я понятия не имею, кто я, нахрен, такая. Но это все равно было обидно, Шерлок.

— Но почему ты не знаешь, кто ты, Блу? И неужели ты никогда не пыталась узнать? Возможно, ты не была бы такой озлобленной. — Уилсон выглядел растерянным. Он шел впереди меня, разговаривая, казалось, с самим собой. — Просто невероятно! Вести с тобой беседу — все равно что разговаривать со змеей. Ты можешь быть уязвимой и ранимой, а в следующее мгновение уже шипишь и жалишь. Откровенно говоря, я не

знаю, как к тебе подойти, даже если бы захотел. Я упомянул о тотемах лишь потому, что их обычно вырезают из дерева, не так ли? — Он обернулся и посмотрел на меня.

— А вы становитесь капризным, если вовремя не ложитесь спать, не так ли? — пробормотала я.

— Видишь? — всплеснул он руками. — Ты снова это делаешь.

Он остановился около своей машины, положив руки на бедра.

— Я знаю, что ты невероятно яркая. И когда ты не пытаешься умничать, твои комментарии во время лекций очень проникательны. А когда ты умничаешь, то становишься остроумной и заставляешь меня смеяться, даже если я хочу прихлопнуть тебя. Я знаю, что ты либо испытываешь страсть к острым ощущениям, либо просто более мужественна, чем другие, и умеешь разряжать оружие. Я знаю, что тебя вырастил человек по фамилии Ичхоук. Я знаю, что ты не знаешь точной даты своего рождения. Я знаю, что ты не планируешь поступать в университет после выпуска. Я знаю, что в классе ты главный клоун и тебе нравится смущать меня своими шутками.

Он пересчитал пальцы.

— Целых восемь фактов. Ах да, еще ты любишь резьбу по дереву. Скорее всего это НЕ тотемы, так как это вызывает у тебя бурную реакцию. А это уже девять фактов, даже десять, если мы посчитаем умение умничать.

Он вновь опустил руки на бедра.

— И мне действительно хочется знать больше. Я не хочу узнать историю маленького дрозда, выброшенного из гнезда. Я хочу узнать Блу, — произнося мое имя, он ткнул меня в грудь.

— Это иносказание, — проскулила я, потирая место, в которое он ткнул меня своим длинным пальцем. — Мой отец, Джимми, как-то назвал меня дроздом, улетевшим далеко от дома.

— Одиннадцать фактов. Видишь? Не так уж сложно.

— Вы милый, когда сердитесь. — Я хотела поддеть его, но прозвучало так, будто я флиртую. Так могла бы сказать какая-нибудь Блестинка, типа Крисси. Я почувствовала себя глупо и бросила на него быстрый взгляд. По счастью, он просто возвел глаза к небу. Забавно, как легко можно определить, что кто-то закатил глаза, когда вы находитесь в темноте, и ты едва его видишь.

Уилсон порылся в карманах. Затем потрогал двери машины. Я могла и так сказать ему, что они заперты, но предпочла промолчать. Я подумала, что он не упомянул о двенадцатом факте. Я была мудрой.

— Вот ведь ерунда! — Он прислонил лицо к стеклу, вглядываясь внутрь. — Блин!

— Да вы остры на язык, мистер Уилсон, — усмехнулась я, стараясь не рассмеяться. — Ругаетесь.

— Что? Да нет же... эти выражения — легкие ругательства.

— Даже «ерунда»? Звучит очень старомодно.

На самом деле это было не так, мне просто хотелось повеселиться.

— Если так пойдет и дальше, вы и до «чепухи» дойдете. Думаю, это не будет одобрено.

— Ключи остались в зажигании, — простонал Уилсон, не обращая на меня внимания. Затем он выпрямился и посмотрел на меня. — Нам придется идти пешком, Блу. Если только ты не обладаешь навыками взлома.

— Мне они не нужны. Мне нужны инструменты, — ответила я. — Но сейчас у меня их нет. Но мы могли бы выбить стекло вашей большой скрипкой.

— Умничаешь, как обычно. — Уилсон развернулся и пошел в сторону дороги.

— Я живу в четырех милях отсюда, — предупредила я, ковыляя за ним.

— Отлично! Я в шести. А это значит, что по крайней мере две мили я не буду слышать твоего шипения.

Я расхохоталась. Он и впрямь был капризным.

Глава 10

Кобальт

Мы шли молча в течение нескольких минут, и лишь стук моих каблучков по асфальту разбавлял эту тишину.

— В такой обуви ты не сможешь пройти четыре мили, — пессимистично заметил Уилсон.

— Смогу, потому что должна, — спокойно возразила я.

— Ты крепкий орешек, да?

— А вы сомневаетесь?

— Нет. Хотя сегодняшние слезы удивили меня. Кстати, почему ты плакала?

— Это были слезы искупления.

В темноте легче было быть честной. Уилсон остановился. Я шла дальше.

— Вы не сможете пройти шесть миль с этой огромной скрипкой за спиной, — парировала я, легко меняя тему.

— Смогу, потому что должен, — передразнил он. — И это виолончель, простофиля. — Он вновь поравнялся со мной.

— Не говорите больше «простофиля», это звучит чертовски смешно.

— Договорились. Тогда ты больше не говори «чертовски», в устах американца это звучит по-идиотски. Из-за неправильного акцента.

Тишина.

— Что ты имела в виду под искуплением?

Я вздохнула. Я знала, что он непременно вернется к этому. Я бы не смогла избежать ответа все четыре мили, так что я на мгновение задумалась, удивляясь, как меня угораздило заикнуться об искуплении и надеяться, что он не захочет узнать, о чем я.

— Вы когда-нибудь молились? — решила я.

— Конечно, — кивнул Уилсон, словно в этом не было ничего особенного. Возможно, он молится по утрам и вечерам?

— Ну, а я вот ни разу. До сегодняшнего вечера.

— И? — поторопил Уилсон.

— И я почувствовала себя... хорошо.

Я ощутила на себе его взгляд.

— Обычно, искупление подразумевает спасение. От чего хотела спастись ты? — спросил он, стараясь сохранить спокойствие в голосе.

— От уродства.

Уилсон вытянул руки, заставляя меня остановиться. Он изучал мое лицо, словно стараясь найти в моих словах тайный смысл.

— Ты состоишь больше, чем из двенадцати вещей, которые я назвал, Блу Ичхоук, — он слегка улыбнулся. — Но уродство не одна из них.

В его словах было что-то забавное. И удивительное. Я и не предполагала даже, что он станет изучать меня на психологическом уровне. И я не знала, хотела ли этого. Я лишь встряхнула головой и возобновила движение.

— В моей жизни много уродства, Уилсон. И в последнее время его становится все больше.

Мы шли вдвоем по уснувшим улицам. В Боулдер-Сити стояла поразительная тишина. И если Вегас был создан для вечного бодрствования, то Боулдеру идеально подходила сонная атмосфера. Он спал, как пьяница на перине.

— Хорошо. Теперь мы знаем четырнадцать фактов. В твоей жизни много уродства, но твоя душа далеко не уродлива. И ты любишь молиться в темных коридорах посреди ночи.

— Да. А еще я очаровательна. Это пятнадцать.

— Я думал, что после выстрелов школа будет последним местом куда ты пойдешь молиться и... просить искупления.

— Я не выбирала это место, Уилсон. Мне просто было плохо. И если Бог существует, то, он существует везде: и в школе, и в церкви. А если его нет, то... может быть, эти слезы были для Мэнни и всех тех неудачников, что слоняются в одиночестве по этим коридорам и ищут помощи.

— Я с детских лет там не бывал, где были все; я не видал, что все видали; мои сны не воспалялись от весны, — пробормотал Уилсон.

Я выжидательно посмотрела на него.

— «Один» Эдгара Алана По. Неудачника. Одиночки. Поэта.

Мне бы следовало это знать. Как бы мне хотелось узнавать строки, которые он цитировал, чтобы я могла подхватывать слова, когда он их забывал. Но я не знала и не могла знать, поэтому над нами вновь воцарилась тишина.

— Так Расскажи мне, почему ты не знаешь, когда родилась? — произнес Уилсон, забывая о По.

— Вам нравится перебивать кости? — парировала я.

— Что? Почему?

— Потому что вы перебиваете их мне, и это довольно неприятно, — проскулила я, надеясь, что это прекратит вопросы.

— О, тогда, да. Пожалуй, мне это нравится. И у нас есть целых три мили для этого.

Я тяжело вздохнула, давая понять, что это, вообще-то, не его ума дело. Но тем не менее начала рассказ.

— Моя мать бросила меня, когда мне было около двух. И точно неизвестно, сколько лет мне было. Она просто оставила меня в грузовике Джимми Ичхоука и скрылась. Он не знал ее, а я была слишком мала, чтобы что-то рассказать. Он не знал, что со мной делать, но побоялся, что его могут обвинить в похищении. Поэтому уехал. И забрал меня с собой. Он был необычным человеком. Он слонялся по округе, делал сувениры из дерева и продавал их туристам и нескольким галереям. Он жил так все восемь лет. Когда мне было одиннадцать, он погиб. Опять же, я не могу утверждать наверняка, что мне было именно столько. Меня отдали на воспитание Шерил, сводной сестре Джимми. Никто не знал, кто я и откуда. А я думала, что Джимми мой отец. Шерил рассказала мне, что это не так, спустя три года. Обо мне не было записей, поэтому через суд удалось сделать мне свидетельство о рождении и присвоить номер социального страхования. Так я официально стала Блу Ичхоук, рожденной 2 Августа — в день, когда Джимми обнаружил меня. Социальные службы думали, что мне десять, что не очень отличалось от наших с Джимми предположений по этому поводу. Поэтому они посчитали, что я рождена в 1991 году. Мне девятнадцать, может быть, даже двадцать, как знать... Я немного старовата для старшей школы, хотя... может, именно поэтому я такая умная и зрелая. — Я ухмыльнулась.

— Довольно, — медленно произнес Уилсон. Казалось, он находился в процессе обдумывания моей неправдоподобной истории. — Мой день рождения 11 Августа, значит, я всего на три года старше тебя. — Он бросил на меня взгляд. — В таком случае, полагаю, глупо называть тебя «мисс Ичхоук».

— Мне в общем-то все равно, Дарси, — невинно, даже мило улыбнулась я. Уилсон только ухмыльнулся в ответ. Но правда была в том, что мне БЫЛО все равно. Когда он говорил «мисс Ичхоук» вот так шутливо, как сейчас, я чувствовала себя так, словно меня повысили, возвели на новый уровень. Мисс Ичхоук напоминала мне о той, кем я могла стать. О более сложной и усовершенствованной себе. О той, что сильно отличается от меня нынешней.

Я почувствовала вибрацию на своем бедре и выудила мобильный из тесного кармана джинс. Это был Мейсон. Я подумала было о том, чтобы не отвечать, но затем вспомнила о милях, которые нам с Уилсоном еще предстояло пройти.

— Мейсон?

— Блу, детка, где ты?

О, чувак. Да ты пьян.

— Я искал тебя. Ты сердишься на меня? Мы у твоего грузовика, но тебя здесь нет. Ты же не здесь, верно? — Он вдруг засомневался, словно я могла неожиданно выскочить откуда-нибудь.

— У меня сел аккумулятор, Мейсон. И сейчас я иду домой по улице Адамс. Кто еще с тобой? Надеюсь, кто-нибудь более трезвый.

— Она с Адамом, — сказал Мейсон кому-то и уронил телефон. Послышались ругательства, после чего мобильный подняли.

— Что еще за Адам, Блу? Это из-за него ты ушла так рано, шлюшка? — До меня донесся голос Колби. Он рассмеялся своим кудахчущим смехом, и мне пришлось отодвинуть телефон от уха. Я почти не сомневалась в том, что Уилсон все слышал: чересчур уж громкий у Колби был голос.

— Я на Адамс, это улица, Колби, — отчеканила я.

Связь прервалась. Чудесно.

— Что ж, нас могут спасти, — угрюмо сказала я. — Или не могут. И лучше бы не спасали.

— Без сомнения. — Уилсон тряхнул головой. — Этот день достоин книги рекордов Гиннеса.

Немного погода нас ослепили яркие огни, и мы повернулись к ним лицом. Я потянула Уилсона за руку. Мне не хотелось, чтобы его ненароком переехали. Это была машина Мейсона, и он сидел за рулем. Колби высунулся через пассажирское окошко и напоминал большую собаку.

— Здорово, Адам. Что, тоже отхватил кусочек этой задницы? — хохотнул Колби, а я почувствовала, как в животе рождается чувство отвращения. Отвращения к себе и к парню, который считал себя в праве отзываться обо мне, как о куче мусора.

— Это твои приятели? — натянуто спросил Уилсон, подтягивая виолончель повыше.

Я коротко кивнула, от унижения не в состоянии посмотреть на него.

— Садись, Блу, — крикнул Мейсон. Колби распахнул дверь и поманил меня. Но я осталась стоять на тротуаре.

— Эти двое абсолютно пьяны, — устало сказал Уилсон. — Я не узнаю их. Они не из моего класса.

— Они уже выпустились. Мейсону столько же, сколько и вам. Колби на год младше.

Они оба не появлялись в старшей школе годами, зависая на футболе, в котором преуспели.

— Мейсон, ты должен пустить меня за руль, хорошо? — Я знала, что если буду агрессивной, то они уедут, а мне было выгоднее поехать с ними, но вот вести машину им точно не стоило.

— Конечно, детка. Можешь сесть мне на колени и рулить. Я знаю, тебе нравится, когда в тебя вонзается что-то твердое, — воскликнул Мейсон, все это время смотря на Уилсона так, словно хотел ему вмазать.

Я двинулась к ним. Они могли разбиться. Но Мейсон приказал мне остановиться, выполз из машины и, шатаясь, подошел ко мне. Машина заглохла. Очевидно, Мейсон не проверил ее, прежде чем отправиться на мои поиски.

В мгновение ока Уилсон оказался на Мейсоне и одним быстрым ударом оглушил его.

— Вот чёрт! — Колби выбрался из машины и направлялся к нам на заплетающихся ногах. — Что он тебе сделал, Адам?

— Мое чертово имя не Адам! — проорал Уилсон. — А сейчас помоги мне погрузить твоего тупого дружка в... чертов пикап... или как вы это называете! — похоже, у Уилсона кончилось терпение. Я не знала, как ему удалось усмирить Мейсона, но была благодарна за это.

Пока Колби находился в ступоре, я подбежала к преподавателю и помогла ему наполовину дотянуть, наполовину дотащить Мейсона до машины. Открыв заднюю дверь, я помогла уложить Мейсона в кузов. Даже несмотря на то, что мой приятель лежал сзади, я все равно была вынуждена сидеть между Колби и Уилсоном, который, к моему удивлению, умел водить грузовик с механической коробкой передач. Рука Колби лежала на спинке моего сидения, и периодически он опускал ее мне на плечо. Я била его локтем в бок и пододвигалась к Уилсону так близко, как только могла. Его правая рука была тесно прижата ко мне, и он морщился каждый раз, когда приходилось переключать скорость, а может быть, ему просто было противно ко мне прикасаться. Но во всяком случае я не соприкасалась с Колби.

Мы вернулись к школе, и Колби сидел тихо, пока мы заводили мой грузовик. Затем ему стало плохо, и он испачкал рвотой весь салон. Уилсон лишь стиснул зубы, поднялся в кабину и с сердитым рыком опустил стекло.

— Я провожу тебя до дома Мейсона, — сказал он таким голосом, словно все, что произошло, случилось по молей вине. Сидя за рулем своего грузовика, я показывала дорогу, неотрывно следя за преподавателем в зеркало заднего вида. Когда мы доехали до дома Мейсона, Уилсон вытащил его из кузова, и мы проникли в дом через подвальную дверь. До сих пор не знаю, как нам удалось дотащить его до его апартаментов над гаражом. Мейсон весил 200 фунтов и был чертовски тяжелым. Там мы положили его на диван.

— С ним все в порядке? — я прислушалась к дыханию друга.

Уилсон похлопал его по щекам.

— Мейсон? Мейсон? Приходи в себя, парень. А то твоя девушка боится, что я убил тебя.

Мейсон застонал и отмахнулся от историка.

— Видишь? Он в порядке. Никакого урона.

Уилсон вышел из дома. Колби плюхнулся на кресло и закрыл глаза. Проверив надежно ли заперта подвальная дверь, я поспешила вслед за Уилсоном. Тот доставал свою виолончель из кузова пикапа Мейсона.

— Ключи от машины в приборной панели, но двери заперты. Надеюсь, это удержит его в случае, если он решит спасти кого-то еще этой ночью или даже лучше — поедет тебя искать. — Он бросил на меня сердитый взгляд и переложил футляр с инструментом в мой грузовик. Затем он уселся на пассажирское сидение, а я устроилась за рулем, злясь из-за того, что он злится. Мы выехали с подъездной дорожки, и я дала волю эмоциям.

— Я не виновата в том, что ВЫ забыли СВОИ ключи в машине!

— Просто отвези меня домой, а то я весь пропах пивом и пиццей. Да, факт №16: у Блу отвратительные друзья.

— Все британцы становятся такими же жалкими в полночь или только вы? И вообще, что вы там делали? Тоже мне, школьный учитель, играющий на виолончели. Вы самый большой тупица из всех, кого я знаю. А кунг-фу вы не владеете случайно?

Уилсон хмуро посмотрел на меня, явно не оценив комментария про «тупицу».

— Честно говоря, я и сам не знаю, как это получилось. Это была чистая случайность. Я просто врезал ему по челюсти, а он упал. — Мы немного помолчали, после чего он добавил. — Это было чертовски круто!

Пораженная его признанием, я резко повернулась и встретила с ним взглядом. Не знаю, кто из нас засмеялся первым. Может быть, я, а может, он, но через мгновение кабина наполнилась хохотом. Я едва могла вести машину от смеха. И это было чертовски круто.

Мы доехали до дома Уилсона. Он взял запасные ключи, и я отвезла его обратно к школе. Он жил в доме доисторического вида. Многие дома в Вегасе покрывали штукатуркой, было чертовски сложно найти среди них хотя бы один кирпичный. В Боулдере все было по-другому.

Но в районе, в котором находилось жилище Уилсона, преобладали старые фактуры. Здание входило в список исторических объектов до тех пор, пока его не прекратили финансировать. Уилсон сказал, что дом был похож на безобразную кучу, когда он купил его год назад. Я ответила, что он по-прежнему похож на нее, приправив свои слова улыбкой для смягчения эффекта. Но в нем было нечто достойное восхищения.

Дом был сделан из кирпича, который больше подходил для общежитий где-нибудь на Востоке, нежели для здания среди пустыни. Уилсон сказал, что в Англии много старых объектов, не только семнадцатилетних, как этот дом, но и на сотни лет старше. Ему не хотелось жить в доме, не имеющем истории, а это здание было, должно быть, самым старым в западном городишке.

Когда он поднимался по ступенькам, я обратила внимание на небольшую табличку возле двери, типа тех, с золотым теснением, на которых обычно указывали адрес дома. На ней стояла единственная надпись: Памберли. И больше ничего.

— Вы назвали дом Памберли?

Имя было очень знакомое, но я никак не могла вспомнить, где его слышала.

— Это небольшая шутка, — вздохнул он. — Сестры подарили мне эту табличку на день рождения, посчитав, что это будет забавно. Я пообещал себе, что сниму ее, но... — Его голос стих. Я не стала настаивать на продолжении разговора, подумав про себя, что пробью название Памберли в «гугле», чтобы тоже иметь возможность оценить шутку.

Над интерьером неплохо поработали. В фойе имелась винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Выглядело это очень красиво. Полы сочетались с перилами, выполненными из красного дерева, изящно изгибающимися вместе с лестницей, описывающей круг под сводчатым потолком. Два помещения были полностью отремонтированы — одно на втором этаже, второе на первом. Остальные все еще находились на стадии разработки, но, по словам Уилсона, скоро тоже должны были быть готовы. Первый этаж занимала какая-то пожилая леди, к которой молодой учитель относился с неподдельным трепетом. Правда, нам с ней так и не довелось познакомиться. Все-таки на дворе была глубокая ночь. Мне было любопытно увидеть комнату Уилсона, но я притормозила, подумав, будет ли это уместно. Он *был* моим учителем, и то, что произошло этой ночью, и так могло стоить ему работы или, по крайней мере, навлечь на него неприятности, хоть он и являлся всего лишь жертвой обстоятельств.

Казалось, он вздохнул с облегчением, когда я не последовала за ним внутрь, но все-таки оставил дверь открытой. Я могла видеть темные деревянные полы в его апартаментах, которые сам он называл «квартирой». Стены были выкрашены в зеленый. В коридоре, ведущем вглубь помещения, висели изображения двух африканок с кувшинами на головах. Мило. Я не знала, чего ожидала. Может быть, полки с книгами и вельветовое кресло с высокой спинкой, где за чтением пыльных фолиантов Уилсон, облаченный в красный бархатный халат, мог бы раскуривать свою трубку.

Учитель оставил виолончель, сменил одежду и взял ключи. На него не попало ни капли блевотины, но Уилсон все равно настаивал, что от него пахнет. Я никогда прежде не видела, чтобы он надевал что-то кроме строгих штанов и рубашек. Теперь же он облачился в синюю футболку и поношенные джинсы, которые, тем не менее, выглядели очень дорого. Явно не из магазина «Hot topic».

— Классные штаны, — прокомментировала я, когда он возник в дверном проеме.

— Что? — не понял Уилсон. А затем улыбнулся. — Ах, это, спасибо. Ты имела в виду брюки?

— Брюки?

— Да, слово «штаны», которое употребляют в Америке, подразумевая верхнюю одежду, в Британии означает «труссы». Впрочем... м-м-м, не важно...

— Труссы? Вы называете трусы штанами?

— Может, поедет уже? — поморщился он, проигнорировав вопрос и захлопывая за собой дверь. Он выглядел непривычно, и я изо всех сил старалась не пялиться. В эту минуту он был... горяч. А-а-ах! Я закатила глаза, поражаясь самой себе, и забралась в грузовик. До школы мы ехали молча.

Прежде чем вылезти из машины, он серьезно посмотрел на меня, серые глаза растворялись в слабом свете кабины. Затем, он накрыл мою руку своей и ободряюще ее сжал.

— Это искупление. Увидимся в понедельник, Блу, — с этими словами он выбрался из моего грузовика и направился к своей субару. Он быстро открыл ее и легко тронулся с места.

— Это искупление, — тихо повторила я, надеясь, что это так.

Глава 11

Тиффани

В центре Боулдера на Аризона-стрит располагалось кафе Беверли, появившееся в 30-х в виде ресторана во время строительства дамбы Гувера. Вообще Боулдер задумывался как рабочий городок, полностью выстроенный правительством США для строителей дамбы после великой депрессии. В городе до сих пор сохранились некоторые оригинальные постройки, к числу которых принадлежали и чистенькие отели недалеко от Беверли кафе. Боулдер-Сити представлял собой странную смесь из отбросов большого города и традиций старого запада, и это сочетание заставляло множество людей в недоумении чесать затылки. Хотя город располагается недалеко от Вегаса, азартные игры здесь запрещены. А еще Боулдер обладает той удивительной привлекательностью маленьких городов, какой не может похвастаться Лас-Вегас.

Беверли — хозяйку кафе — я знала лично еще со времен Джимми. Она содержала в заведении небольшой сувенирный магазин, в котором продавались все виды юго-западного искусства: живопись, керамика, кактусы и прочий антиквариат. Она принимала работы Джимми на комиссию, а ему, кажется, всегда нравилась хозяйка кафе. Он оставался сдержанным со мной, но она умела разболтать нас обоих. Он доверял ей, и это кафе было одним из немногих мест, где мы могли немного расслабиться. Я ела там множество раз.

А несколько лет назад, когда я достигла возраста вождения, я обратилась к Беверли за работой. Она была крупной, приятно пухлой и приветливой рыжеволосой дамой. Ее смех был таким же впечатляющим, как и ее грудь, а сама она была так же популярна у клиентов, как ее молочные коктейли с двойными чизбургерами и перцем халапеньо. Она не узнала меня до тех пор, пока я не назвала свое имя. Затем, раскрыв рот от удивления, она вышла из-за своего прилавка и стиснула меня в объятиях. В этом жесте чувствовалось столько волнения, сколько я не ощущала, наверное, ни от кого.

— Что случилось с вами обоими, Блу? Джимми оставил мне 5 работ, я продала их все, но он так и не приехал за деньгами. А ведь у меня были клиенты, которым нравились его работы, которые спрашивали о нем. Сначала я думала, что, возможно, сделала что-то не то. Но у меня были его деньги. И он, конечно, должен был заехать за ними. Но не заехал... и тогда я начала беспокоиться. С тех пор прошло уже пять лет, кажется?

— Шесть, — поправила я.

Беверли наняла меня, и с тех пор я работаю у нее. Она никогда ничего не говорила о моей внешности или моем вкусе на мужчин. И даже если она думала о том, что мой макияж чересчур ярок, а униформа чересчур облегающая, она никогда не озвучивала свои мысли вслух. Я много работала и в итоге заслужила ее доверие. Она даже отдала мне деньги, вырученные с продаж работ Джимми шесть лет назад.

— Здесь сумма за вычетом 20% плюс проценты, набежавшие за шесть лет, — сказала Беф как ни в чем не бывало. — И если у тебя еще сохранились его работы, я возьму их.

Там было пятьсот долларов. Я потратила их на инструменты и аренду мастерской за общежитием. И всерьез занялась резьбой по дереву. Так как Джимми умер, некому было наставлять меня. Я ушла в это дело с головой, наполненная такой страстью, на которую, казалось, не была способна. Некоторые из моих поделок выходили плохо. Некоторые нет. И день за днем я совершенствовала свой навык. Я продала оставшиеся изделия Джимми и довела до ума те, что он не успел закончить. Затем я продала их под его фамилией — Ичхоук, а когда дело было сделано, у меня на руках оказалось еще 500\$. Благодаря им и другим накоплениям, я в конце концов купила себе свой маленький грузовичок-пикап. Он был довольно покарябанным с пробегом в 100000 миль. Но он ездил и позволял мне перевозить материал для дальнейшего совершенствования в деревообработке.

Я хваталась за любое бревно, ветку или дерево, которое могла унести, но вокруг меня было не так уж много лесов. Ведь я жила в пустыне. К счастью, Боулдер находится у подножия горы, засаженной мескитовыми деревьями, среди которых я могла выбрать почти все, что душе угодно. Я научилась довольно ловко управляться с бензопилой. А за мескиты, похоже, никто не волновался. И я получила возможность подпиливать их, причем очень качественно. За год работы в кафе я продала десять своих изделий, а еще столько же было выставлено на продажу в магазинчике Беверли. Через три года у меня накопилось несколько тысяч долларов.

День, когда мистер Уилсон появился на пороге кафе в обществе симпатичной женщины в большом меховом пальто, как раз пришелся на мою вечернюю смену. У спутницы учителя были пышные светлые волосы, в ушах красовались небольшие бриллианты, а на ногах — сапоги на высоком каблуке и ажурные чулки. Она была либо родом из мира фантазий, либо одной из тех женщин, которым никогда не надоедает наряжаться. Ее меховое пальто настолько не вписывалось в интерьер кафе, что я едва удержалась от смеха, направляясь к их столику, чтобы принять заказ. Тем временем она сбросила свое пальто и лучезарно улыбнулась мне, когда я поинтересовалась, не принести ли им напитки.

— Умираю от жажды! Для начала я возьму большой кувшин с водой, дорогая, и начос, если они у вас есть, — прощебетала она с акцентом. Значит, она тоже англичанка. Я перевела взгляд с Уилсона на его спутницу.

— Привет, Блу, — вежливо улыбнулся мне Уилсон. — Блу одна из моих студенток, Тиффа, — представил он меня.

Брови Тиффы на мгновение поползли вверх, но она быстро справилась с собой. Мне показалось, будто она считает, что я не похожа на студентку. Затем, она протянула мне руку, которую я в нерешительности пожала.

— Значит, это ты выхватила пистолет у того бедного мальчика. Уилсон рассказал мне все о тебе! Какое прекрасное у тебя имя! А я Тиффа Снук, сестра Дарси... то есть, мистера Уилсона. Ты должна посоветовать мне что-нибудь из меню! Я готова съесть единорога и почистить зубы его рогом! Я ужасно голодна! — Тиффа выпалила все это буквально за несколько секунд, и я поймала себя на мысли, что она мне нравится, несмотря даже на ее меховое пальто. Если бы она не упомянула о родственных связях, я бы подумала, что Уилсону нравятся женщины в возрасте.

— Тиффа всегда голодна, — сухо добавил Уилсон, а Тиффа фыркнула и запустила в него салфетку. Но при этом она рассмеялась и пожала плечами.

— Это правда. И я должна буду провести на беговой дорожке не меньше часа, чтобы сбросить эти начос, но мне все равно. Так что посоветуй, Блу, что заказать?

Я порекомендовала им несколько вещей, не переставая думать о том, во что одета Тиффа Снук на тренировке, если в кафе она ходит в сетчатых чулках и меховом пальто.

Лично мне она представлялась бегущей по дорожке на каблуках и детском потном костюмчике с меховой оборкой. Она была тощей, как рельса, и при этом довольно высокой, а энергия била из нее фонтаном. Возможно, ей нужна была лошадиная — или единорожья — порция еды для того, чтобы как-то ее утихомирить.

Я поймала себя на мысли, что слежу за Уилсоном и его сестрой на протяжении всей их трапезы и вовсе не потому, что я была их официанткой. Они, казалось бы, наслаждались обществом друг друга, и из угла, в котором они сидели, постоянно доносился смех. Похоже, Тиффа, принадлежала к тому типу людей, которые говорят без умолку. Когда же я наконец принесла им счет, она удержала меня за руку так, словно мы с ней были старинными друзьями. И единственное, что я могла сделать, это не вырывать ее.

— Блу, ты должна разрешить наш спор. Дарси сказал, что ты разбираешься в резьбе по дереву, не так ли? Так вот, в местном магазинчике я видела прелестные изделия из дерева, ты знаешь что-нибудь о них?

На мгновение я замерла в смущении, не зная, что ответить.

— О, а что конкретно вы хотите узнать? — осторожно спросила я.

— Дарси сказал, что на них вырезана твоя фамилия. Но я сказала, что они просто не могут принадлежать тебе. Без обид, дорогая, просто они изготовлены очень профессионально.

— Они мои, — выпалила я. — Если это все, вот ваш счет. Можете расплатиться на стойке. Спасибо, что зашли, — с этими словами я поспешила прочь, вбежав на кухню так, словно за мной гнались. Я поймала себя на мысли, что ищу место, где спрятаться, как будто Уилсон и его сестрица вели на меня охоту. Притаившись на несколько минут, я достаточно осмелела для того, чтобы выглянуть из-за створчатых дверей, отделяющих кухню от общего зала.

Они рассматривали сувениры в магазине, несколько раз остановившись возле моих работ. Тиффа ткнула в одну из них пальцем и что-то произнесла, обращаясь к Уилсону, однако я не могла ее слышать. Чувства застенчивости, ужаса и восторга боролись в моей груди. Я отвернулась, не в силах больше смотреть на это. Время близилось к закрытию, кафе почти опустело, поэтому я осталась на кухне и занялась своими обязанностями, одновременно дожидаясь их ухода.

Через полчаса, на кухне появилась сияющая Джослин — ночная управляющая.

— О боже! О боже, Блу! Ты видела эту леди в меховом пальто? Она только что купила все твои работы! Каждую! Она воспользовалась кредиткой и сказала, что утром пришлет кого-нибудь, чтобы их забрали. Ты только что заработала 1000 баксов! За все десять штук! Она заставила меня ходить за ней с калькулятором, а еще она оставила тебе 200 долларов на чай, сказав, что цена на твои изделия преступно занижена, — цитируя, Джослин изобразила пальцами кавычки.

— Она купила их все? — пискнула я.

— Все, кроме одной. Но только потому, что парень, который был с ней, сказал, что сам ее купит.

— Какую?

— Все же, говорю тебе!

— Нет, я имею в виду, что купил тот парень?

— Ту, которая ближе всех к выходу. Иди сюда. Я покажу тебе, где она была. Он забрал ее с собой.

Щебеча, как маленькая девочка, она вышла из кухни, а я пошла за ней следом. Я была искренне удивлена ее восхищением.

— Вот. Вот тут она была! — Джослин указала на пустую полку. — У нее еще было странное название, кажется, арка? Да, точно! Он забрал ее.

Уилсон забрал арку. Я почувствовала волнение, подумав, что он догадался, что она значила. Я нашла выгнутую дугой ветку мескита. Медленно, сосредоточенно, я обрабатывала его, придавая материалу очертания женщины, стоящей на коленях, со

спиной, выгнутой дугой, на манер кошки, замершей в глубоком поклоне, готовой служить. Ее тело было похоже на арку, руки лежали у головы, и она почти готова была целовать землю, которую сжимала в кулаках. Как и другие мои работы, эта была довольно абстрактной, лишь слегка напоминающей женщину. Кто-то, возможно, видел в ней просто глянцевое дерево, испещренное линиями и впадинами. Но когда я вырезала ее, я представляла себе Жанну. И во мне без конца звучали ее слова: «Нет ничего хуже, чем жизнь без веры». Моя Жанна д'Арк... которую забрал Уилсон.

Неделю спустя я вошла в класс Уилсона и тут же остановилась как вкопанная, создав позади себя небольшую пробку из учеников. Однокурсники толкались и бурчали, огибая мою застывшую фигуру. Моя скульптура стояла на столе в самом центре класса. Сам преподаватель находился у стола, разговаривая со студентом. Я уставилась на него, надеясь, что он взглянет на меня и объяснит, что означает этот цирк. Но он так и не поднял глаз.

Медленно я двинулась к своей парте, передней в центре, которая находилась аккуратно напротив скульптуры, вырубленной моими руками. Мне не требовалось приглядываться к ряду линий на глянцевой поверхности. Достаточно было просто закрыть глаза и вспомнить, как я придавала ей очертания женщины с изогнутой спиной, чем-то похожей на Францию.

— Блу? — позвал меня Уилсон, все еще стоя у стола. Я медленно повернулась и посмотрела на него. Подозреваю, что в эту минуту выражение моего лица никак нельзя было назвать дружеским. Но он проигнорировал мой испепеляющий взгляд и спокойно попросил меня:

— Подойти сюда, пожалуйста.

Я выполнила его просьбу, остановившись напротив стола со скрещенными на груди руками.

— Я хочу, чтобы ты рассказала классу о своей скульптуре.

— Зачем?

— Потому что она прекрасна.

— И? — Я усмирила удовольствие, которое разлилось по телу и едва не проявилось в голосе.

— Ты назвала работу «Арка», почему?

— Я была голодна, думала о Макдональдсе, ну, вот...

— Хм-м, понимаю. О золотых дугах. — Губы Уилсона дрогнули в мимолетной улыбке. — В твоей истории меньше параграфа. Так, может быть, есть другие пути узнать, кто ты такая? Лично мне показалось, что это скульптура Жанны д'Арк, что и делает ее особенно ценной. Можешь считать это еще одной возможностью заработать хорошую оценку, которая, откровенно говоря, очень тебе нужна.

Я собралась ответить ему что-то вроде: «Откровенно говоря, дорогой, мне плевать!». Но это было не так. Мне не было плевать. Где-то в глубине души возможность поговорить о моей работе приводила меня в восторг. Но другая часть меня была в ужасе.

— Что вы хотите, чтобы я рассказала? — прошептала я, чувствуя, как паника вынуждает меня выйти из оборонительной позиции.

Взгляд Уилсона смягчился, и он наклонился ко мне через стол.

— Что, если я задам тебе несколько вопросов, а ты ответишь на них? Как интервью? Тогда ты не будешь думать над тем, что сказать.

— Вы не станете расспрашивать меня о личном, о моем имени или об отце, или чем-то в этом роде?

— Нет, Блу. Не стану. Вопросы будут сугубо о скульптуре. И о твоём невероятном таланте. Потому что работа прекрасна! Мы с Тиффой были в восторге. Она никак не могла перестать говорить о тебе. И кстати, — Уилсон залез в карман и вытащил оттуда визитку, — она просила передать тебе это.

Это была глянцевая карточка черного цвета с золотыми буквами на ней. **Тиффани У. Снук — Шеффилд** — было написано на ней. В правом верхнем углу были указаны телефон и электронная почта. Я провела пальцами по гравированным буквам, затем с подозрением посмотрела на преподавателя.

— Шеффилд — это большой отель на юге, который выглядит как английская резиденция, не так ли? Тот, где работает ваша девушка?

— Тиффа является куратором музея и галереи. Она купила девять из десяти твоих работ в пятницу вечером, ты знаешь об этом? Она хотела взять все десять, но я умолял ее оставить мне хотя бы одну.

— Я знаю, правда, не понимаю зачем.

— Она хочет выставить пару твоих работ в галерее и посмотреть, как их воспримут. Если они продадутся, то Шеффилд заберет часть выручки. Тиффа отдаст тебе то, что останется, плюс то, что она уже заплатила.

— Но она ведь купила их, и может делать с ними, что хочет.

Уилсон покачал головой.

— Позвони ей, Блу. Если ты этого не сделаешь, она тебя из-под земли достанет. Она ужасно настойчива. Но разговоры в сторону, класс ждет.

Однако ученики ничуть не переживали. Даже наоборот. Их радовало, что урок не начинается, но я не стала спорить с историком. Я вернулась на место, гадая, когда наступит мой выход. Ждать пришлось недолго.

— Многие из вас, должно быть, были восхищены этой удивительной скульптурой. — Я бы предпочла, чтобы он пропустил свое помпезное вступление. Тем временем Уилсон обратился к парню по имени Оуэн Морган, сидящему по правую руку от меня.

— Оуэн, ты можешь прочесть нам надпись у основания скульптуры?

Оуэн встал и чуть согнулся, чтобы увидеть, на что указывает Уилсон.

— Ичхоук, — прочел он. — Ичхоук? — повторил он в изумлении. Оуэн развернулся ко мне, его брови недоверчиво приподнялись. Я очень-очень сильно не любила Уилсона в эту минуту.

— Верно, Ичхоук. Эта работа носит название «Арка» и изготовлена Блу Ичхоук. Блу согласилась ответить на некоторые вопросы, касательно своей работы. Думаю, нам всем будет интересно послушать.

Я встала и подошла к Уилсону, не отрывая глаз от скульптуры, так как не находила в себе сил встретиться взглядом с кем-то еще. В классе воцарилась гробовая тишина. Уилсон стал задавать мне общие вопросы об инструментах и видах деревьев. Я отвечала легко, и вскоре обнаружила, что расслабилась.

— Почему ты занялась резьбой по дереву?

— Мой... отец... научил меня. Я росла, наблюдая за тем, как он работает. У него получались красивые вещи. И резьба по дереву — это то, что помогает мне чувствовать себя ближе к нему. — Я замолчала, собираясь с мыслями. — Отец говорил, что резьба помогает заглянуть вглубь очевидных вещей и увидеть возможности.

Уилсон понимающе кивнул, но тут с первого ряда раздался голос Крисси.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, наклоняя голову то так, то сяк, словно пыталась понять, на что смотрит.

— Ну... например, эта скульптура, — объяснила я. — Изначально это был огромный кусок мескита. И когда я начала работу, он совсем не был красивым. Напротив, он был уродливым, тяжелым, и я страшно задолбалась, пока дотащила его до грузовика.

Все засмеялись, а я смутилась и попросила простить меня за грубое сравнение.

— Расскажи нам об этой скульптуре, — продолжал Уилсон, игнорируя смех. — Ты назвала ее «Арка», что, на мой взгляд, просто восхитительно.

— Я обнаружила, что, если что-то есть в моей голове, я всегда воплощаю это в своих работах. По какой-то причине, я не могла выбросить из головы историю Жанны д'Арк. Она затронула меня, — призналась я, скользнув взглядом по Уилсону и надеясь,

что он не думает, будто я хочу умаслить его. — Она вдохновила меня. Может быть, своей молодостью. Может быть, храбростью. А может быть, тем, что она не побоялась быть сильной во времена, когда в женщинах сила не ценилась. Но она была не просто сильной, она была... доброй, — застенчиво закончила я. Я боялась, что все снова засмеются, зная, что слово «добрая» в некоторой степени относилось и ко мне.

Но класс молчал. Парни, которые обычно били меня по заднице и отпускали в мой адрес похабные комментарии, теперь смущенно смотрели в мою сторону. Дэнни Апо — полинезиец, с которым я встретилась один или два раза, даже подался вперед, сведя свои темные брови над такими же темными глазами. Он переводил взгляд с меня на скульптуру и обратно. Тишина нервировала меня, и я повернулась к Уилсону в надежде, что он разрядит обстановку следующим вопросом.

— Ты сказала, что резьба по дереву помогает увидеть возможности. Как же ты определила, с чего начать? — Он провел рукой по изогнутой древесине, коснувшись склоненной головы Жанны.

— В стволе был участок с небольшим изгибом. Дерево прогнило, и когда я срубила его, то увидела этот изгиб. Я решила придать ему выразительности и сделать арку. По мне, она выглядит как женщина, склоненная в молитве. — Я стрельнула глазами в сторону Уилсона, думая, не родились ли во мне эти слова в ночь, когда мы вместе брели по шоссе. Он легко встретил мой взгляд, после чего вновь сфокусировался на скульптуре.

— Есть одна вещь, которую я заметил, увидев все твои работы вместе: каждая отдельная деталь уникальна, словно для создания каждой из них было свое собственное вдохновение.

Я кивнула.

— Они рассказывают разные истории.

— Ага! Слышите, класс? — дико усмехнулся Уилсон. — И это сказала сама Блу. У каждого есть своя история. И у каждой *вещи* она тоже есть. Говорил я вам!

Ученики захихикали и возвели глаза к потолку, но они явно были готовы к обсуждению и их внимание по-прежнему было приковано ко мне. При взгляде на лица, которые я видела много лет, внутри меня разлилось странное чувство. На людей, с которыми я была знакома, но которых никогда не знала по-настоящему. На людей, которых я так часто игнорировала, которые игнорировали меня. И в это мгновение я осознала, что все они тоже впервые рассмотрели меня.

— Все зависит от восприятия, — добавила я в нерешительности, озвучивая свое внезапное откровение. — Я не знаю, что каждый из вас видит в этой скульптуре, когда смотрит на нее. — Я указала кивком на работу. — Я не могу контролировать ваши мысли и то, как вы интерпретируете для себя ее значение, так же, как я не могу контролировать ваши мысли обо мне.

— В этом и заключается прелесть искусства, — подхватил Уилсон спокойно. — У каждого свое восприятие.

Я кивнула, вглядываясь в море лиц.

— По мне, эта скульптура рассказывает историю Жанны д'Арк. А рассказывая ее историю, она, полагаю, в какой-то степени рассказывает и мою.

— Спасибо, Блу, — поблагодарил Уилсон, и я вернулась на место, радуясь, что все, наконец, закончилось, и ощущая тяжесть всеобщего внимания на коже.

На мгновение в классе стало тихо, а затем помещение наполнилось аплодисментами. Аплодисменты не были громкими или оглушительными, но я знала, что этот момент не забуду никогда в жизни.

Я узнала, что Памберли — это название особняка мистера Дарси из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение». Так что это и впрямь была завуалированная шутка. Тиффа, подарившая Уилсону табличку с названием «Памберли», таким образом

подколола его, напомнив об имени. За это я прониклась к ней еще большей симпатией. Но моя благодарность была ничем, по сравнению с ее истинным восхищением моими работами.

Я позвонила по номеру, указанному на визитке, и целых десять минут выслушивала похвалу на чистом английском языке. Тиффа была уверена, что сможет продать все, что купила в кафе, по цене, значительно превышающей номинальную. Она взяла с меня обещание, что я продолжу вырезать, и сказала, что вышлет мне на подпись контракт. Шеффилду доставалась львиная доля выручки, включающей процент Тиффы, но она обещала отдать мне остальное. И если ей удастся продать работы по той цене, которую она назначит, то остаток будет намного больше того, что я получала за них до сих пор. И экспозиция будет бесценной. Во время разговора я не переставала щипать себя, но, повесив трубку, поймала себя на мысли, что борьба за право стать другой Блу делает другим и мое будущее.

В эту пятницу вместо работы по дереву я пересмотрела все серии *«Гордости и предубеждения»*. Когда Шерил пришла домой восьмью часами позже, я все еще сидела на диване пялясь в телевизор. Английский акцент помогал видеть Уилсона за каждой репликой мистера Дарси. У актера, игравшего в паре с Кирой Найтли, был такой же печальный взгляд. Поэтому я видела Уилсона в каждой сцене, злясь на него, крича на него и почти любя его, когда все было сказано и сделано.

— Что смотришь? — спросила Шерил, глядя на то, как Колин Ферт застыл на экране в ожидании, когда я нажму на плей.

— *«Гордость и предубеждение»*, — бросила я, злясь на Шерил за то, что она вторглась в наш с Дарси мирок.

— Для школы?

— Нет, просто так.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — косо посмотрела на меня Шерил. Я поняла, что не могу обижаться на нее за это. Ведь до этого мои интересы сводились к *«Перевозчику»* и *«Крепкому орешку»*.

— Мне захотелось чего-то новенького, — небрежно ответила я.

— Да, я вижу. — Шерил с подозрением посмотрела на экран. — А мне не по душе все эти помпезные штучки. Может быть, из-за того, что в те дни я бы оттирала кастрюли на кухне. Черт подери! Да мы бы с тобой были бы девочками на побегушках, — усмехнулась Шерил. — И уж точно не герцогинями. — Она посмотрела на меня. — Мы индейцы, и мы не должны быть в Англии. Хотя англичане не подпустили бы нас даже к своим кастрюлям.

Я щелкнула пультом, и мистер Дарси исчез. Уткнувшись лицом в подушку, я ждала, пока Шерил уйдет в спальню. За десять секунд она разрушала восемь великолепных часов. И что еще хуже, напомнила мне, что я не могу быть герцогиней.

Я поплелась к себе в комнату, мысленно оправдываясь. Вполне приемлемо мечтать о вымышленном персонаже. Ведь так делает множество женщин! Даже Шерил, которая пытается вернуть меня в реальный мир, мечтает о вампирах, черт подери!

Но это не было проблемой, и в глубине души я была достаточно честна с собой, чтобы отрицать это. Да, я могла мечтать о вымышленном мистере Дарси, но совершенно неприемлемо было мечтать о настоящем. Но я мечтала. В этом не было сомнений.

Глава 12

Хизер

Тест оказался положительным. В течение нескольких дней я сделала еще пару тестов, не веря в правильность результатов. Я была беременна. Уже восемь недель, если верить моим подсчетам. Я спала с Мейсоном последний раз в ночь, когда мы с Уилсоном встретились в школе, с тех пор я старательно избегала его. Но дальше звонков, SMS и парочки гневных сообщений на моей голосовой почте, касающихся «Адама», Мейсон не

шел. Наверное, он чувствовал свою вину за фото, но я очень надеялась, что он отстанет от меня и будет жить дальше так же, как я.

Да, я жила дальше, но жизнь пребольно ударила меня, отбросив назад. Я чувствовала себя опустошенной. Я пропустила неделю в школе, взяла больничный на работе и просто спала целыми днями, не в силах взглянуть правде в лицо. Тошнота, которая и навела меня на мысль, что я угодила в переплет, одолевала меня с удвоенной силой, и казалось, было бы проще погрязнуть в ней с головой. Шерил в основном не обращала на меня внимания, однако после недели дома я знала, что мне придется раскрыться и объяснить ей, что со мной не так. Я не была готова к этому разговору, поэтому собрала себя в кучку, возобновила занятия в школе и вернулась к прежнему графику на работе. Но знание причины моего недуга было подобно боли, от которой невозможно убежать и которую невозможно игнорировать.

В течение недели мы говорили об испанской инквизиции, поэтому этот день начался с монолога Уилсона об отличии последних от охотников на ведьм.

— Мы привыкли считать охоту на ведьм пережитком средневековья, однако между 15 и 18 веком в колдовстве было обвинено более 100 000 человек. Из них примерно 60 тысяч подверглись экзекуции. Чаще всего обвиняемых сжигали на костре. 75% являлись женщины. Откуда взялось это непропорционально большое число? Считалось, будто женщины больше подвержены дьявольскому влиянию, — изогнул брови Уилсон, и девушки в классе тут же возмутились.

— Что? — вскинул он вверх руки. — Все началось с Адама и Евы. Во всяком случае это было основным аргументом церкви в средние века и после. Среди обвиняемых были бедные и пожилые женщины. Кроме того, женщины часто работали акушерками и целительницами. Они много готовили и заботились о других, поэтому обвинить женщин в том, что они готовят зелье или яд или произносят заклинания, было проще, чем мужчин. Мужчины привыкли решать споры на кулаках, женщины же слабее физически и предпочитают прибегать к помощи слов и, возможно, более склонны к словесным взбучкам, что тогда расценивалось как ведьмино проклятье. Раньше для того, чтобы дискредитировать женщину, достаточно было обвинить ее в колдовстве. А как мы дискредитируем сильных женщин сегодня?

Класс уставился на Уилсона в недоумении. А потом во мне что-то щелкнуло.

— Мы навешиваем на них ярлык суки, — смело выпалила я.

Ученики ахнули, как это обычно бывало, когда кто-то произносил плохое слово. Уилсон не смутился. Просто задумчиво посмотрел на меня.

— Да. Это почти то же самое. Давайте сравним. Раньше, о женщине судили по красоте. Ее оценивали по лицу. А что происходило с ней потом, когда красота увядала?

Класс оживился.

— Ее ценность падала, а что происходило с ее свободой? Женщина, которая уже не так красива, не может соревноваться за руку богатого и привилегированного мужчины, а значит ничего не теряет. Пятидесятилетняя старуха в 16 веке была более независима, чем пятнадцатилетняя девочка, которая вынуждена была думать о выгодном замужестве. Поэтому-то менее привлекательные женщины имели больше свободы, чем красавицы.

— Сегодня женщин также оценивают по внешним данным, намного больше, чем мужчин. Но времена изменились, и женщинам уже не нужен мужчина, чтобы прокормить себя. Сегодня женщины почти ничего не теряют, высказывая свое мнение, поэтому нет смысла называть их ведьмами. Однако мы все еще придерживаемся тактики, приемлемой многие годы назад, только используем другое слово.

Класс засмеялся, и Уилсон улыбнулся, прежде, чем продолжить.

— Это подводит нас к выпускному проекту. Какие ярлыки навешаны на вас? Почему вы их носите? Многие из вас выпускники и скоро выйдут в мир. Хотите ли вы

взять этот ярлык с собой в новую жизнь? Или вы хотите оставить его в прошлом и придумать себе новое имя? — Уилсон обвел взглядом сосредоточенные лица.

— К сожалению, в школе, а часто и в жизни, нас оценивают по плохим поступкам. Вспомним Мэнни. — В классе воцарилась тишина, и сам преподаватель замолчал на несколько минут, словно воспоминание давалось ему очень тяжело.

— Но для многих из нас жизнь складывается из маленьких выборов, маленьких действий, маленьких моментов день за днем. И если взглянуть на нее с этой точки зрения, ярлыки могут быть довольно неточными. Все мы носим множество ярлыков с самыми разными характеристиками. — Уилсон подошел к столу. — Вот. Возьмите и раздайте каждому по экземпляру. — Историк отдал стопку чистых белых листов ученику, сидящему в переднем ряду. На каждом листе располагалось порядка двадцати разных ярлыков. Я взяла один лист и передала стопку назад.

— Если бы я попросил вас вырезать эти лейблы и прикрепить к себе, а затем пройти по классу и позволить разным людям написать что-нибудь о вас — всего лишь слово, например, ведьма, как думаете, что бы они написали? Проверим?

Я почувствовала, как внутри живота зародился страх. В классе также поднялось беспокойство.

— Что, не нравится затея? К счастью для вас, она мне тоже не по душе. Во-первых, люди могут быть слишком вежливыми или слишком жестокими, поэтому честного отношения вы не увидите. А во-вторых, для нас очень важно, кто и что о нас думает... да-да, именно так, как я сказал. Это очень важно. — Уилсон помолчал, убеждаясь, что мы все слушаем его. — Вы, конечно, готовы отрицать это, но так или иначе это важно. — Он сделал ударение на последнем слове и посмотрел на нас.

— Но несмотря на то, что это важно, намного важнее, что мы сами думаем о себе, так как, как мы уже обсуждали в начале года, наша вера определяет нашу жизнь. И нашу историю. Поэтому я хочу, чтобы ВЫ дали себе оценку. Двадцать ярлыков. Будьте предельно честными с собой. Один лейбл — одно слово, максимум два. Будьте лаконичны. Ведь ярлыки всегда короткие и меткие, не так ли?

Уилсон открыл большую упаковку черных маркеров и попросил раздать их всем. Несмываемые маркеры. Мило. Я посмотрела на сосредоточенных учеников вокруг себя. Крисси обводила черный маркер своими гелевыми ручками, торопливо выводя на карточках слова типа «красивая» и «милая». Я боролась с желанием написать «ПНИ МЕНЯ» на одном из своих листочков и прикрепить его не ее задницу. А на остальных я хотела написать «ДА ПОШЕЛ ТЫ» и один за другим наклеить их Уилсону на лоб. Он был таким занудой! И как только тот, кто так мне нравится, может быть таким раздражающим?

Образ Уилсона с наклеенными на лбу ярлыками на секунду заставил меня улыбнуться. Я уставилась на стопку белых карточек перед собой в надежде на озарение. Что я могла написать? Беременная? Обрюхаченная? Это бы меня классифицировало. Ведь нужно два слова, так? Или, может быть, мерзкая? Или... НЕУДАЧНИЦА. А как насчет поддтая? Уделанная? Конченная? Слово, возникшее вслед за этим заставило меня вздрогнуть. Мама... ох, нет!

— Я не могу этого сделать, — нетерпеливо воскликнула я.

Все повернулись в мою сторону, перестав писать и раскрыв рты. Я не хотела обсуждать причины. Я просто не могла сделать этого и все. И не собиралась.

— Блу? — мягко обратился ко мне Уилсон.

— Я не буду этого делать.

— Почему нет? — Его голос все еще был мягким и вежливым. Лучше бы он кричал...

— Потому что это неправильно и... тупо!

— Почему?

— Потому что это очень личное! Вот почему! — Я взмахнула руками и ярлыки разлетелись по полу. — Я бы могла солгать и написать кучу слов, которые ничего не значат и в которые я не верю, но в чем тогда смысл? Поэтому я не стану этого делать.

Уилсон внимательно смотрел на меня.

— Значит ты отказываешься выполнять задание? Так?

Я смотрела на него с каменным выражением лица.

— Ты отказываешься? — спросил он снова. — Потому что в этом случае, ты прошла этот маленький тест блестяще.

Внутри меня начал подниматься протест, а ученики вокруг, казалось, были сбиты с толку и не знали, что делать. Но Уилсон проигнорировал их вопросы и продолжал.

— Я хочу, чтобы вы выбросили ваши ярлыки. Разорвите их, скомкайте, выкиньте в мусорное ведро.

Я почувствовала, как краска отливает от моего лица и сердце возвращается к привычному ритму. Уилсон смотрел по сторонам, но я знала, что, говоря, он обращается именно ко мне:

— В течение года вы писали свои истории. Но теперь я хочу, чтобы вы задумались о своем будущем. Если вы будете ориентироваться на прошлое, то каким, в таком случае, будет ваше будущее? И если оно вам не нравится, то от какого из ярлыков вам стоит отказаться? От какого из записанных вами слов нужно избавиться? Или, может быть, от всех сразу? А какой оставить? Как вы можете оценивать себя, если ваши ярлыки основываются не на том, что вы *думаете* о себе, а на том, каким вы *хотите* быть?

Достав стопку папок, Уилсон, одну за другой, раздал их ученикам.

— Я объединил истории каждого из вас и разложил их по папкам. Здесь все, что вы написали за год. Теперь настала очередь последней страницы. Давайте. Напишите о своем будущем. О том, чего вы хотите. Избавьтесь от ярлыков.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалевав дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь. Но когда птенец взобрался на край гнезда, то понял, что его крылышки слишком малы и слабы. А небо, напротив, такое большое и необъятное. И такое недостижимое. Дрозд почувствовал себя запертым в ловушке. Он мог улететь, но куда ему держать путь?»

Он был напуган, потому что он знал, что не является ястребом. Он не был прекрасным лебедем. И не был величественным орлом. Он был просто дроздом.

Он спрятался в гнезде, закрыв крыльями черную головку и молясь о спасении. Но никто не пришел. Дрозд знал, что он мал и слаб, но у него не было иного выбора. Он должен был попытаться. Должен был улететь и никогда не оглядываться назад. Тяжело дыша, маленький дрозд расправил крылья и взмыл в широкое голубое небо. С минуту он летел свободно, набирая высоту, но затем дрозд посмотрел вниз. Дрозд запаниковал, упал на землю и прокатился по ней колесом».

Внизу я нарисовала крохотную птичку, что, расправляя крылья, вылетает из гнезда, а затем оглушительно падает. Однажды я видела, как из гнезда возле нашего общежития выпало яйцо. В скорлупе лежал почти сформировавшийся птенец.

Я отбросила ручку в сторону и, тяжело дыша, встала из-за стола, чувствуя, что вот-вот упаду и разлечусь на тысячи маленьких Блу. Схватив сумку, я выбежала прочь. Я слышала, как Уилсон зовет меня и просит подождать. Но я бежала к выходу, не оглядываясь. Я не могла улететь. Я потерпела неудачу. История про дрозда уже не была обо мне. Она была о ком-то внутри меня.

Я была в центре планирования беременности и раньше. Там я получала таблетки, хотя последняя партия была явно провальной. Я изучила все возможные причины, по которым противозачаточные могли не подействовать. Может быть, это случилось из-за антибиотиков, которые я принимала в Рождество, или я просто-напросто пропустила один день приема. В общем, в чем бы ни была причина, но тест все еще был положительным, а месячных все еще не было.

Я позвонила в центр за день до этого и назначила встречу после школы. Скорость, с которой я вылетела из класса, помогла мне сэкономить время. Леди на ресепшне была весьма равнодушна. Я заполнила анкету, ответила на несколько вопросов, села на металлический стул и стала просматривать журнал, где были собраны красивейшие женщины мира. Я подумала, приходилось ли хоть одной из них обращаться в центры планирования беременности? Их лица взирали на меня с глянцево-странных страниц, расцветая всей своей красотой. Я же чувствовала себя маленькой, продрогшей и уродливой, словно мокрая птица. Довольно о птицах! Я откинулась на спинку и перевернула страницу.

Я задумалась над тем, обращалась ли моя мама в подобный центр, когда была беременна мной. Но мысль оборвалась. Я родилась в начале девяностых. Ведь не так много изменилось за последние двадцать лет? Для нее было бы так же просто сделать аборт, как и для меня. Так почему же она не сделала этого? Я знала, что беременность только мешала ей. Она определенно не хотела меня. Может быть, она просто не знала обо мне, а потом было уже поздно? Или с помощью меня она хотела вернуть своего парня, чтобы он любил ее и заботился о ней? Как знать? Но я была почти уверена, что это не так.

— Блу? — Мое имя прозвучало с вопросительной интонацией, как всегда бывало, когда кто-то читал его впервые. Я взяла сумку и направилась к медсестре, которая ждала меня у дверей. Даже не дождавшись, когда дверь закроется, она сообщила мне, что им необходим образец моей мочи и всучила мне стаканчик.

— Когда закончите, напишите свое имя на ярлычке, приклейте его на образец и отдайте мне. Мы проверим ее на предмет беременности и наличия половых инфекций. Результаты теста на беременность будут сегодня, а анализы придется подождать. — Она отвела меня в туалет и дождалась, пока я закрою дверь. Я взглянула на ярлык, который полагалось приклеить к моему образцу. В нем имелась графа для имени, времени, температуры и даты, которые я должна была заполнить перед тем, как отдать ее на экспертизу. В голове всплыли слова Уилсона о лейблах:

«И если вам не нравится ваше будущее, то от какого из ярлыков вам стоит отказаться?»

Я поставлю свое имя на стакане с мочой. Они сообщат мне, что я беременна. Затем они выдадут мне направление на аборт, потому что, собственно, за этим я и пришла. Метафорически я могла бы разорвать ярлык «беременна», скомкать его и выбросить. И это будет правдой недолго. Я могу изменить направление движения. Отказаться от ярлыка. Так же, как моя мать отказалась от меня.

Я закатила глаза, ругая себя за излишнюю эмоциональность, и тут же приступила к действию. Это не одно и то же. Отказаться от ребенка или отказаться от беременности. Я убеждала себя в том, что эти вещи даже сравнивать нельзя. Я поспешила получить образец, наклеивала свое имя на ярлыке и прилепила его к теплему стаканчику, подумав, что мне, вероятно, стоило бы выпить больше воды, и смущаясь от мысли, что медсестра может подумать о том же.

— Поздравляю!

Тест на беременность не занял много времени. Я бы не удивилась, узнав, что они использовали тот же тест, что и я десять раз дома.

— Поздравляете?

— Да, поздравляю. Вы беременны. Поздравляю, — сказала медсестра невозмутимо.

Я не знала, что ответить. «Поздравляю» было не совсем подходящим словом ввиду того, что, записываясь на встречу, я просила проконсультировать меня насчет аборта. Однако я не услышала в ее словах насмешки. Очевидно, это была стандартная фраза.

— У меня отмечено, что вы говорили с... — она взглянула в свои записи, — Шейлой о возможных вариантах.

Шейла была той, с кем я говорила по телефону, когда записывалась. Она показалась мне милой. И я была рада с кем-то об этом поговорить. Я надеялась, что меня определят к ней. Потому что эта медсестра была слишком суха со мной. Мне необходимо было подумать.

— А Шейла здесь?

— Э-э-э... нет, — ответила медсестра, немного озадаченная моим вопросом. Затем она вздохнула. — Вам необходимо выбрать день для вашей процедуры, если вы действительно решились на это.

— Можно мне забрать свою мочу? — перебила я, отчаянно желая уйти.

— Ч-что?

— Мне просто нужно, то есть... я не хочу, чтобы на моих анализах стояло это имя.

Медсестра уставилась на меня, как на сумасшедшую. Затем она постаралась успокоить меня.

— Все абсолютно конфиденциально. Вы же понимаете?

— Пожалуйста, дайте мне мой образец.

Сестра открыла передо мной дверь и заскользила глазами по полкам, словно ища то, что могло бы меня оглушить.

— И это не абсолютная конфиденциальность. — Я вошла в маленькую комнатку, вознамерившись найти свой образец. Я внезапно почувствовала, как моя жизнь сужается до размеров ярлыка и до моего имени на стаканчике с мочой. Я перешла через Рубикон. Это был он. И ярлык был единственной вещью, о которой я могла думать.

Медсестра, казалось, была шокирована, но не стала мне препятствовать. Когда она отдавала мне мой образец, ее руки дрожали. Я схватила его и бросилась бежать, словно вор из супермаркета, надеясь, что никто не опознает меня, хотя и зная, что мое бегство не останется незамеченным и что моя проблема в десять раз хуже. Я чувствовала, как внутри меня вырабатывается адреналин от мысли о том решении, которое я приняла. Меня подгоняла сила, которая наполняла меня жизнью или спасала ее, в зависимости от того, как посмотреть на ситуацию. Я все еще прижимала к груди свой стаканчик с мочой. Сев в пикап, я уставилась на имя, выведенное на ярлыке.

Имя: Блу Ичхоук. Дата: 12 Марта 2012. Время: 17:30. За окнами моей машины уже стемнело. Зимой солнце в Вегасе садится около пяти, поэтому сейчас вокруг царил беспроглядная тьма. Я вновь взглянула на свое имя и вспомнила слова Шерил, сказанные в тот ужасный день, когда утонуть для меня было лучше, чем жить без Джимми.

«Он даже не знал твоего имени. Ты просто все время повторяла Блу, Блу, Блу. Так он и назвал тебя. И думаю, недалеко ушел от истины».

Блу Ичхоук — не мое имя. Не мое настоящее имя. Может быть, меня звали Бриттани или Джессика, или Хизер. А может быть, Эшли или Кейт, или Крисси, прости Господи. Я — никто, а ты кто? Поэма точно насмеялась надо мной. Неожиданно я поняла, что у меня будет ребенок, который может даже не узнать имя *своей* матери. Цепь продолжилась. Я отклеила ярлык от стаканчика и прикрепила его себе на футболку, лишь для того, чтобы прояснить для самой себя, кто я. Затем, я выбросила стаканчик в окно и попросила Карму простить меня, хоть и знала, что это бесполезно, так как скоро вселенная попросит возмездия естественным путем через дерьмо и рвоту.

Глава 13

Свет

Я обнаружила себя стоящей у дома Уилсона. В стороне лежала груда строительного мусора, а крыша выглядела так, словно ее недавно отремонтировали. Во всех окнах горел свет, а широкие ступени лестницы освещались мягкими лучами латунного фонаря у двери. Я вышла из машины, не понимая, какого черта я вообще здесь делаю, но при этом испытывая жуткое желание поговорить с кем-то. Для успокоения души. И, честно говоря, я не знала, куда мне еще податься. Конечно, Мейсон мог бы поговорить со мной, но эта идея не нравилась мне самой.

На двери около таблички с надписью «Памберли» висел домофон. Абсолютно новый домофон. Я нажала на кнопку, прислушиваясь, раздастся ли какой-нибудь звонок по ту сторону двери. Затем я нажала на кнопку снова, и сквозь динамики прорвался голос Уилсона, напоминающий забавный голос какого-нибудь английского дворецкого. Это настолько подходило дому, что будь я в другом настроении, то непременно рассмеялась бы.

— Это Блу Ичхоук... могу я поговорить с вами... всего минуту... пожалуйста? Я не буду входить. Просто постою тут... на крыльце.

— Блу? Ты в порядке? Что произошло в школе? — волнение в его голосе не мог скрыть даже домофон, и я закусила губу, сдерживая рыдания. Я заставила себя встряхнуться. Я не буду плакать.

— Я в норме. Мне просто нужно... поговорить с кем-нибудь.

— Я сейчас спущусь.

Я опустилась на ступеньку, размышляя над тем, что сказать. Я не стану говорить ему о своей беременности, это факт. Но тогда зачем я здесь? Рыдания снова подступили к горлу, и я застонала, желая избавиться от боли, не впадая в исступление, как в тот вечер два месяца назад, когда я слушала, как Уилсон играет на виолончели, а потом мы брели с ним по ночному шоссе.

Дверь за моей спиной открылась, и Уилсон плюхнулся возле меня. На нем снова были те же джинсы и футболка, хоть я и горячо желала, чтобы он был одет во что-то другое. На ногах не было ничего, и я внезапно отвернулась, поддавшись отчаянию. Мне нужен был кто-то взрослый — какой-то авторитет, — который бы защитил меня и сказал, что все будет хорошо. Уилсон же в своих джинсах и с босыми ногами выглядел как еще один ребенок, так же не знающий ответов на вопросы. Словно Мейсон или Колби, или любой другой парень, который бы не знал, что делать, окажись он в моей ситуации. Я подумала, что его ноги, должно быть, мерзнут и что мне стоит перейти к делу.

— Помните, вы рассказывали о том, как Юлий Цезарь переходил через Рубикон?

Уилсон поднял руку и взял меня за подбородок, разворачивая к себе лицом. Мои руки остались лежать на коленях.

— Блу?

— Нет, я не измочалена и не «опанталонена», что бы это ни значило.

— Быть измочаленным значит сильно устать, а второе слово вообще не из этой области, но спасибо, что попыталась изъясниться по-английски, — сухо сказал Уилсон. Я подумала, что мне стоит уточнить значение второго слова.

— Итак, Юлий Цезарь, значит? То есть тебе нужно поговорить с кем-то о нем?

— Вы говорили, что когда он решил перейти Рубикон, он знал, что обратной дороги у него нет, так? — продолжала я.

— Так.

— А что, если вы перешли через Рубикон, но не поняли, что это он? Что тогда?

— Полагаю, мы говорим гипотетически?

— Да! Я запуталась! Я не могу ничего исправить, не могу вернуться, у меня нет ни малейшего понятия, что делать, черт меня подери! — Истерика снова подала признаки жизни, и я спрянула лицо в ладонях, приводя чувства в порядок.

— Ох, Блу? Все ведь не так плохо, верно?

Я ничего не ответила, потому что тогда мне пришлось бы рассказать ему, насколько плохо обстояли дела на самом деле.

— Никто не умер. — *«Пока»*. Я отогнала от себя чувство вины. — Закон не нарушен. У меня не выросли усы, я не умираю от рака мозга, не собираюсь оглохнуть или ослепнуть, так что, да, пожалуй, все не так уж плохо.

Уилсон мягко отбросил прядь волос с моих глаз.

— Ты расскажешь мне, что случилось?

Я сглотнула, борясь с сомнениями.

— Я пыталась измениться, Уилсон. Помните ночь, когда мы говорили об искуплении? Ту самую ночь, когда не завелась моя машина, и мы были спасены Ларри и Карли? (*прим. переводчика — Персонажи игры «Ходячие мертвецы»*).

Уилсон усмехнулся и кивнул, заправляя волосы мне за ухо. Я постаралась унять дрожь в момент, когда его пальцы коснулись моей кожи. Он пытался успокоить меня, и я охотно позволяла ему делать это, мечтая положить голову на его плечо и почувствовать себя безмятежно. Он отвел руку, ожидая, когда я продолжу.

— В ту ночь... что-то произошло со мной. Что-то, чего я никогда не чувствовала раньше. Я была убита горем и болью, пожирающими меня изнутри. И я молилась. Я умоляла о любви, хотя совершенно не представляла, что это такое. Я жаждала быть любимой и любовью... как будто проходила сквозь меня. Не требовалось никаких признаний, никаких ультиматумов и никаких доказательств. Она была безусловной. Мне стоило только попросить. И я просила любви, меняясь под ее воздействием. И в этот момент я исцелилась. — Я взглянула на преподавателя, надеясь, что он поймет меня. Казалось, мои слова полностью поглотили его, и я почувствовала, что могу продолжать.

— Не поймите меня неправильно. Я не стала идеальной. И мои испытания не обратились в прах. Слабость не превратилась в силу, и напряжение не сошло не нет. И боль ничуть не утихла, но я... все равно чувствовала, что исцеляюсь. — Слова так и лились из меня, озвучивая мысли, которые за этот вечер я успела прокрутить в голове сотни раз. — Казалось, будто раны на моем сердце затягиваются, а камни падают с души, я ощущала себя цельной, понимаете?

Уилсон смотрел на меня, чуть приоткрыв рот. Он встряхнул головой и потер спину так, словно не знал, что ответить. Мне было интересно, придали ли он какой-то смысл моим словам или снова начнет настаивать на том, что я измотана.

— Это, должно быть, самая прекрасная вещь, которую я когда-либо слышал.

Настал мой черед впериться в него взглядом. Он смотрел мне прямо в глаза, пока я не отвернулась, смущенная удовольствием, отраженным в его взгляде. Через минуту Уилсон заговорил снова.

— Итак, ты испытала все эти чудесные эмоции. Ты назвала их искуплением. Очевидно, ты поняла, насколько они приятны, и теперь ты уверена, что совершила нечто настолько гнусное, что не сможешь быть прощена вновь?

Я не думала об этом с этой стороны.

— Это не так... точнее, не совсем так. Полагаю, я думала, что мне удалось отойти от себя прежней. А теперь я вижу, что не могу сбежать от прошлых ошибок.

— И даже искупление не смогло уберечь тебя от последствий?

— Нет. Не смогло, — прошептала я. Все верно. Искупление *не* уберегло меня от последствий. Я чувствовала себя так, словно меня предали. Мне казалось, будто поток любви, в который я попала в ту ночь, исчез, так и не дав мне шанса понять, достойна ли я этого.

— И что теперь?

— Это как раз то, почему я здесь, Уилсон. Я не знаю, что теперь.

— А я не смогу помочь тебе советом, пока не узнаю, о какой проблеме идет речь, — вежливо заметил тот.

Когда я отрицательно покачала головой, он вздохнул и устремил взгляд на ночную улицу. Наши мысли вертелись вокруг нужных слов, да только сказать было нечего.

— Иногда нет никакого спасения, — заключила я, смотря прямо перед собой. Я все еще не знала, как поступить. Но надеялась, что решение придет. Само.

Уилсон подпер рукой подбородок и задумчиво посмотрел на меня.

— Когда погиб мой отец, я был потерян. Больше всего на свете я жалел о наших отношениях, но не имел возможности ничего исправить. Я присоединился к корпусу мира только потому, что папа сказал мне, что я не должен терять времени, и в течение двух лет надрывал задницу, живя почти в примитивных условиях. Долгое время мне хотелось сбежать из Африки. Мне хотелось вернуться домой и жить под опекой матери. Но затем Африка спасла меня. Я узнал о себе очень многое. Я вырос и понял, чем хочу заниматься в жизни. Так что порой вещи, от которых мы хотим убежать, спасают нас.

— Может быть.

— С тобой все будет в порядке, Блу?

Я взглянула на него и постаралась улыбнуться. Он был так серьезен. Мне стало любопытно, был ли он таким, пока его отец был жив. Он был одним из тех, кого Беверли называла благопристойными людьми. Постаревшим в душе раньше времени.

— Спасибо, что поговорили со мной. С Шерил душевных бесед не получается.

— А ты обращалась к Мейсону и Колби? Кажется, у них здорово получается решать мировые проблемы.

Я прыснула со смеху, чувствуя облегчение в груди.

— Я заставил ее рассмеяться. Да я просто красавчик!

— Да, Уилсон, вы красавчик. Чуть больший, чем Блу Ичхоук, и мы оба знаем об этом.

Историк согласился, приняв мои слова за шутку. Затем он встал и помог мне подняться. Потом Уилсон проводил меня до грузовика, усадил внутрь и ущипнул за щеку, словно мне было пять, а ему двадцать пять.

— Шесть недель, Ичхоук, и мир ваш.

Я лишь пожала плечами, ощущая на них вес этого мира отчетливее, чем когда-либо прежде.

Выпускной был назначен на конец мая и должен был пройти на футбольном поле. А это значило, что на улице будет относительно сносная температура, а на трибунах — куча друзей и родственников. Я сказала «относительно», хотя на самом деле в 10 утра температура достигала отметки в 33 градуса по Цельсию. Я ужасно нервничала, и жара не прибавляла мне уверенности. Мне хотелось надеть свою шапочку и мантию, получить диплом и показать средний палец всем тем, кто не верил, что я продержусь в школе дольше двух лет. И я бы сделала это. С трудом, но сделала бы. Но к сожалению, я влетела в туалет за минуту до того, как мы должны были выстраиваться в ряд на футбольном поле. Меня стошнило тем немногим, что было в желудке, после чего я старалась восстановить дыхание в перерывах между спазмами, скручивающих его то так, то сяк.

Взяв себя в руки и прополоскав рот, я залезла в сумку в поисках крекеров, которые с недавних пор начала повсюду носить с собой. Я была уже почти на четвертом месяце. Разве утренняя тошнота не должна прекратиться к этому времени? Я съела крекер, запила его водой из-под крана (стараясь не думать, сколько в ней содержится хлора) и поправила макияж, так как из-за моих «излияний» подводка потекла, оставив под глазами жирные черные следы. Затем я освежила блеск на губах, нацепила свою обычную усмешку и вернулась в кафетерий, где должны были быть мои одноклассники, но их там уже не было, поскольку все вышли на поле. Я села за один из столиков, размышляя над тем, отчего у меня такая отстойная жизнь. В горле стоял ком, отдающийся болью в сердце. Я не могла выйти туда теперь. И это сбивало меня с толку.

— Блу?

Я вздрогнула от неожиданности и подняла голову.

Мистер Уилсон стоял в 10 футах от меня, держа руку на выключателе возле двери, рядом с которой я сидела. Он был одет как прежде: в рубашку в тонкую полоску и брюки. Лишь только галстук на этот раз он оставил дома. Все преподаватели принимали активное участие в церемонии, будь то раздача шапочек и мантий, встреча родителей и учеников или проверка опоздавших. И похоже, что Уилсону доверили последнее. Я выпрямилась и уставилась на него, раздосадованная тем, что он вновь застал меня в расстроенных чувствах.

— Ты... в порядке? Ты пропустила выход. Все уже на поле.

— Не поверите, я вроде как догадалась. — Ком в горле увеличился вдвое, и я пренебрежительно отвернулась от Уилсона. Вскочив с места, я сорвала с себя шапочку и швырнула ее на стол. Затем я начала стягивать с себя мантию, открывая взору преподавателя розовые шорты и белую футболку, в которые была одета. Вообще-то предполагалось, что девушки должны быть в платьях, но кто бы стал обращать на это внимание?

— Постой, — окликнул меня Уилсон. — Еще не поздно. Ты все еще можешь выйти туда.

Я остановилась слишком резко, и комната закружилась перед глазами. О, нет, только не это! К горлу подступила рвота, и я поняла, что на этот раз не успею добежать до туалета. Схватив одежду, я бросилась к мусорному ведру, готовая выпустить наружу воду с крекерами, которые оказались во мне всего несколько минут назад. Я почувствовала, как Уилсон убирает волосы с моего лица и ощутила непреодолимое желание оттолкнуть его от себя, но в этот момент у меня были дела поважнее. Содержимое моего желудка вновь оказалось снаружи, и я пожалела, что не могу удалить рот со своего лица. Буквально через секунду передо мной появился аккуратно сложенный кусок чистой ткани. Я с благодарностью приняла его от Уилсона. Это был второй раз, когда он предлагает мне свой платок. Первый я, кстати, так и не вернула. Я выстирала и погладила его как смогла, но от ткани все равно пахло сигаретным дымом, и мне было бы крайне неловко возвращать платок в таком виде. Я выпрямилась, и Уилсон отпустил мои волосы.

Он отошел, но тут же вернулся, держа в руке бумажный стаканчик с холодной водой.

— Комплимент от учителя.

Я сделала глоток, но, как и до этого, желудок отказывался что-либо принимать.

— Если ты в состоянии, можешь снова надеть мантию и шапочку и выйти на поле. Ты пока не пропустила ничего важного.

— Ха! Вот еще! Ни одна сила теперь меня туда не затащит!

— Я пойду вместе с тобой. Вот так-то! Уверяю, что, как только ты окажешься там, смущение пройдет, и ты не пожалеешь, что вышла.

Я с тоской посмотрела на мантию с шапочкой. Уилсон заметил это и решил надавить на гордость:

— Ну, брось. Ты же любишь эффектные выходы, помнишь?

Я слабо улыбнулась, но улыбка тут же исчезла с моего лица, когда я поняла, что, вероятнее всего, не смогу удержаться от того, чтобы не сорваться и не броситься в уборную прямо посреди церемонии.

— Я не могу.

— Нет, можешь, — Уилсон взял мантию с шапочкой и протянул их мне с обнадеживающим взглядом на лице. В эту минуту он выглядел как пес в ожидании прогулки: глаза распахнуты, рот приоткрыт.

— Я не могу, — повторила я с нажимом.

— Но ты должна это сделать, — в тон мне ответил он. — Я понимаю, ты чувствуешь себя неустойчиво.

— Я не чувствую себя «неустойчиво», что бы это ни значило! Я беременна, — прошептала я, предупреждая его следующую реплику.

Лицо Уилсона вытянулось так, словно я только что оскорбила при нем принца Уильяма. К горлу снова подступил ком, а глаза заслезились, поэтому мне пришлось сощуриться и стиснуть зубы.

— Ясно. — Его руки, в которых он все еще держал мантию с шапочкой безвольно повисли вдоль туловища. На лице застыло странное выражение, как будто он складывал в уме части одной мозаики, челюсти стиснуты, а взгляд устремлен прямо на меня. Мне захотелось уйти, но гордость заставляла меня быть твердой и воинственной.

Я взяла вещи из его рук и отвернулась, внезапно почувствовав стыд за свои шорты и тонкую футболку, словно они подчеркивали унижительность моего положения еще больше. Никогда еще я не чувствовала такого отчаянья, как теперь, и не было во мне желания сильнее, чем уйти прочь от Дарси Уилсона — единственного учителя и единственного человека, знающего о том, в какое дерьмо я вляпалась. Он стал мне другом, и в эту минуту я чувствовала, что разочаровала его. Я стала уходить, но его голос остановил меня:

— Я не пошел на похороны отца.

Я резко развернулась, не веря своим ушам.

— Ч-что?

— Я не пошел на похороны своего отца, — повторил он, подходя ближе и останавливаясь напротив меня.

— Почему?

Уилсон пожал плечами и покачал головой.

— Я думал, что повинен в его смерти. В ночь, когда его не стало, мы крупно поругались, и я убежал из дома. Я не хотел поступать в медицинский колледж, и моему отцу это не понравилось. Это был единственный раз, когда я пошел против его воли. Позже той же ночью у отца случился сердечный приступ на автомобильной стоянке возле больницы. Его не успели спасти. И естественно я чувствовал себя виновным в его смерти. Мне было так плохо, что я не пошел на похороны, — Уилсон закончил говорить и взглянул на свои руки, словно хотел найти там ответы на все вопросы. — Моя мать умоляла меня пойти. Она говорила, что если я не сделаю этого, то буду жалеть об этом до конца своей жизни. И она была права.

Я тоже взглянула на свои руки, полностью понимая то, о чем он хотел сказать.

— Иногда мы не можем повернуть время вспять, Блу. Не думаю, что тебе хотелось бы всю жизнь жалеть о вещах, которые ты должна была сделать, но не сделала, испугавшись.

— Но это просто глупая церемония, — возразила я.

— Нет. Это намного больше, чем просто глупая церемония, потому что она важна для тебя. Ты заслужила ее, и никто не вправе отобрать у тебя эту возможность. Конечно, путь был нелегким не только для тебя, но именно ты заслуживаешь этой церемонии, больше остальных. — Уилсон жестом указал в направлении футбольного поля за стенами кафетерия.

— Никто не будет скучать по мне. Никто даже не пришел посмотреть, как я буду выходить на сцену.

— У тебя есть я. Я буду аплодировать и выкрикивать твое имя.

— Если вы это сделаете, я надеру вам задницу, — хохотнула я.

Уилсон покатился со смеху.

— Узнаю мою Блу, — затем он указал на мою мантию с шапочкой. — Вперед!

Что ж, в конце концов это и впрямь была моя церемония вручения. Впрочем, по школе я скучать не буду. Я вышла на поле вместе с Уилсоном. Сдержано и неторопливо я прошествовала к своему месту, не обращая ни на кого внимания, хоть одноклассники и провожали меня взглядами. Уилсон занял место на преподавательском ряду и во время

моего выхода на сцену, как и обещал, аплодировал и выкрикивал мое имя. Вынуждена признать, мне было приятно, а преподаватели и учителя засмеялись, думая, что радость историка связана с тем, что я наконец уберусь из школы. Я честно старалась не улыбаться, но в последнюю минуту широкая улыбка озарила мое лицо.

Глава 14

Индиго

Я проводила в общежитии так мало времени, как только могла. Вся квартира пропахла сигаретным дымом, и, хотя я старалась держать дверь по возможности закрытой, а окно распахнутым, лето в Лас-Вегасе было жарким. Находиться в спальне долго было просто невозможно. В мастерской за общежитием не было прохладнее, однако свежий воздух и работа отвлекали меня от жары. Я была поглощена работой над своим последним творением, когда на подъездную дорожку заехала чья-то машина. Я повернулась и увидела Уилсона, выходящего из своей серебристой субару. Я вышла из мастерской на солнечный свет, ожидая, когда историк подойдет ближе.

— Твоя тетя сказала, что я могу найти тебя здесь, — сообщил он вместо приветствия.

— Она открыла дверь? Вот так чудеса!

Когда я уходила, Шерил спала на диване после ночной смены. Перед тем как выйти, я натянула на себя топ и шорты. Мой живот уже начал потихоньку округляться, но на одежде это пока не отражалось. Я взглянула на свои шлёпанцы и пошевелила покрашенными пальцами на ногах. Они были чистыми и побритыми, но волосы после душа все еще были влажными, и мне пришлось собрать их в высокий конский хвост. Я даже не взглянула на себя в зеркало перед выходом и теперь не знала, что цепляло меня больше: то, что Уилсон видит меня в таком виде, или то, что меня *беспокоило*, что Уилсон видит меня в таком виде. Сам Уилсон тем временем остановился и оглядел меня. Я тут же сжежилась и приняла оборонительную позицию.

— Что это вы на меня так смотрите?

Уилсон стоял, запустив руки в карманы и недоуменно искривив брови.

— Ты выглядишь по-другому.

— Ага, — подтвердила я. — Я выгляжу как чучело. Ни макияжа, ни прически и в измазанной одежде.

— Измазанной? — брови Уилсона взметнулись вверх.

— Да-да. Одно из ваших английских словечек.

— Я понял, но знаешь, тебе идет...

— Мне идет измазанная одежда? — Я постаралась сдержать обиду. — Вот уж благодарю покорно, мистер Дарси, — хлопая ресницами, добавила я с акцентом, с каким говорят южные красавицы. — Вы такой же романтичный, как ваше имя.

— Я имел в виду естественность. Ты наносишь слишком много макияжа. — Уилсон передернул плечами и отвернулся.

— Девчонки не должны наносить слишком много теней, — пошутила я, стараясь притвориться, что мне нет дела до его замечания. Я протянула руку к волосам, снимая резинку.

— Расскажи мне, над чем ты работаешь? — Уилсон развернулся и встал возле меня, коснувшись длинным пальцем впадины на деревянной поверхности.

— В том-то и фишка, что я никогда не работаю над чем-то конкретным, — честно призналась я.

— И когда же ты понимаешь, что работа завершена? — Уилсон улыбнулся.

— Это всегда большой вопрос. Когда надо остановиться. Я стараюсь чувствовать скульптуру, над которой работаю. Вдохновение обычно приходит ко мне в процессе творчества. — Я задумчиво прикусила губу. — Как думаете, на что похожа эта работа?

Уилсон пригляделся.

— Если присмотреться, она похожа на виолончель, которую расплавили, точно ириску...

Я не смогла признаться ему, что тоже вижу виолончель. Это было слишком личным, как чувства, которые я испытала в ту ночь, когда впервые услышала, как он играет, и когда поклялась себе измениться.

— Что это? — поинтересовался историк, коснувшись впадины на отшлифованной деревянной поверхности.

— Червоточина.

— Ты убережешь ее?

Я отрицательно покачала головой.

— Скорее всего, нет. Я просто замажу ее шпатлевкой. Иногда одна проблема помогает предотвратить другую.

— Что ты имеешь в виду.

— Эта небольшая дырка, так?

Он кивнул.

— Если я начну резать ее, то может пойти трещина, которая либо расширит дырку еще больше, либо создаст новую. В любом материале есть свои несовершенства, но, честно говоря, если бы дерево было идеальным, оно не было бы таким красивым. И помнится, кто-то как-то сказал мне, что быть идеальным скучно.

— Значит, ты меня все-таки слышала! — заулыбался Уилсон.

— Обычно да, — ляпнула я, не подумав, и тут же пожалела об этом.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — взгляд историка тут же стал серьезным.

Я замерла, расслабляя и напрягая мышцы.

— Как огурчик! — сухо ответила я, не желая говорить на эту тему. На самом деле, утром меня выворачивало наизнанку битый час. Однако десять крекеров и свежий воздух сделали свое дело: теперь я чувствовала себя нормально. Я вновь подумала о том, как много времени мне еще предстоит провести в прокуренной квартире. Это не шло на пользу ни мне, ни тем более малышу. В ту же секунду желудок скрутило, и я подумала, что от части моя непрекращающаяся тошнота связана со страхом.

— Твоя тетя знает о беременности? — в эту минуту Уилсон проявлял прямо-таки чудеса бестактности.

— Нет, — коротко ответила я.

— А у врача ты хотя бы была?

— Еще нет. — Мне не хотелось встречаться с ним взглядами. Не думаю, что мой визит в центр планирования семьи можно считать за посещение врача. В молчании Уилсона чувствовалось явное осуждение. Я вновь вернулась к скульптуре и глубоко вздохнула.

— Я свяжусь с центром здравоохранения и социального обеспечения и спрошу, где могу получить медицинскую помощь, хорошо?

— Хорошо, — коротко ответил Уилсон, кивнув. — И еще... Ты должна бросить курить.

— Я не курю! — Как было бы здорово, если бы он смог прочесть мои мысли.

Но Уилсон глядел на меня с подозрением.

— Я не курю, Уилсон, ясно?! Но я живу с женщиной, которая дымит как паровоз. Вот почему от меня разит табаком. И я ничего не могу с этим поделать, но спасибо, что указали мне на это.

Недоверие исчезло из его взгляда, а сам он порывисто вздохнул.

— Прости, Блу. Я невероятно удачлив на всякого рода неловкости. Я не из болтливых, но отчего-то частенько оказываюсь в неприятных ситуациях.

Я только пожала плечами, показывая, что ситуация исчерпана. Он же перевел взгляд на мою работу, замерев на несколько минут, а я никак не могла понять, что его так привлекло.

— Может быть, поселить... — пробормотал он себе под нос. А затем обратился ко мне.

— Ты никогда не хотела жить отдельно?

— Каждую секунду, каждого дня, — усмехнулась я, не отрывая глаз от линии, которая делала мою скульптуру похожей на виолончель. Все, что я не могла выразить словами, отражалось ее изгибах. Обычно так это и получалось: вещь обретала форму, а я позволяла ей вести меня к нужному результату. Мои руки и сердце точно знали, что нужно делать.

— Ты можешь прерваться? Я хочу показать тебе кое-что, что, возможно, тебя заинтересует.

Я закусила губу, размышляя, не упущу ли вдохновение, если сейчас сделаю перерыв. С другой стороны, скульптура была почти готова. Так что я могла поехать с Уилсоном. И я кивнула.

— Только мне нужно переодеться.

— Ты выглядишь прекрасно. Поехали. Это не займет много времени.

Я провела ладонью по волосам, решив, что, наверное, сойдет и так. В следующее мгновение мои инструменты были собраны и надежно заперты в мастерской. Затем я забежала в дом, схватила рюкзак, провела расческой по волосам и надела менее открытую футболку.

— К тебе приходил парень с забавным акцентом, — сообщила Шерил с дивана. — Он говорил, как профессор из сериала *«Баффи — истребительница вампиров»*. Только этот моложе и симпатичнее. — Шерил говорила о Спайке из шоу про Баффи. Она обожала этот сериал и пересматривала его в перерывах между бойфрендами. Это давало ей надежду на то, что ее идеальный парень где-то впереди — такой же бессмертный вечно прекрасный кровопийца. Так что, сравнив Уилсона с одним из героев телесериала, Шерил оказала ему большую честь. Я оставила ее слова без ответа.

Уилсон распахнул передо мной дверцу машины, и я молча забралась внутрь, не сказав ни слова о том, что он напоминает мне молодого Руперта Гилеса из *«Баффи»*. Мы доехали до его дома, и я заметила, что фасад здания изменился.

— Сначала я хотел сосредоточиться на интерьере, но, когда все три комнаты были закончены, я решил заняться и экстерьером тоже. В последний месяц мы занимались крышей, стенами и заменой окон, сделали крыльцо и пригласили озеленителей, которые привели в порядок задний двор. Так что теперь моя «старушка» выглядит как новенькая.

Уилсон взбежал по ступенькам и открыл дверь. Я не торопясь следовала за ним. Это ж сколько денег нужно иметь, чтобы отремонтировать такую, как выразился Уилсон, «старушку»? Конечно, работы еще велись. И я подозревала, что Уилсону предстоит не раз испытать головную боль, выбирая подрядчиков и строителей. Но ведь он все равно доведет дело до конца. Я внезапно подумала: а не являюсь ли я чем-то вроде его нового проекта? Может быть, и меня ему удастся «довести до ума»?

— Это то, что я хотел показать тебе. — Он подвел меня к двери, ведущей из фойе. В прошлый раз я её даже не заметила. Она была спрятана за лестницей.

— Мы разделили дом на две верхние и одну нижнюю квартиры. Когда он строился, лестница находилась справа. Из-за этого все помещения на этой стороне были меньше. Моя комната находится со стороны гаража, поэтому у меня куча свободного пространства. Но внизу тесновато. Сначала я подумывал занять нижнюю квартиру, но, как выяснилось, я даже не могу выпрямиться в полный рост в душевой, к тому же, я очень люблю свои апартаменты наверху. Также я подумывал сдать ее...

Пока он говорил, мы прошли внутрь. Полы были такие же деревянные, как в фойе, а стены свежееккрашены. Небольшой коридор вел в гостиную, которую Уилсон отчего-то называл «комнатой отдыха», там же находилась кухня с раковиной из нержавеющей стали, черным холодильником, плитой и столом. Все было новым, чистым и пропитанным

запахом краски. Спальня с ванной находились в отдельном помещении. Войдя в душ, я поняла, что имел в виду Уилсон.

— Здесь проходит трубопровод. Потолок, конечно, ниже 6 футов, но для тебя это не станет проблемой, если только ты не захочешь принимать душ на каблуках.

— Но я не могу позволить себе эту квартиру, Уилсон. Она маленькая, хоть и милая. Я работаю в кафе. Я беременна и здесь нет места для мастерской, в которой я могла бы заниматься резьбой по дереву, что означает ухудшение моей финансовой ситуации.

— Ты можешь себе ее позволить, поверь мне. А знаешь, что самое лучшее? Пойдем. Я тебе покажу. — Он вернулся через ванну обратно в кухню.

— Видишь эту дверь? Это вовсе не кладовка. Она ведет в подвал. Когда здесь жили рабочие, им нужен был быстрый доступ в дом, поэтому мы не стали запечатывать эту дверь. Потом я сделал там прачечную. Внизу есть печка, бойлер для воды и прочие приамбасы. Также туда можно попасть с улицы, поэтому если прачечная мне понадобится, то я не стану проходить через твою квартиру. А еще она просторная. И там достаточно места для твоего магазина. Конечно, зимой там немного прохладно, но мы можем купить обогреватель. А летом это и так самое прохладное место в доме.

Я последовала за ним вниз, стараясь не радоваться раньше времени и убеждая себя, что это плохая идея. Это было помещение с бетонным полом и стенами примерно в 2 500 квадратных футов. Около дальней стены стояла старая стиральная машина, сушка для белья, а также кое-что еще, на этом мебель заканчивалась. Забавно, что в доме имелся подвал. Подвальные помещения в Лас-Вегасе имелись от силы в двух-трех кирпичных домах. Здесь был проведен верхний свет, имелись розетки для всех моих электроинструментов. Простора было даже больше, чем нужно.

— Когда я переехал, в доме было много старой мебели, и я отнес ее сюда. — Уилсон махнул в сторону старых вещей в углу. — Ты можешь смело пользоваться всем этим, ну и стиралка с сушкой полностью в твоём распоряжении, конечно же. Можешь спускаться сюда постирать в любое время.

— Сколько, Уилсон? — спросила я, прерывая перечисление привилегий, ожидающих меня при переезде. — Сколько вы хотите за нее в месяц?

Он задумался, чуть склонив голову на бок, словно в ней скопилось чересчур много мыслей.

— Квартира маленькая, и я не могу сдавать ее высокому человеку. Потому что он бы чувствовал себя здесь как Гулливер среди лилипутов. Я думал оставить ее простаивать, иногда используя помещения в качестве гостевой для мамы. Но она такой большой сноб, что не уверен, что эта идея сработает.

— Сколько, Уилсон?

— Четыре сотни в месяц, пожалуй, слишком много. — Уилсон взглянул на меня. — Но я не стану брать с тебя деньги за коммунальные услуги.

Четыреста долларов в месяц были слишком щедрым предложением, и он знал об этом. Помещение, которое занимала Шерил стоило 900\$ в месяц и при этом было пропахшим насквозь и включало в себя только плату за воду. Электроэнергия и газ оплачивались отдельно. Я знала об этом, потому что оплачивала свет из своего кармана.

— Зачем вам это? — требовательно спросила я, засунув руки в карманы шорт.

Уилсон вздохнул.

— Я не делаю ничего особенного, Блу. 400\$ — довольно приличная сумма. К тому же, миссис Дарвин будет приятно, если в доме появится еще одна женщина. Мой новый арендатор парень. Так что если ей понадобится женская помощь, то твое присутствие здесь будет очень кстати, — привел он последний аргумент, точно хватаясь за соломинку.

— Женская помощь? Какая, например?

— Ну, не знаю. Какие-нибудь женские... приспособления, которые я не могу ей купить.

— Понятно, — сказала я, стараясь не рассмеяться. Я чувствовала, как эйфория наполняет меня изнутри и требует, чтобы я пустилась в пляс прямо здесь, в подвале. И я действительно готова была затанцевать от радости. Ну надо же! Моя собственная квартира. Больше никакого сигаретного дыма, никакой Шерил, никаких пивных бутылок и потных мужиков, которых следует избегать! Я переезжаю к Уилсону!

Глава 15

Сияние

В подвале я нашла стол, два стула, двухместный диван с креслом и кровать. Уилсон настоял на том, чтобы диван с креслом прошли термическую очистку. Также он предупредил об этом миссис Дарвин, но она, похоже, пропустила это мимо ушей, так как когда я сообщила ей, что приехал чистильщик, то она страшно растерялась. Кроме этого Уилсон раздобыл где-то чудесный пружинный матрас, который, как он утверждал, также находился в подвале, хотя я его там не видела.

На следующий день я презентовала историку чек на шестьсот долларов и объяснила ему, что сдачи не возьму, так как мне не нужны подачки. Затем я вывезла свои инструменты из мастерской и забрала от Шерил все свои пожитки. Это, должно быть, был самый негромоздкий переезд за всю историю человеческих переездов. Шерил была немного удивлена, но не более того. Казалось, единственное, о чем она беспокоилась, это о том, сможет ли она самостоятельно оплачивать счета и скоро ли удастся найти нового жильца. Я думала, увижу ли я ее снова. Так или иначе, я дала ей свой адрес и телефон на случай, если она захочет связаться со мной. На это она сказала лишь: «Хорошо, ты тоже не пропадай». И все.

Недалеко от того места, где я припарковалась, стоял большой мусорный контейнер. Я взглянула на груду мешков, в которых лежала моя одежда, а потом снова на бак. Скоро я перестану влезать во многие вещи, к тому же все они были насквозь пропитаны вонью из дома Шерил. Мне не хотелось брать их с собой на новую квартиру. Я мечтала разорвать, растоптать и развеять их по ветру. За три дня до этого мне позвонила Тиффа и сообщила, что ей удалось продать еще три моих работы. Общая сумма, вырученная за них, составляла тысячи баксов. Так что если я буду экономной, то смогу позволить себе обновить гардероб. Тиффа пообещала привезти чек к Уилсону, когда я перееду. Похоже, она знала все подробности моего большого переезда, одновременно радуясь ему, как дитя. Мне же было приятно, что я стала предметом разговора.

Я достала сапоги, туфли и несколько других вещей, которые хотела сохранить, и бросила их на пассажирское сидение. Кое-что я заменить не могла. Затем с чувством глубоко облегчения я избавилась от остальной одежды.

Самой лучшей вещью в моей новой квартире была вентиляция. Когда я стояла под ней, то могла слышать, как Уилсон играет на своей виолончели. Я не знала, каким образом музыка просачивается через стены, но как только я услышала ее, тут же поставила кресло под вентиляцией, каждую ночь прислушиваясь к чарующим мелодиям наверху. Если бы он увидел меня в эту минуту, то непременно рассмеялся бы, глядя на мое запрокинутое лицо и изогнутые в блаженной улыбке губы. Каждую ночь он исполнял одну и ту же мелодию, и я ждала ее, замирая от удовольствия всякий раз, когда знакомые звуки наполняли помещение. Я не знала ее названия. И никогда не слышала ее прежде, но всякий раз, когда она звучала, я чувствовала себя так, словно вернулась домой.

После моего переезда, дни стали проходить веселее. Я прикупила некоторые вещи на распродаже и обновила гардероб, наполнив его совершенно другой одеждой. Ушли в прошлое джинсы в облик и короткие топы. Пропали и шорты с маечками. Я внезапно обнаружила, что мне нравятся разноцветные платья. Большинство из моих покупок были сарафаны, а в частности сарафаны, подходящие для беременных.

Мой дом был похож на рай, в который я неизменно возвращалась каждый день. Даже беспокойство о будущем не могло перекрыть той радости, которую я испытывала, живя в своей новой квартире. Когда я видела на барахолках какую-нибудь милую вещь, которую могла себе позволить и которая сделала бы меня счастливой, я немедленно покупала ее. Так, например, я приобрела желтую вазу для чипсов и яблочно-зеленое покрывало для дивана, подходящее к жёлтым и красным подушкам, которые мне отдала миссис Дарвин.

Я отшлифовала стол и стулья, перекрасив их в красный цвет. Поставила в центр стола стеклянные баночки с деревянными затычками, наполнив одну коричневыми мишками, вторую «скитлз», а третью шоколадными конфетами. И все эти сладости были только для меня. На одной из барахолок я также приобрела часы с кукушкой и два держателя для книг в виде Юлия Цезаря. Последние заставляли меня смеяться и напоминали об Уилсоне. Я смастерила для себя книжную полку — одно из преимуществ работы по дереву — это умение создавать мебель, — покрасила ее в яблочно-зеленый и заполнила ее своими книгами и книгами, которые когда-то принадлежали Джимми. Цезари надежно скрепляли их между собой, охраняя книги от падения, словно два верных солдата. Также на полке стояла моя деревянная змея, сделанная Джимми, и подарок на новоселье от Уилсона, которым он меня приятно удивил.

Однажды вернувшись с шоппинга, я обнаружила под дверью небольшой сверток. К посылке прилагался конверт, на котором крупно значилось мое имя: БЛУ. Войдя в квартиру, я поставила сумки на пол, не в силах бороться со своим любопытством.

Сначала я должна открыть сверток! Записка могла и подождать. Внутри посылки оказался маленький фарфоровый дрозд, достигавший не более четырех дюймов в длину. Бережно опустив подарок на стол, я распечатала конверт.

Блу, ты так и не закончила свою историю. И мы так и не узнали, нашел ли дрозд безопасное место. Но я надеюсь, что все-таки нашел. Поздравляю с новым гнездышком.
Уилсон

Также внутри лежала моя история, которую я так и не дописала. Я прочла ее еще раз. Она обрывалась на моменте, в котором птенец падает на землю.

«Однажды давным-давно... жил-был маленький дрозд, невольно выпавший из гнезда... выброшенный. Маленького птенца нашел ястреб. Пожалев дрозда, он взял его в свое гнездо, где учил кроху летать. Но однажды, ястреб не вернулся домой, и птенец вновь оказался один. Невольно. И все, что ему оставалось, это улететь. Но когда птенец взобрался на край гнезда, то понял, что его крылышки слишком малы и слабы. А небо, напротив, такое большое и необъятное. И такое недостижимое. Дрозд почувствовал себя запертым в ловушке. Он мог улететь, но куда ему держать путь?»

Он был напуган, потому что знал, что не является ястребом. Он не был прекрасным лебедем. И не был величественным орлом. Он был просто дроздом.

Он спрятался в гнезде, закрыв крыльями черную головку и молясь о спасении. Но никто не пришел. Дрозд знал, что он мал и слаб, но у него не было иного выбора. Он должен был попытаться. Должен был улететь и никогда не оглядываться назад. Тяжело дыша, маленький дрозд расправил крылья и взмыл в широкое голубое небо. С минуту он летел свободно, набирая высоту, но затем дрозд посмотрел вниз. Дрозд запаниковал, упал на землю и прокатился по ней колесом».

Я порылась в рюкзаке и достала ручку. Сев за стол, я приписала еще несколько строк.

«Но птенец не сдался, набрался сил и снова взмыл вверх, держа курс на горизонт. И чем выше он поднимался, тем больше расправлялись его крылья, и теплый ветер поддувал снизу, помогая дрозду подниматься все выше и выше в небо».

Конечно, это было глупо и наивно, но, написав это, я почувствовала облегчение. И пусть это не было концом, возможно, это было новым началом. Затем я спрятала записку Уилсона и свою историю в «*Инферно*» Данте, которое я так и не удосужилась прочитать, но хранила в память о гарпиях, истории и мужестве.

Каждая новая неделя была наполнена счастьем. Мой малыш должен был появиться на свет еще не скоро, поэтому я могла пока не думать о предстоящем материнстве, даже несмотря на то, что регулярно посещала врача. Я решила не прерывать беременность. И родить. Это была зона моей ответственности. Я работала в кафе. Жила отдельно. Продавала свои работы. И была счастлива. А все, что было за границами моего мира, меня не интересовало.

Когда Тиффа продала еще четыре мои работы, я перестала выставлять их в кафе, во-первых, потому что в этом уже не было необходимости, а во-вторых, потому что Тиффа могла продать их за большие деньги. Я извинилась перед Беверли, объяснив ей ситуацию.

— Но ведь это же прекрасно, Блу! — уверено заявила она, накрыв мою руку своей ладонью. — Не стоит извиняться. Особенно за успех! Похоже, не помешало бы хорошенько всыпать вам за такие мысли, девушка. — Она слегка ткнула меня в плечо и повела в свой офис, закрыв за нами дверь.

— Я тут нашла кое-что во время уборки. — С этими словами она протянула мне рамку размером 8x10. — Думаю, тебе это понравится.

Я взглянула на фото в рамке. Мы с Джимми сидели за столиком на террасе кафе и щурились от солнечного света. Икас лежал у наших ног. Я смотрела на фото, не зная, что сказать.

— В тот день я купила новую камеру и щелкала своих клиентов, чтобы испытать ее. У меня есть снимки Дуби и Вейна за утренним кофе. А еще моих официанток Барбары и Шерли. Барбара тогда была такой стройной. А потом ее разнесло. — Беверли похлопала себя по животу. — А я уж и забыла, какой худышкой она была. Я не показывала ей это фото. Думаю, глядя на него, она может расстроиться. Не знаю даже, почему я перестала фотографировать, хотя ты же знаешь меня — у меня семь пятниц на неделе.

Беверли надела очки и посмотрела на серьезное лицо Джимми.

— В тот день он появился неожиданно, как, впрочем, и всегда. Думаю, мне удалось сделать удачный кадр. Ты была такой миленькой, такой улыбчивой и так хотела сфотографироваться. Помнится, я тогда подумала, что Джимми старый чудаков. Он тогда ничего не сказал о фото. Только попросил, чтобы я не вешала его в своем кафе. Что ж, во всяком случае он хотя бы обнял тебя для фотографии. Вы здесь особенно похожи — ты и твой отец.

Ее слова отозвались болью в моей душе.

— Ты так думаешь? — прошептала я, захваченная воспоминаниями. — Ты думаешь, мы были похожи, Беф?

— Безусловно, дорогая, — подтвердила Беверли, кивая для убедительности. Я улыбнулась, прижав фотографию к груди. Я никогда не говорила хозяйке кафе о том, что Джимми не был моим настоящим отцом. Кроме Шерил об этом знал только Уилсон. Я вздрогнула. Выходит, я рассказала ему то, о чем не говорила ни одной живой душе.

Беверли прокашлялась и поправила блузку. Мне показалось, что она хотела сказать что-то еще, и я ждала, думая, что, возможно, она заметила изменения в моей фигуре.

— Ты изменилась, Блу. — Ее слова прорвались в мои мысли, и я еще сильнее прижала фотографию к груди, будто защищаясь от неудобной темы.

— Ты стала мягче и выглядишь лучше. И я сейчас не имею в виду твою прибавку в весе. — Она смерила меня особым взглядом, давшим мне понять, что она раскусила меня. — Я говорю о твоей манере выражаться, о внешности и о вкусе на мужчин. Я имею в виду того милого Шона Коннери, с которым ты дружишь. Надеюсь, ты его завоевала. И надеюсь, ты рассказала ему о ребенке, поскольку, мне кажется, он не от него.

— Он не... мы не... я имею в виду... между нами ничего нет, — сбивчиво произнесла я. — Но, да, он обо всем знает. Он мой очень хороший друг.

Однако Беф была права даже больше, чем я готова была признать.

Я изменилась, и эти изменения произошли благодаря Дарси Уилсону.

— Ну, что ж, тогда отлично, — удовлетворенно сказала Беверли, поправляя стопку бумаг на своем столе. — Я тоже твой друг, Блу. И всегда буду на твоей стороне, ты же знаешь. Я была даже моложе тебя. И тоже прошла через это.

— Спасибо, Беф. И за фото, и за все остальное тоже. — Я собралась уйти, но она окликнула меня.

— Ты ведь оставишь ребенка, Блу?

— А ты оставила своего? — спросила я в ответ.

— Да, вышла замуж за его отца, родила сына и развелась год спустя. Я растила своего мальчика сама, и это было трудно. Врать не стану...

— А ты жалела когда-нибудь о своем выборе?

— Жалела ли я о том, что оставила своего сына? Нет. Жалела ли о беременности и замужестве? Определенно, да. Но уберечь себя от разочарований невозможно. Спроси кого хочешь. Разочарования — часть нашей жизни. Неважно, что ты выберешь. Мой выбор необязательно был неверным. Это был просто выбор. И я жила согласно ему. Мне хочется верить, что я дала своему мальчику самое лучшее, на что была способна, пусть мне и не всегда удавалось быть хорошей матерью. — Беверли пожала плечами, а мои глаза увлажнились.

— Зная тебя, я уверена, что так оно и было, Беф, — эмоционально сказала я.

— Надеюсь, Блу.

Глава 16

Старая слава

— Но ведь четвертое июля — это американский праздник. — Я взглянула на Уилсона и сморщила нос. — Ради чего кучка британцев празднует День независимости?

— Как по-твоему, кто радуется больше переезду ребенка из родительского дома? Сам ребенок или родители? Англия была счастлива, когда вы «съехали». Мы закатали такую вечеринку в день, когда Америка объявила о своей независимости. Bravo! Идите и не дайте двери пнуть вас под зад! — прорычал Уилсон.

— Ну, нет! Я на это не куплюсь! А война за независимость не вызывает у вас никаких ассоциаций, профессор?

— Ладно-ладно. На самом деле мама в городе вместе с Элис, Питером и тремя моими племянниками. Конечно, для барбекю слишком жарко, зато из квартиры Тиффы открывается прекрасный вид, так что будут видны фейерверки, и, что особенно круто, на крыше ее дома есть бассейн!

Всю неделю температура держалась на отметке в 118 градусов по Фаренгейту. Жара стояла просто невообразимая, поэтому перспектива искупаться в бассейне выглядела особенно привлекательно. Но затем я подумала о том, как буду выглядеть в купальнике, и мой энтузиазм померк.

— Почему вы приглашаете меня? А как же Памела? — тайне я порадовалась тому, насколько непринужденно прозвучал мой вопрос.

— Я приглашаю тебя, потому что у тебя нет работы, тебе скучно, жарко и вообще твое настроение на нуле. — Это было более чем правдой. Уилсон спустился в подвал, чтобы постирать, и обнаружил там меня, угрюмо смотрящую на пустое рабочее место и изо всех сил старающуюся не растечься по бетонному полу от жары. В последнее время я почти не собирала древесину. Зной в купе с беременностью превратили меня в размазню. И теперь я расплачивалась за это. День прошел, а на скульптуру не появилось даже намека.

— И вообще Памела сейчас в Европе, — добавил Уилсон, вываливая кучу вещей на сушилку. Ну конечно, где ж ей еще быть? Люди типа Памелы шатаются по всей Европе вместе со своими псевдоблагородными друзьями. Но если Памела уехала...

— Хорошо, — согласилась я. — Устроим барбекю.

Мать Уилсона не имела совершенно ничего общего с сыном. Она оказалась худосочной блондинкой, имеющей вид истинной английской аристократки. Она бы выглядела уместно, сидя у себя дома в широкополой шляпе и смотря матч по полу, неустанно повторяя слово «бонтон!». В ее изящной фигуре и больших голубых глазах я увидела сходство с Тиффой, Элис же выглядела точь-в-точь как мать, только не настолько безмятежно. Возмутителями ее спокойствия служили трое рыжеволосых мальчишек, носящихся вокруг нее, над ней и под ней. Элис выглядела измотанно и раздраженно, в то время как миссис Уилсон держала себя довольно сдержанно. Я подумала, что Уилсон, должно быть, похож на отца. И если бы не кудрявые волосы Тиффы, я бы подумала, что он является результатом интрижки на стороне. Эта мысль заставила меня усмехнуться. Джоанна Уилсон не имеет интрижек на стороне, я была уверена в этом на все 100%. Также не было сомнений в том, что она была без ума от сына. Во время разговора она держала его за руку, ловила каждое его слово и бесчисленное количество раз похлопала его по щеке.

Я держалась в стороне, проводя большую часть времени возле бассейна с детьми, не желая нарушать атмосферу семейной идиллии. Через какое-то время к нам присоединилась Тиффа, и малыши охотно переключились на нее, а она со смехом окунала их в бассейн. Я была удивлена ее поведением и явной привязанностью к племянникам. Я тут же спросила себя: почему она до сих пор не завела своих собственных детей? Тиффа явно подходила для материнства больше бедной Элис, которая потягивала алкогольные напитки, сидя на шезлонге, и визжала каждый раз, когда мальчишки создавали сильные брызги. И о чем только думала эта женщина, когда рожала одного ребенка за другим? Может быть, как и я, она просто не хотела задумываться об этом?

Тиффа была замужем за Джеком, коренным жителем Лас-Вегаса, которого ее отец, оставил работать в Англии после стажировки в Институте рака. Тиффа могла бы остаться с мужем, когда ее родители и Уилсон переехали в Америку. К тому же Элис, уже будучи замужней, тоже жила в Англии. Но получив работу в небольшой художественной галерее в восточной части Солт-Лейк-Сити, Тиффа без раздумий переехала, чтобы быть ближе к семье и получить новый опыт. Они с Джеком обручились и поженились в течение 6 месяцев. И 6 лет спустя они, очевидно, все еще были без ума друг от друга. Они переехали в Лас-Вегас, когда Джек получил постоянное место в госпитале «Десерт Спрингс», а Тиффа стала куратором «Шеффилда».

Мои глаза скользнули по Джеку, красивому и загорелому парню в светло-голубом поло и шортах цвета хаки, занятого барбекю как самый настоящий американец. Муж Элис, Питер, не принимал активного участия в готовке, однако все время вертелся рядом с Джеком, слушая его болтовню и смеясь его шуткам. В этих двоих не было ничего особенного, но они тут же заслужили мои симпатии.

Питер приходился племянником графу (я была ошеломлена, узнав, что в Англии все еще есть графы), который, по словам Тиффы, был богаче самой королевы. Я не знала,

чем именно промышлял этот граф, но раз его состояние могло соперничать с королевским, надо думать, управлять приходилось многим, и Питер, явно был подкован в этом. Возможно, именно богатство привлекло в нем Элис, однако, как по мне, в нем была масса других достойных черт. Питер был простым, Элис яркой, он был спокойным, а она нервной, он был воспитанным, она резкой. У него была ослепительная улыбка и скромные манеры. А волосы были такими же рыжими, как и у его отпрысков. Я искренне надеялась, что все они нанесли на себя крем для загара. Я же от природы была смуглой, поэтому могла не бояться солнца.

Я вышла из бассейна и быстро проследовала к месту, где оставила свою одежду. По дороге мы с Уилсоном заехали в «Target», где я купила себе скучное голубое парео, которое бы привлекало ко мне как можно меньше внимания. Мне совершенно не хотелось расхаживать в черном бикини, которое прошло отбор в новую жизнь шесть недель тому назад. Все-таки беременность не очень сочеталась с купальниками. Впрочем, я полагала, что некоторые женщины думали иначе. По мне же, это выглядело мерзко, из разряда тех ужасных фоток на Фейсбуке, где беременные женщины обнажали все, что можно, а их мужья целовали их в огромный живот. Я была уже на пятом месяце, и мой живот выглядел как аккуратный холмик, однако по сравнению с тем, каким он был, сейчас он казался мне просто гигантским. И я размышляла над тем, станет ли он вновь таким же аккуратным и плоским как раньше.

Уилсон все еще беседовал с матерью, сидя на шезлонге под раскидистым голубым зонтом, под которым они расположились сразу же после нашего приезда. Историк представил меня своей матери как «подругу и съемщика», не став вдаваться в подробности. Казалось, Джоанна Уилсон удовлетворилась этим описанием, хотя ее брови слегка приподнялись, и она осведомилась о Памеле, о которой, как она думала, я не должна была знать. Очевидно, она была связана крепкой дружбой с родителями девушки.

Я старалась держаться от них подальше, однако, когда Джоанна замолчала на полуслове, я поняла, что она заметила мой живот. Я быстро накинула на себя парео и притворилась будто не заметила неловкой паузы. Тем временем Джоанна возобновила разговор, словно и не останавливалась, однако, когда я украдкой взглянула на Уилсона, то обнаружила, что он смотрит на меня со странным выражением на лице. Ее реакция также не укрылась от него.

— Тиффа? Бифштекс готов, детка. Давайте есть, — обратился к жене Джек, которая в этот момент хохотала как ведьма, держа на закорках младшего из племянников и уворачиваясь от водяных пистолетов старших.

— Мы ведь будем есть внутри, не так ли? — послышался голос Элис из-под одного из зонтов. — Я больше не в силах выносить эту жару.

— Можем и так, и так, — ответила Тиффа, вылезая из бассейна вместе с маленькой «Мартышкой», все еще сидящей на ее спине. Можно расположиться в квартире. Джек отнесет немного бифштекса вниз. Так что при желании каждый может либо остаться и поесть здесь, у бассейна, либо пойти в прохладную квартиру.

К счастью для меня, Тиффа с Джеком пригласили еще нескольких близких друзей. В большой компании не привлекать к себе внимания было легче. Большинство спустилось вниз по винтовой лестнице, соединяющей крышу с квартирой Тиффы и Джека. Все пентхаусы, как называла апартаменты Тиффа, имели выход на крышу с бассейном и садом. Я старалась не думать, сколько может стоить такая квартира, вновь поражаясь ширине пропасти между мной и Уилсоном. Когда ему исполнился двадцать один год, он получил кредит на приобретение особняка в Боулдер-Сити. У меня не было ни малейших соображений относительно суммы данного кредита. И честно говоря, я не хотела этого знать, но Тиффа вскользь упомянула о том, что речь идет о миллионах. Это вполне объясняло короткое замешательство Джоанны, когда она увидела мой живот. Миллионы долларов? Миллионы причин, по которым она хотела бы, чтобы Уилсон держался

подальше от таких, как я. И я была солидарна с ней, честное слово, однако это не уменьшало моего смущения, которое я испытывала весь оставшийся вечер.

Летом солнце садилось поздно, но, когда это происходило, жители могли немного отдохнуть от зноя. Когда в Вегасе заходит солнце, жара перестает быть невыносимой, и можно вдоволь насладиться прекрасным закатом. Мне даже нравился запах, который я чувствовала, когда солнечный диск исчезал за пустынными оазисами. Абсолютно неопишуемый аромат. Мне казалось, что ни в одной точке мира не пахнет так, как в Вегасе.

С заходом солнца вечеринка вновь перенеслась на крышу, и я наслаждалась теплым темным вечером, потягивая ледяной чай и не сводя глаз с неба, в котором вот-вот должны были вспыхнуть фейерверки. Уилсон то появлялся подле меня, то вновь исчезал, и никто из нас не решался завести разговор о неловкой ситуации у бассейна. Джоанна, как того требовали приличия, была со мной вежлива и приветлива, однако в течение вечера я не раз ловила на себе ее взгляды.

За час до начала фейерверка я спустилась вниз по лестнице, чтобы в очередной раз посетить ванную из-за своей дурацкой беременности, как вдруг услышала голоса Уилсона и Джоанны, беседующих на кухне. Слева от лестницы располагалось огромное джакузи и сауна, справа находилась комната отдыха и ванна с гигантской душевой. А прямо за каменной аркой располагалась кухня, так что, несмотря на то, что видеть Уилсона и его маму я не имела возможности, не слышать их я не могла, тем более сейчас, когда я стала предметом их разговора. Я остановилась у подножия лестницы, слушая, как Уилсон отрицает наличие какого-либо чувства к моей персоне. Его мать испытывала ужас от того, что он притащил меня в общество, в котором все могли подумать, будто я его девушка.

— Дарси, дорогой. Ты не можешь встречаться с девушкой в положении.

— Мы не встречаемся, мама. Блу моя подруга, и она живет в моем доме. Вот и все. Я немного приглядываю за ней. И просто пригласил ее развеяться.

— А что это за имя такое, Блу? Его выбирала для нее Гвинет Пэлтроу что ли?

— Ну, знаешь ли, мам, — возразил Уилсон, — имя Дарси тоже не самое обычное.

— Дарси — классическое имя, — фыркнула Джоанна, однако тут же вернулась к предыдущей теме. — Поразительно, как легко беременеют те, кто не хотят этого, а те, кто отчаянно пытается, забеременеть не могут.

— Не слышал, чтобы Тиффа жаловалась, — ответил Уилсон со вздохом.

— Да что ты? А почему ты думаешь, она не спускает Генри с рук, несмотря на то, что ему уже три, и он вполне может ходить самостоятельно? А как она смотрела на Блу! Словно ей разбили сердце!

— Блу в этом не виновата.

— И что она собирается делать с ребенком? — осведомилась Джоанна. — И где, собственно, его отец?

— Уверен, она собирается оставить его. Отец ребенка, по-видимому, не в курсе, но это не наше дело, мама.

— Это просто неслыханно, Дарси. Ты не подумал, что Тиффе будет неловко? — Я чувствовала ее неодобрение. Так вот почему миссис Уилсон восприняла мою беременность так близко к сердцу. Я не знала о том, что Тиффа мечтает о ребенке, но не может завести его. И если это действительно так, то представляю, каково ей *было* весь этот вечер наблюдать за мной. Эта мысль отозвалась болью в моей груди. Я восхищалась Тиффой Снук и испытывала к ней самые нежные чувства. Она была самым милым и самым искренним человеком, которого я когда-либо встречала. И я подумала о том, что, возможно, все это было лишь маской, а в глубине души она полностью была солидарна с матерью.

Я проскользнула в ванную комнату, решив не слушать продолжение разговора, так как знала, что он расстроит меня еще больше. У меня было достаточно денег, чтобы

вызвать такси. И хотя это было трусостью, но мне не хотелось возвращаться обратно на крышу и лицедрет там миссис Уилсон со всем ее семейством.

Я не просила, чтобы меня приглашали. Я не принуждала к этому Уилсона и не хотела делать вид, будто моей беременности не существует. И мне не хотелось выглядеть «неслыханно», чтобы это ни значило. Воспользовавшись ванной, я вымыла руки и толкнула дверь плечом, выходя. Одновременно с этим из-под арки появилась Джоанна с выражением крайней досады на лице.

Я остановилась в фойе, замерев в нерешительности. Больше всего на свете мне хотелось уехать и отправить Уилсону смс с сообщением о том, что я устала и не могу остаться. Однако мой телефон был в сумке, а сумка на крыше, на шезлонге, который я занимала весь день.

— Блу? — Тиффа спускалась по ступенькам, держа на руках спящего Генри. — Мы утомили тебя, дорогая? Правда, ты не единственная, кто устал.

Генри все еще был в плавках, и его голова с копной рыжих волос покоилась у нее на плече. Тиффа рассеяно погладила ее.

— Я хотела уложить Генри в постель. Думаю, он не проснется до утра. Гэвин и Эйден пока бодрствуют, но уже потирают глаза. Думаю, не пройдет и часа, как они тоже уснут.

— Да, я немного устала. — Я уцепилась за ее предположение. — Я подумываю взять такси, чтобы не беспокоить Уилсона.

— Дарси бы не хотел этого. К тому же, я думаю, он и сам хочет домой. Он искал тебя.

Тиффа прошла через арку и направилась в сторону спален, которых я еще не видела. Проходя мимо меня, она сказала:

— Побудь со мной, пока я укладываю Генри. У меня не было возможности пообщаться с тобой сегодня. Твои работы распродаются на ура, и мы подумываем о расширении экспозиции — больше работ, больше скульптур, — сообщила она по дороге, пока я покорно следовала за ней, откладывая свой отъезд.

Тиффа уложила мальчика на кровать, и тот развалился на ней даже не проснувшись. Когда она сняла с него плавки, он даже не пошевелился. Когда же она стала переодевать его в пижаму, Генри шатался и в конце концов рухнул на кровать. Мы обе засмеялись, Тиффа поправила подушку, поцеловала ребенка и подоткнула ему одеяло.

— Спокойной ночи, сладкий, — прошептала она, склонившись над ним.

Я чувствовала себя так, словно вторглась в нечто сокровенное.

— Тиффа?

— М-м?

— Вы знаете о том, что я беременна?

— Да, Блу, знаю, — вежливо ответила она.

— Уилсон сказал вам?

— Он сказал мне об этом, когда ты переехала к нему.

В комнате царил полумрак, и мы обе говорили очень тихо, чтобы не разбудить Генри, поэтому обстановка была более чем интимной.

— Я услышала разговор вашей матери с Уилсоном, — мягко сказала я.

Тиффа слегка склонила голову на бок, ожидая моей следующей реплики.

— Она была расстроена.

— О, нет, — тихо простонала девушка. — Что она сказала?

— Она сказала, что Уилсону не следовало брать меня с собой. Что это расстроило вас. — Я хотела было извиниться, но моя злость на Джоанну Уилсон заставила меня промолчать. Я не пыталась никого задеть.

— Ох, мама... она может быть такой невыносимой и такой старомодной. Теперь я понимаю, почему Уилсон хочет уехать. Она, должно быть, урезонила бедного мальчика. — Тиффа наклонилась вперед и взяла меня за руку.

— Прости, Блу. Несмотря на то, что я страстно желаю иметь детей, я все равно рада видеть тебя в своем доме вместе с братом в любое время.

— Вы пробовали забеременеть? — спросила я, надеясь, что не вторгаюсь в ее личное пространство.

— Мы с Джеком не пользовались противозачаточными средствами и наслаждались друг другом до конца, если ты понимаешь, о чем я. Думаю, что к этому времени я уже должна была бы обзавестись несколькими маленькими Джеками. — Тиффа остановилась и взглянула на Генри. — Несколько лет назад мы обратились к специалисту. Врач сказал, что наши шансы почти равны нулю. Однако я не теряю оптимизма и верю, что это все еще может произойти. Мне всего лишь двадцать два. Моя мать тоже долго не могла забеременеть.

— Вы когда-нибудь думали об усыновлении? — слова сорвались с моих губ, а сердце забилось, как сумасшедшее. Я знала, что нужно сказать, и простота этого решения восхищала меня.

Тиффа, похоже, тоже прониклась моим настроением, она повернулась ко мне, глядя на меня сияющими глазами.

— Да, — ответила она медленно, скользя взглядом по моему лицу. Бессонные ночи, всевозможные варианты, мысли и предположения о будущем, казалось, наконец обрели форму. Я оглянулась назад, словно ища чьей-то поддержки. Мне было важно, чтобы она поняла меня правильно.

— Моя мать бросила меня, когда мне было два. — Слова лились из меня подобно Ниагарскому водопаду, и даже маленький мальчик на постели заворочался, настолько я не могла сдержать свой тон. — И я бы хотела, чтобы мой ребенок избежал жизни, которая была у меня. Я хочу, чтобы она... или он был бы желанным, ожидаемым и л-любимым. — Я заикалась, стараясь утихомирить бешенный стук моего сердца. Я собиралась сказать это. Я собиралась сделать Тиффе Снук предложение, которое потрясло меня до глубины души. Тиффа положила ладонь на грудь, прислушиваясь к стуку собственного сердца, ее глаза были похожи на две огромные голубые луны.

— Я хочу, чтобы вы с Джеком усыновили моего ребенка.

Глава 17

Уловка

По дороге в Боулдер Уилсон был удивительно тихим, и я боялась признаться ему, что подслушала его разговор с матерью. Я была слишком одурманена надеждой на то, что его забота была вызвана исключительно моим унынием, не более того. Четвертого июля я приехала к Тиффе, не ожидая ничего, кроме фейерверков, хот-догов и купания. А уезжала я оттуда с надеждой на то, что нашла семью для своего нерожденного ребенка. И хотя моя голова кружилась, а мысли носились в ней как ненормальные, я чувствовала, что, принимая такое решение, поступала правильно.

Мы с Тиффой договорились, что обе еще раз хорошенько все обдумаем и не станем пока никого в это посвящать до тех пор, пока она не переговорит с Джеком и адвокатом. Никто из нас не знал, через какие процедуры необходимо пройти, однако Тиффа уверила меня, что разузнает все, что нужно, через брата Джека, работавшего юристом. Когда она обнимала меня, ее руки дрожали, а во взгляде читалось волнение, вызванное неожиданным поворотом в ее жизни. Надежда в ее глазах была отражением моей собственной надежды, и хотя она умоляла меня взвесить все за и против, я знала, что уже не изменю своего решения.

Вместе с Джеком и Тиффой мы посетили брата Джека, который тут же углубился в наше дело. Оказалось, что особых сложностей процесс усыновления не вызовет: Тиффа с Джеком должны были оплатить мою медицинскую страховку, деньги за которую я обязана буду возместить, в случае, если изменю свое решение в течение определенного периода времени. И конечно же, требовалось уведомить о моем решении отца ребенка,

который должен был дать свое согласие. От этой мысли у меня засосало под ложечкой. Не то, чтобы я была уверена, что Мейсон мечтает стать папочкой и растить ребенка. Однако он обитал поблизости от меня, и я знала, что он может ввязаться в неприятности ради самого факта неприятностей.

А затем Тиффа рассказала обо всем семье. Мать Тиффы, Элис, Питер и дети собирались улетать обратно в Манчестер утром, поэтому Тиффа организовала ужин, чтобы сообщить приятную новость, пока все Уилсоны были в сборе. Она пригласила также и меня, но я отказалась, радуясь, что смена в кафе выпала как раз на этот день. Не хотелось чувствовать себя неловко. К тому же у меня не было ни малейшего желания обсуждать усыновление с Джоанной Уилсон за чаем и пышками. Я гадала, отразится ли эта новость на наших отношениях с Уилсоном, и не могла отделаться от этой мысли весь вечер, пока разносила еду и обслуживала клиентов. На часах было девять, когда я наконец закончила все свои дела и поехала домой, абсолютно вымотанная чередой заказов и нервами. Когда я заехала на подъездную дорожку, то сразу же увидела Уилсона, сидящего на крыльце Пемберли.

Я опустилась рядом с ним и постаралась спрятать лицо в коленях, как делала тысячу раз до этого, однако мой огромный живот не позволял мне развернуться. За последнюю неделю он вырос так сильно, что прятать его теперь было крайне сложно. Поэтому я просто положила руки на колени и стала вглядываться в темноту улицы, как уже делала однажды несколько месяцев назад, когда находилась в смешанных чувствах и ждала от Уилсона поддержки. Мы просидели так некоторое время, каждый смотрел в свою сторону, но наши ноги почти соприкасались друг с другом.

— Тиффа и Джек, должно быть, самые счастливые люди на планете в эту минуту, — пробормотал Уилсон, коротко взглянув на меня. — Впрочем, полагаю, мама ушла недалеко от них. Когда я уезжал, она пела «Боже, храни короля!»

— «Боже, храни короля»? — удивилась я.

— Это единственная песня, которую она знает целиком и которую она, вероятно, может исполнить.

Я издала смешок, после чего между нами вновь повисла тишина.

— Ты уверена, что поступаешь правильно, Блу?

— Нет, — ответила я и грустно улыбнулась. — Я уверена, что это роскошь, которую я никогда не смогу себе позволить. Иными словами, я уверена настолько, насколько может быть уверена двадцатидвухлетняя официантка. А тот факт, что Джек и Тиффа счастливы, только укрепляет меня в моем решении.

— Многие девушки намного младше тебя и не обладающие особыми способностями растят детей каждый день.

— И у некоторых из них наверняка есть хорошая работа, — согласилась я, стараясь не позволить его комментарию задеть меня. — А у некоторых, нет. — Я взглянула на Уилсона с вызовом, ожидая, что он продолжит давить на меня. Но историк только изучил мое выражение лица и отвернулся. Я хотела, чтобы он понял меня. Мне как никогда нужна была его поддержка, поэтому я обратилась к единственной вещи, которая могла помочь мне.

— Помните, однажды вы цитировали поэму Эдгара По? — Я выучила ее после той ночи. Возможно, таким образом я пыталась стать ближе к нему, знать то, что он знал, разделить с ним то, что он любил, однако эта поэма по-настоящему запала мне в душу. Это была моя жизнь, выраженная в нескольких строчках.

Уилсон процитировал первые строчки, с вопросительным выражением. И пока он говорил, я тихо вторила ему. С каждым произнесенным мной словом его брови поднимались все выше.

Я с детских лет там не бывал,
Где были все; я не видал,
Что все видали; мои сны

Не воспалялись от весны.
Источник общий не питал
Мою печаль; меня не звал
Расхожий звук, он был уныл.

Уилсон взглянул на меня сквозь окутывающий нас сумрак.

— Следующая часть поэмы никак не выходит из моей головы, — произнесла я, выдержав его взгляд. — Вы знаете, что будет дальше?

Уилсон кивнул, но продолжать не торопился. Он ждал продолжения от меня. И я стала читать вслух, произнося строки с той интонацией, которая, как мне казалось, подходила больше всего.

Все, что любил, один любил.
И в детстве на рассвете раз
Из шторма жизни вознеслась,
Из глубины добра и зла,
Та тайна, что меня взяла...

Эти строчки были больше, чем просто слова, они отражали мои мысли, и я жаждала, чтобы он понял меня правильно.

— Тайна, Уилсон, моя тайна. Однажды вы сказали мне, что мы не можем решать где родиться. Мы появляемся на свет в тех обстоятельствах, в которых появляемся, и никто из нас не способен изменить этого. Но я уверена, что этот ребенок не заслуживает моей участи. Я не могу дать ему ничего. Если что-то со мной случится, малыш останется один. Я не могу гарантировать своей дочери счастливую жизнь, и я не хочу, чтобы она росла в одиночестве. Я хочу, чтобы ее любили. Чтобы у нее были папа и мама, бабушка, тети, дяди и кузены. Я хочу, чтобы у нее была семья, и она не жила в постоянном страхе быть брошенной или... выброшенной.

Уилсон кивнул, однако на его лице читалось беспокойство, а во взгляде тоска. Он приблизился ко мне и поцеловал в лоб, а я вбирала в себя исходящий от него запах мяты и крема после бритья, желая быть окутанной его ароматом словно одеялом. Я чувствовала его волнение, зная, что он не совсем согласен со мной, но не хочет меня обидеть, поэтому молчит. Я гадала, связано ли это с тем, что он станет дядей моего ребенка, точнее ребенка Тиффы. Ведь отныне ему наравне с другими предстояло окружать малышку любовью.

— И что теперь, Блу? Куда мы отправимся дальше? — Я не знала, что он хотел сказать своим вопросом, поэтому ответила буквально.

— Завтра я собираюсь поговорить с Мейсоном.

— Вы только посмотрите, кто здесь. Не выдержала разлуки, а? — промурлыкал Мейсон, смотря на меня сверху вниз из дверного проема. Лучи света, исходящие из глубины его апартаментов над гаражом, очерчивали его силуэт. Я позвонила ему, сообщив, что нам нужно поговорить и что я буду ждать его на улице. Положив трубку, он поспешил вниз, на ходу отпуская шуточки. Очевидно, он думал, что я хочу большего, чем разговор. Я прикрыла живот рюкзаком, не желая, чтобы глаза Мейсона вылезли из орбит раньше времени. Я услышала хлопок двери. Из-за угла показался Уилсон. Похоже, оставаться в машине он не собирался.

— Блу, какого черта, где тебя носило? — Мейсон спустился вниз ровно в тот момент, когда со мной поравнялся Уилсон. Глаза парня скользнули по историку, и он тут же помрачнел.

— Думаешь, я куплюсь на эти анютины глазки?

— Мейсон, я беременна. От тебя, — выпалила я, не желая ходить вокруг да около. Мне хотелось разобраться с этим как можно быстрее. Затем я убрала рюкзак, демонстрируя свой живот.

Мейсон переводил взгляд с моего живота на мое лицо. Когда я надевала правильную одежду, то вовсе не выглядела беременной. Но сейчас я позаботилась о том, чтобы подчеркнуть свое положение, надев обтягивающую футболку и капри.

— Что за херня! — произнес Мейсон, проводя рукой по волосам, и я тут же прониклась к нему сочувствием. Я не винила его за такую реакцию. Это был удар ниже пояса, и я точно знала, что он чувствовал, так как сама пережила то же несколько месяцев назад. Он взглянул на меня, его пальцы были в нескольких дюймах от моего лица.

— Ты появляешься через шесть месяцев и хочешь убедить меня в том, что я стану папашей. Ну уж нет, я на это дерьмо не куплюсь!

— На что именно ты не купишься, Мейсон? — уточнила я, стремясь как можно скорее озвучить причину своего визита.

— С чего ты взяла, что это мой ребенок, Блу? Я не был твоим первым, и уж явно не был последним. Насколько я помню, Адам тоже вертелся вокруг тебя в то время. — Мейсон смерил Уилсона коротким взглядом. Тот лишь покачал головой и скрестил на груди руки. «Адам» уходить не собирался. Впрочем, смысла что-то доказывать или отрицать не было.

Я решила не спорить. В конце концов, сомнения Мейсона были мне только на руку. Так будет меньше проблем. Я всучила Мейсону повестку в суд, которую приготовил для меня Джек.

— Я не собираюсь вешать на тебя это, Мейсон. Я приехала сюда не для выяснения отношений, а для того, чтобы получить разрешение на усыновление ребенка. Это справка о передаче прав. Тебе нужно будет явиться в суд в указанный день и поставить подпись. И после этого, я обещаю, ты больше никогда не увидишь ни меня, ни моего огромного живота.

Мейсон изучал документ в течение минуты, и в какой-то момент мне показалось, что он разорвет его пополам.

— Я буду работать. И не смогу этого сделать, — ответил он наконец, отшвыривая листок в сторону. Тот плавно опустился на землю, и все мы уставились на него.

— Я поняла, — произнесла я приторно сладким голосом. — Надеюсь, ты достаточно сильно хочешь сохранить эту работу. Так как в противном случае я добьюсь признания отцовства и подам на алименты.

Мейсон выругался, а на губах Уилсона появилась усмешка. Он показал мне поднятый вверх большой палец, из-под скрещенных рук. Но когда Мейсон обозвал меня гребанной шлюхой, улыбка историка исчезла.

— Попридержи язык, дружок, — выпалил он, и Мейсон взглянул на Уилсона с опаской, очевидно вспомнив о приеме кунг-фу, вырубившим его в их последнюю встречу.

— Ты не увидишь от меня ни цента, Блу.

— Приедешь в четверг в суд, и я не стану претендовать на твои деньги. — Я резко приложила повестку к его груди, подождав, пока он возьмет ее и сожмет в кулаке. — Увидимся в четверг.

С этими словами я развернулась и пошла вперед, даже не обернувшись, чтобы взглянуть на Мейсона или Уилсона. Я скользнула на пассажирское сидение субару Уилсона и постаралась пристегнуть ремень, желая ощутить себя в безопасности. Я и сама не совсем понимала, от чего хочу защититься. От ярости ли Мейсона? Или от его откровенного предательства? Возможно, так оно и было. Все, что я знала наверняка, это то, что мне очень страшно и невообразимо грустно. Уилсон сел рядом со мной и завел машину. Мои руки дрожали так сильно, что застежка ремня отскочила и ударила по стеклу. Уилсон молча перегнулся через меня, взял ремень и пристегнул его, все это время я ощущала его обеспокоенный взгляд на своем лице.

— Ты вся дрожишь, с тобой все нормально?

Я кивнула, стараясь избавиться от чувства стыда, мешающего мне говорить. Я чувствовала, как он изучает глазами мой профиль, стараясь проникнуть под маску на моем лице.

— Ты любишь его? — Его наивное предположение было столь неожиданным, что я рассмеялась, если только в моем состоянии вообще можно было смеяться.

— Нет! — легко ответила я. — Я испытываю страх и неловкость. И эти чувства не имеют ничего общего с любовью. Я вообще никогда его не любила.

— Думаешь, нелюбовь к нему все облегчает?

На мгновение я задумалась, а потом кивнула.

— Да. Облегчает. И я рада, что он не пытался сделать из меня честную женщину.

Уилсон улыбнулся.

— Да уж, что есть, то есть.

Он включил радио и тишину ночного Вегаса наполнили голоса группы The Killers. Песня называлась «Мисс атомная бомба». Я думала, что разговор закончен, как вдруг Уилсон резко нажал на кнопку, выключая музыку.

— А что, если бы он сделал это?

— Сделал что? Предложил бы мне руку и сердце? Будьте реалистом, Уилсон.

— Но если бы да, ты бы оставила ребенка?

— Вы всерьез думаете, что мы были бы маленькой счастливой семейкой? — хихикнула я. — Достаточно того, что наш ребенок имеет наши с Мейсоном ДНК. Малыш заслуживает лучших родителей, чем мы.

— Ох, Блу. Ты бы не была плохой матерью.

— Интересно, сказал ли кто-нибудь эти слова моей матери, когда она была беременна мной?

Уилсон резко повернулся ко мне с выражением крайнего удивления на красивом лице. Я только беспечно пожала плечами. Я не знала, была бы я плохой матерью или хорошей. Зато я точно знала, что лучшей матери, чем Тиффа Снук, нет и не будет на всем белом свете. Оставалось только подписать документы.

Наступил четверг. Я плохо спала всю эту неделю, боясь, что Мейсон с родителями либо не явятся в суд вовсе, либо заявят права на нашего еще не родившегося ребенка. Я бы в любом случае сохранила его. Но отдать малыша Джеку и Тиффе одно дело, а Мейсону и его родителям — совсем другое. Однако, когда я приехала в суд четверг утром, оказалось, что Мейсон прибыл без сопровождения. Он был совершеннолетним и мог самостоятельно принимать решения. Я гадала, рассказал ли он обо всем родителям. На нем был галстук, а лицо выражало полнейшее смятение, так что я снова прониклась к нему сочувствием.

Когда судья задал ему вопрос, понимает ли он свои права, а также осознает ли, что от него требуется, Мейсон кивнул, а затем взглянул на меня. Казалось, он выглядел ошеломленным. С помощью нотариуса Мейсон подписал все необходимые документы, и Тиффа с Джеком обнялись так крепко, словно происходящее пугало их не меньше других. Я почувствовала слабость и облегчение одновременно и прикладывала усилия для того, чтобы не поддаться нахлынувшим эмоциям. После того, как все закончилось, я нашла Мейсона. Я была сильно ему обязана.

— Спасибо, Мейсон, — спокойно произнесла я, протягивая ему руку.

Тот медленно пожал ее.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше, Блу? Я знаю, у нас никогда не было ничего серьезного, но... я бы хотел, чтобы было.

Настала моя очередь удивляться.

— Хотел бы?

Я никогда не думала, что Мейсону может понадобиться от меня что-то кроме секса. Возможно, из-за низкой самооценки, я просто не смогла разглядеть его истинных чувств?

— Я знаю, я могу быть редкостным кретином. Я много пью, не слежу за языком и быстро зверею. Но ты все равно должна была сказать мне.

— Должна, — согласилась я. Мы замерли в неловком молчании, смотря куда угодно, только не друг на друга.

— Так будет лучше, Мейсон, — мягко произнесла я. Он взглянул на меня и кивнул.

— Да, я знаю. Но может быть, однажды ты дашь мне еще один шанс...

Нет. Я бы не стала этого делать. Мейсон был частью прошлого, в которое я не хотела возвращаться. Но я неопределенно кивнула, радуясь воцарившемуся между нами перемирию.

— Береги себя, Блу.

— И ты себя, Мейсон. — Я развернулась и направилась к выходу. Но голос Мейсона остановил меня:

— Я не представляю тебя с таким парнем, как Адам.

Я развернулась и ответила:

— Я тоже, Мейсон, но это уже моя проблема.

Глава 18

Неон

— Зачем ты поставила кресло на середину комнаты?

— Мне нравится сидеть под вентиляцией.

— Ты мерзнешь? Не стесняйся, если хочешь прибавить тепла. Эта квартира не очень-то им богата.

— Уилсон, я не мерзну. В Неваде Август.

— Тогда... почему кресло стоит посреди комнаты? — настойчиво повторил Уилсон.

— Мне нравится слушать, как вы играете по ночам, — тут же призналась я, удивляясь, с какой легкостью смогла это сделать. Вообще-то я не собиралась посвящать его в свой секрет. — Мелодию слышно из вентиляции.

— Тебе нравится моя игра? — Уилсон выглядел шокированным.

— Конечно, — ответила я, пожав плечами так, словно в этом не было ничего особенного. — У вас хорошо выходит.

В данной ситуации слово «хорошо» было явным преуменьшением.

— Я все жду, когда вы исполните что-нибудь из Вилли, — поддразнила историка я. Уилсон был ошарашен.

— Из Вилли?

— Да, из Вилли, — подтвердила я, стараясь не улыбаться. — Вилли Нельсон — один из величайших авторов песен всех времен.

— Что ж, — произнес Уилсон, почесывая затылок. — Полагаю, я не совсем знаком с его... творчеством.

Он был так сконфужен, что я не смогла сдержать себя и расхохоталась.

— Вилли Нельсон — ветеран кантри-музыки. Джимми любил его. Они даже были чем-то похожи. Только у Вилли кожа была темнее, и выглядел он не таким обтрепанным. А Джимми носил косу и бандану, но при этом у него было полное собрание альбомов Нельсона. Мы постоянно слушали его песни. — Я почувствовала, что больше не хочу смеяться, поэтому резко сменила тему.

— Есть одна композиция, которая мне особенно у вас нравится, — сообщила я.

— Неужели? Напой-ка.

— Я не умею петь, танцевать и читать стихи, Уилсон.

— Ну совсем чуть-чуть, чтобы я понял, о чем ты говоришь.

Я прочистила горло, закрыла глаза и сосредоточилась на мелодии. Она звучала в моей голове, струясь подобно речному потоку. Она была так прекрасна. Набравшись смелости, я воспроизвела несколько нот. Я чувствовала себя умиротворенно и приоткрыла один глаз, чтобы понять понял ли Уилсон, о чем я говорила.

Лицо Уилсона стало пунцово-красным, и все его тело сотрясилось от беззвучного смеха.

— Даже представить себе не могу, что за песню ты напеваешь, дорогая. Может быть, ты споешь еще несколько нот, пока я не пойму, о чем ты?

— Ну вы и... сволочь! — вскипела я, толкнув его, отчего Уилсон стал смеяться еще сильнее. — Я же говорила, что не умею петь. Сейчас же прекратите!

— Да нет же... ты прекрасно поешь, — прохрипел он, отворачиваясь.

В порыве ярости я принялась передвигать кресло с середины комнаты, показывая, что больше не намерена слушать его игру после того, как он смутил меня.

— Ну перестань, прости. Ну хочешь, я тоже сейчас что-нибудь напую, и ты сможешь отыгаться? — Он снова установил кресло под вентиляцией. — Садись и подними ноги, — с этими словами, он мягко усадил меня в кресло, устроив мои ноги на подлокотнике. — Я придумал! Сейчас я схожу за виолончелью и сыграю что-нибудь специально для тебя.

— Мне это неинтересно, — соврала я. Одна только мысль о том, что он будет играть для меня, заставляла мое дыхание замедляться и вызывала головокружение. К счастью, он не воспринял меня всерьез, рассмеялся и покинул апартаменты. Я слышала, как он поднялся по ступенькам и как захлопнулась за ним дверь его квартиры. Через минуту Уилсон с виолончелью снова был у меня. Взяв один из кухонных стульев, историк уселся напротив меня и достал инструмент из футляра. Сперва он решил разыграться, а я искоса наблюдала за ним, стараясь ничем не выдать своего нетерпения.

— Превосходно, — очевидно довольный результатом, Уилсон коснулся смычком упругих струн и приступил к поиску нужной мелодии. Наши взгляды встретились. — Когда услышишь ее, дай мне знать.

— Почему бы вам не играть так, как вы это обычно делаете? Я бы просто послушала. — Я перестала притворяться, что мне неинтересно.

— Ты хочешь, чтобы я просто поупражнялся в игре? — резко останавливаясь, уточнил он.

— Да. Просто делайте то, что делаете каждую ночь.

— Я практикуюсь каждую ночь не менее часа. — Его слова звучали как вызов, который я моментально приняла.

— Я знаю. — И это было правдой. — Только называйте названия композиций, которые исполняете, чтобы в следующий раз, когда я буду слушать вашу игру, я знала, что именно вы играете. Это было бы познавательно, — добавила я, зная, что его это развеселит. И развеселило. — Вы же знаете, я очень тянусь к знаниям.

— Да уж, знаю, девушка, которая-не-могла-дождаться-моих-уроков-чтобы-впитывать-в-себя-знания.

Если бы он только знал. Но Уилсон только ухмыльнулся и снова принялся за игру. Ему снова не помешала бы стрижка. Каштановые завитки волос падали ему на глаза, и он нетерпеливо отбрасывал их назад. Его голова была склонена к виолончели таким образом, словно инструмент был его лучшим другом и нашептывал ему на ухо какой-то секрет. Смычок ловко скользил по струнам, и Уилсон был полностью поглощён мелодией. Она была такой приятной и волнующей: низкие тона, смешивались с другими. Я едва сдерживала вздох восхищения. Музыка наполнила комнату и проникала в самое сердце, требуя, чтобы ее впустили.

— Тебе знакома эта мелодия? — спросил Уилсон, не отрываясь от игры.

— У Мэри был барашек?

— Все еще ерничаешь? — вздохнул историк, но улыбка все-таки коснулась его губ, и он закрыл глаза, продолжая играть. Я неотрывно следила за ним, поражаясь длине его ресниц и тому, как идет ему однодневная щетина. Выражение его лица было невероятно безмятежным. Казалось, он полностью отдался музыке, которую творил. Почему он стал моим другом? И есть ли на свете мужчины подобные ему? Мужчины, которые любят историю, носят с собой носовой платок и открывают двери перед девушками... даже такими, как я. Нет, я не знала никого, кто мог бы сравниться с ним. Я вновь вспомнила о Памеле и гадала, любит ли он ее.

— Это Брамс, — открыв глаза, сообщил Уилсон. Я кивнула, и он продолжил играть. Одна мелодия сменяла другую, и я тоже позволила себе закрыть глаза и обратиться в слух.

Я чувствовала мир во всем его спокойствии и гармонии. И тут я ощутила толчок. В недоумении я открыла глаза и уставилась на свой живот. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что случилось, и я ахнула.

— Уилсон! Уилсон, скорее сюда. Ребенок... танцует!

Историк оказался рядом быстрее, чем я успела договорить. Он опустил на колени, и я положила его руку на свой живот, чтобы он тоже смог ощутить толчки. Я чувствовала шевеление ребенка и раньше, но так еще ни разу.

— Вот! Вот! Чувствуете!

Глаза Уилсона расширились как блюдца. Мы оба притихли и стали ждать. Толчок, а сразу за ним удар.

— Ау! — рассмеялась я. — Ну уж сейчас вы должны были почувствовать.

Историк переместил руку и прижался щекой к моему животу. В течение нескольких минут его голова находилась в нескольких сантиметрах от моего лица, и я едва сдерживалась, чтобы не запустить руку в буйные каштановые кудри. Ребенок больше не толкался, и Уилсон отодвинулся.

— Это все музыка, — прошептала я, надеясь, что он останется рядом еще хотя бы на мгновение. — Вы сыграли мелодию, которая нам нравится.

Уилсон перевел на меня взгляд, наши лица были так близко друг к другу, что не было ничего естественнее, чем коснуться поцелуем его губ. Так просто... и так недостижимо. Самого преподавателя наша близость, казалось, смутила, и он поспешил отстраниться.

— Это та самая песня? — улыбаясь спросил он.

— Да. Кто ее исполняет? — спросила я.

— Боб Дилан.

— Что? — не поверила я своим ушам. — Я думала, что это какой-нибудь Бетховен или что-то вроде этого. Ну и серость же я.

Уилсон легонько стукнул меня по голове смычком.

— Композиция называется «Make You Feel my Love». Это одна из моих любимых песен. Конечно, я играю ее немного на свой лад, но это все равно Дилан, а не Моцарт. Очень лиричная. Послушай. — Уилсон вновь заскользил смычком по струнам, на этот раз сопровождая музыку пением. Его голос был таким же глубоким, как и издаваемая виолончелью мелодия.

— Ну конечно же, — коротко ответила я.

— Что? — не понял он, останавливаясь.

— Вы умеете петь. У вас восхитительный голос. И вы не можете притворяться, что это не так. Господи, вы вообще бываете несовершенным в чем-то? Это так несправедливо.

— Ты не видела меня за вырезанием какой-нибудь красивой вещи из пня, — сухо ответил Уилсон, продолжив играть. А я продолжила слушать, чувствуя, как музыка вдохновляет меня и требует, чтобы я взялась за вырезание.

— Если бы ночью, вы репетировали в подвале, я могла бы слушать вашу музыку и работать. Я бы создала скульптуры ваших мелодий. Мы бы сделали миллионы. И вы были бы моей музой, Уилсон. Кстати, а мужчина может быть музой?

Уилсон улыбнулся, но его взгляд снова заволокло туманом, словно он добровольно жертвовал своей способностью видеть ради моего желания слушать его музыку. Я тоже закрыла глаза, позволяя мелодии нести меня на своих волнах. Час спустя я проснулась в полной тишине. Яблочно-зеленый плед бережно окутывал мое тело, а Уилсон и его виолончель исчезли.

После переезда в Пемберли я взяла в привычку добираться до работы пешком. Это не только позволяло экономить на бензине, но и давало некоторую нагрузку. Впрочем, Октябрьская жара и восьмой месяц беременности снова вынудили меня сесть за руль. Однако по понедельникам нужды в машине не было, потому что каждый вечер понедельника в кафе приходил Уилсон. Когда моя смена заканчивалась, я присоединялась к нему, и мы вместе шли домой.

Как-то раз я рассказала ему, что по понедельникам обычно приносила еду Мэнни и Грасье, поэтому после их отъезда этот день недели всегда был немного грустным. С тех пор каждый понедельник Уилсон неизменно приходил в кафе. Я изо всех сил старалась не придавать его поступкам значения. Он был ко мне добр и внимателен, и я списывала это на природу его характера. Я никогда не просила его проводить со мной время, никогда не обсуждала это и не обращала на это внимания. Я боялась, что если стану это делать, то уже Уилсон прекратит делать то, что делает.

Моя смена заканчивалась в семь, и в этот понедельник Уилсон пришел точно к ее окончанию. На нем были брюки и закатанная до локтей голубая рубашка. Это была его стандартная форма одежды для школы. Увидев Уилсона, Беф подмигнула мне и отпустила. Я присоединилась к историку с сэндвичем и лимонадом, со вздохом разминая пальцы на ногах и отяжелевшие плечи.

Беф преподнесла Уилсону его стандартный заказ — томаты с сыром-гриль и картошкой фри. Сама хозяйка кафе назвала картофель чипсами, должно быть, для того, чтобы Уилсон чувствовал себя как дома. Он поблагодарил ее и сказал, что блюдо выглядит очень аппетитно. Беф хихикнула, совсем как в свое время Крисси на уроках истории. И я изо всех сил старалась не рассмеяться.

— Похоже, Беф очарована вами, Уилсон. Уверена, вы уже привыкли к подобной реакции. В школе еще нет вашего фан-клуба? Что-то вроде «Мы любим Уилсона».

— Ха-ха-ха, Блу. Я никогда не пользовался большим успехом у девушек.

— Не глупите, Уилсон. Вы были самой любимой темой Мэнни весь первый семестр.

— Но Мэнни не девушка, — мягко заметил историк.

Я фыркнула.

— Ваша правда. Но, пожалуй, я была единственным человеком, который не перемывал вам кости. Это было отвратительно. Даже Беф не устояла перед вами. Кажется, я видела на ее машине значок с надписью «тащусь от британских попок».

От смеха Уилсон подавился едой и потянулся за лимонадом. Мне нравилось смешить его, даже если это представляло угрозу для его здоровья.

Восстановив дыхание, Уилсон взглянул на меня и стал опровергать убеждение о том, что он популярен у женщин.

— Я всегда был ботаником из оркестра. Или как вы тут их называете — тошнотики? Отношения с учителями у меня всегда были лучше, чем с одноклассниками. Я был тощим, очкастым и нескладным. Тем, кто всегда отвечает *на* уроках и по собственной инициативе моет доску *после*.

— Ученики и правда это делают? — нетерпеливо перебила я.

Уилсон лишь закатил глаза и продолжил.

— Я никогда не притягивал девчонок, особенно таких, как ты. Так что нет ничего удивительного в том, что я не произвел на тебя впечатления в прошлом году. Впрочем, меня такое положение вещей устраивало. Я никогда не ставил девушек в приоритет. Только не пойми меня неправильно, я *замечаю* таких девушек, как ты, просто мне такие девушки *не нравятся*. Да и я таким девушкам тоже.

— Каких «таких девушек»? Шалав? — Я старалась говорить мягко, притворившись, что подтруниваю над ним. Но я не шутила. Его слова задели меня, однако «такие девушки, как я» всегда умеют совладать со своими эмоциями.

— Нет, Блу, — замотал головой он. — Я не это хотел сказать. Я имел в виду красивых и жестоких девушек, которые вырастают слишком быстро и пользуются такими парнями, как я.

— Ну вот. Об этом я и говорила. О шалавах. — Я отодвинула тарелку и залпом выпила лимонад. Затем я поднялась с места, давая понять, что наша беседа закончена и наш дружеский ужин тоже. Уилсон смотрел на меня в упор, и я подумала, что, должно быть, разозлила его. Это было плохо. Я саркастично улыбнулась ему, медленно обнажая ряд ровных зубов. Дружеская беседа внезапно перестала быть таковой. Он запустил руку в волосы и тоже отодвинул от себя тарелку. Кинув на стол пару купюр, Уилсон встал. Затем, даже не замечая меня, историк направился к стойке. Расплатившись за наш ужин, он покинул кафе. Я помахала Беверли, которая послала мне в ответ воздушный поцелуй.

— Увидимся завтра утром, Блу. Передай Уилсону мое почтение.

Уилсон ждал меня снаружи. Спрятав руки в карманы, он смотрел на то, как заходит солнце. Одной из моих самых любимых вещей в пустыне был закат. Небо, распростертое над низкими западными холмами, переливалось розовыми и фиолетовыми оттенками, постепенно темнея. Может быть, все дело было в том, что Лас-Вегас находился ниже, а Боулдер-Сити выше холмов и ничто не могло закрыть этого неба, которое каждый раз напоминало мне о Джимми и тех временах, когда я еще не была жестокой и мне не нужно было становиться взрослой слишком скоро. Когда я подошла, Уилсон не сказал ни слова, лишь двинулся вперед в полной тишине. Из-за своих размеров я передвигалась вразвалку, но Уилсон умерил свой шаг, как делал всегда по пути домой.

— Зачем ты это делаешь? — внезапно спросил он. Я знала, что все это время он боролся с гневом.

— Делаю что?

— Воспринимаешь все негативно. И связываешь все, что я говорю, с собой. Почему?

Я задумалась на минуту, гадая, как объяснить такому человеку, как Уилсон, чувства такой девушки, как я.

— Я лишилась невинности в четырнадцать. Уилсон. Я не особенно хотела этого, но чего только не сделаешь по глупости. Он был старше меня, и мне нравилось его внимание. Ему было девятнадцать, и я была для него легкой добычей. — Я пожала плечами. — С тех пор я занималась сексом множество раз. Некоторые люди скажут, что я шлюха, а из-за своего равнодушного отношения к мнению окружающих я заслужила еще и славу стервы. Так что, назвав себя шалавой, я сильно смягчила. Я не горжусь этим, более того, я хочу измениться, но правда остается правдой, и я не собираюсь отмахиваться от этого.

Уилсон резко остановился и впился в меня взглядом.

— Четырнадцать? Блу, это не секс, это чистой воды изнасилование!

— Да, Уилсон. Со многих точек зрения, так оно и есть.

— Скотина! — прошептал историк с отвращением. — Я просто не могу в это поверить!

Затем он вновь повторил «скотина», на этот раз произнеся оскорбление так громко, что люди на улице стали останавливаться и бросать на него взгляды. Как раз в эту минуту

мимо нас проезжала какая-то женщина. Услышав слова Уилсона через открытое окно автомобиля, дама нахмурилась, очевидно, посчитав, что грубость была сказана в ее адрес.

— Дай угадаю, он вышел сухим из воды, так? — Уилсон смотрел на меня так, словно это я являлась причиной его злости. Я знала, что это не так. Гнев Уилсона был вполне праведным. Я поймала себя на том, что прошу его не расстраивать меня, а также, что впервые могу вспоминать о случившемся без содрогания.

— О чем речь? Конечно, да. Я рассказала обо всем Шерил, она дала мне специальную таблетку, а потом я смирилась со случившимся.

— Агрх! — снова выразил свое негодование Уилсон, пнув лежащий на дороге камень с такой силой, что тот отлетел на несколько метров. Он что-то бормотал себе под нос, в чем-то клялся и, казалось, совсем утратил способность говорить внятно, я же молча шла рядом, выжидая. Несколько домов спустя Уилсон взял меня за руку. Я никогда прежде не держалась с парнем за руку во время совместных прогулок. Ладонь Уилсона была намного больше моей, и это заставляло меня чувствовать себя хрупкой и защищенной. Это было так... возбуждающе. Если бы я не была беременна и не раскаялась бы в своем прошлом, я бы набросилась на него прямо здесь. Я бы обхватила его лицо ладонями и прильнула к нему в страстном поцелуе до тех пор, пока мы не отдались бы страсти прямо тут, на асфальте.

Улыбнувшись про себя этой мысли, я поспешила отогнать ее прочь. Я была более чем уверена, что стоит мне сделать хотя бы шаг в этом направлении, и Уилсон с криками бросится бежать. Это противоречило нашим нынешним отношениям. Более того, это шло вразрез с его чувствами ко мне. К тому же, мой огромный живот не позволил бы нам быть слишком близко друг к другу. Мы гуляли до тех пор, пока солнце окончательно не село и на город не опустилась тьма. Чем ближе мы подходили к Пемберли, тем светлее становилось из-за вспыхивающих на пути фонарей.

— Загадайте желание! — Я потянула Уилсона за руку. — Быстрее! Пока фонари не погасли.

Ночное небо Вегаса всегда имело оранжевый оттенок. Неон и ночная жизнь делали невозможным наблюдение за звездами. Так что я разработала свою систему загадывания желаний. Я загадывала их, глядя на фонари.

Зажмурившись, я вцепилась в руку Уилсона, с радостью заметив, что он сделал то же самое. Я мысленно пробежалась по всем своим стандартным желаниям: слава, богатство, отсутствие необходимости брить ноги, но теперь появились новые. Затем я распахнула глаза, чтобы посмотреть, успела ли я загадать желания до того, как фонари погаснут. Как раз в эту минуту затрещал и замерцал последний из них.

— Ура! — Я легонько толкнула Уилсона бедром. — Эти желания обязательно сбудутся.

— Я не успеваю разгадывать тебя, Блу, — мягко сказал он. — У меня ощущение, что ты бежишь вперед со всех ног, а я волочусь где-то сзади. Как только я думаю, что узнал о тебе все, ты делаешь нечто невообразимое, повергающее меня в шок. Я не знаю, как тебе удалось выжить, Ичхоук. Просто не представляю. То, что ты все еще можешь шутить и загадываешь желания на фонари, просто чудо какое-то. — Он сделал движение рукой, словно хотел коснуться моего лица, но передумал в последнюю секунду. — Помнишь тот день, когда я спросил тебя, отчего ты такая злая?

Я помнила, тогда я повела себя очень глупо. Я кивнула.

— Я думал, что ты выпендриваешься и что с тебя нужно сбить спесь. А затем, я узнал, почему ты так не хочешь писать свою историю и почувствовал себя полным придурком.

Я рассмеялась и слегка стукнула его свободной рукой.

— Это было моей целью. Заставить преподавателя посочувствовать мне. Это помогает в получении хороших отметок.

Уилсон бросил на меня взгляд, и я поняла, что он не купился. Затем историк стал подниматься по ступенькам, отпуская мою руку, чтобы достать ключи.

— Кстати, для справки, Блу, я не считаю, что ты шалава, — четко произнес Уилсон, и я едва не засмеялась — так необычно было слышать подобное слово из его уст. — Не скрою, что на первом уроке ты была на нее похожа. Но ты удивила меня. Ты не такая, какой кажешься.

— Многие люди не те, кем кажутся, Уилсон. К сожалению, в большинстве они скрывают не самые хорошие вещи. Например, боль или страх. Сейчас вы знаете меня достаточно, знаете о моих страхах и боли, и я удивлена, что, несмотря на это, вы все еще рядом. С самого начала вы отнеслись ко мне с добротой. И вы кое в чем ошибаетесь. Такие девушки, как я, замечают таких парней, как вы. Просто нам кажется, что мы их недостойны.

Уилсон выронил ключи. Я внутренне застонала и подумала, что неплохо было бы держать свой огромный рот на замке. Он наклонился, поднял ключи и после нескольких попыток открыл входную дверь. Затем пропустил меня вперед, вошел сам и вновь запер ее. Что поделать, он оставался джентльменом в любой ситуации. Мы остановились у моей квартиры. Казалось, Уилсон пытался подобрать правильные слова, поняв, что в этот раз я не шучу и не пытаюсь казаться забавной. Я молча ждала, чувствуя себя неловко от того, что он узнал мой самый страшный секрет и пытается переварить услышанное.

Наконец Уилсон обрел дар речи. Говоря, он меланхолично изучал что-то над моей головой, словно боялся встретиться со мной взглядом.

— Я хотел бы, чтобы твоя жизнь сложилась по-другому. Но с другой стороны, будь у тебя иная жизнь, ты была бы совсем другой Блу. — Затем он все-таки посмотрел на меня. — И это была бы огромная потеря. — Чуть улыбнувшись, он коснулся поцелуем моей руки — мистер Дарси до мозга костей, — а затем развернулся и стал подниматься вверх по лестнице.

Ночью я сидела в полной темноте, ожидая, когда он начнет играть. Но на этот раз мне, видимо, не суждено было насладиться музыкой. Я предположила, что это могло быть связано с Памелой, красивой блондинкой с жемчужной кожей и идеальной улыбкой. Если она была у него, то я была даже рада, что через вентиляцию до меня не доносятся их стоны и прочие знаки любви. От раздумий меня отвлекли толчки, я подняла ночнушку и уставилась на живот. Он был таким чужим и таким холодным. Я заметила, как по нему прокатываются «волны» от движений малыша.

— Сегодня музыки не будет, милый. Уилсон нас оставил. Я могла бы спеть тебе, но, поверь, это намного хуже музыки.

Ребенок снова зашевелился, и я заерзала, стараясь занять более удобную позу и избавиться от дискомфорта. К сожалению, удалось мне это ненадолго. Подобные моменты были очень мимолетны. Возможно, завтра я рожу и снова стану обычной Блу.

Я устала, и мои глаза начали закрываться. Между сном и бодрствованием возникло воспоминание, которое я могла проматывать в своем сознании, точно киноленту.

— Джимми, может, нам найти новую маму? — Я взобралась на дерево с низкими ветками, тем самым возвышаясь над Джимми. Его руки скользили по ветви можжевельника, сбивая с нее кору.

— Зачем? — спросил он несколько секунд спустя.

— А разве ты не хочешь, чтобы у нас была мама? — удивилась я, наслаждаясь видом сверху. Отсюда мне хорошо была видна сидящая голова Джимми. Прицелившись, я кинула в него шишкой, которая тут же отскочила от него, не нанеся вреда. Сам Джимми, казалось, ничего не заметил.

— У меня уже была мама, — проворчал он.

— Но у меня ее не было. А я хочу, чтобы была. — Две другие шишки устремились к цели.

— Чем тебе не подходит Икас? — Джимми нахлобучил кепку, тем самым ограждая себя от моих атак.

— Икас воняет и еще у него слюнявые поцелуи. А у мамы нет собачьего дыхания. — Теперь я висела на ветке, зацепившись за нее коленом и рукой. Потянувшись, я сорвала с Джимми кепку.

— Может быть, Беф могла стать нашей новой мамой? Она нравится тебе, а ты ей, а еще она делает классные сэндвичи с сыром. — Нацепив кепку на собственную голову, я прыгнула вниз, не обращая внимания на грязь, шишки и иголки.

— Меня и так все устраивает, Блу.

— Да, я знаю. — Вооружившись зубилами и молотком, я стала отдирать кору с мескита, подражая уверенным движениям отца.

— Может, мы тогда усыновим кого-нибудь? — предложила я.

Зубила слишком глубоко засели в дереве, и Джимми выругался, пробормотав что-то о замерзшем аде.

— Мне кажется, я была бы хорошей мамой, — серьезно заявила я. — Я могла бы делить с малышкой кровать. А еще я могла бы учить ее ползать. И ходить. Хотя нам бы пришлось менять ей подгузники. Или мы могли бы научить ее ходить в туалет на улице, как Икас.

— Хм-м-м, — вздохнул Джимми, отодвигая меня в сторону.

— Я могла бы быть мамой, а ты дедушкой. Ты бы хотел стать дедушкой, Джимми?

Джимми перестал сдирать кору, и его руки безвольно повисли вдоль тела. Он серьезно посмотрел на меня, и я с удивлением обнаружила, что у него появились морщины вокруг рта, которых я раньше никогда не замечала. Он уже выглядел как дедушка.

Из вентиляции слышались звуки музыки, и я тут же встрепенулась, а сон (или воспоминание) испарился в воздухе, точно нестойкие духи. Где-то жили мои бабушка и дедушка. Ведь у моей мамы должна была быть семья. А если и нет, то оставалась еще семья моего отца. Знали ли они обо мне? Искали ли?

Я лежала в тишине, слушая, как Уилсон исполняет песни, названия которых я теперь знала. Я могла определить каждую из них по первым нотам. Выходит, завтра я могу встретить своего деда или даже отца, и не узнать их? Малыш вновь подал признаки жизни. Однажды и мой ребенок захочет узнать об этом, и неважно, насколько сильно ее или его будут любить в приемной семье. Он или она захочет узнать правду. А значит, и я должна это сделать.

Глава 19

Шифер

В полицейском участке пахнет именно так, как и должно. Официально. В нем можно учуять запахи кофе, одеколона, электроаппаратуры, а также слабый запах моющего средства. А вот пончиками там не пахнет и в помине. Лично я думаю, что это не более, чем стереотип. Или ярлык.

Я подошла к стойке регистрации, за которой сидела очень полная женщина с усиками над верхней губой и булочкой в руке.

— Чем могу помочь? — Ее голос совершенно не соответствовал ее внешнему виду. Он был мягким и добрым, напоминающим голос Бетти Уайт. Я сразу же почувствовала себя увереннее.

— Я не знаю, сможете ли вы помочь мне, но, возможно, вы скажете, куда обратиться. Есть ли в вашем участке полицейский по фамилии Бауэлс? Думаю, он вспомнит меня, когда увидит. Он вел дело о розыске человека почти десять лет назад.

— У нас работает детектив Бауэлс. Хотите, я проверю, на месте ли он?

Фамилия Бауэлс была довольно распространенной, и я знала, что мои шансы найти с первого раза нужного очень малы. Тем не менее я кивнула. Нужно было с чего-то начать.

— Могу ли я узнать ваше имя?

— Блу Ичхоук. Проверить, тот это офицер или нет, просто. Если он узнает мое имя, значит тот.

Женщина с голосом Бетти Уайт взяла трубку, очевидно, чтобы узнать, где детектив Бауэлс. Я осмотрелась по сторонам. Это здание выглядело намного старше того, в которое меня привезли в 2001 году. Тот участок находился в окрестностях Вегаса и был совсем новым. В нем стоял запах краски и опилок, который при этом совершенно не раздражал. А уж для меня запах опилок и вовсе был сравним с ароматом свежего шоколадного печенья.

— Блу Ичхоук? — Я тут же обернулась и увидела перед собой мускулистого мужчину средних лет. Я моментально узнала его и с трудом поборола желание развернуться и убежать, настолько сильно колотилось мое сердце. Не навлеку ли я беду тем, что не пришла со своей просьбой раньше? Не пострадает ли от этого Шерил? На лице детектива засияла улыбка, и выглядело это так же странно, как и дружеское приветствие.

— Будь я проклят! Когда в прошлом январе произошла вся эта кутерьма с пистолетом, я хотел подойти к тебе и сказать, как сильно я тобой горжусь, но не стал, потому что ты и так была достаточно окружена вниманием.

— А я видела вас в тот день. Вот почему я здесь. Я поняла, что вы, скорее всего, сейчас работаете в Боулдере и что вы сможете мне помочь, хоть это и кажется странным. Но у меня нет неприятностей, — поспешно добавила я, а детектив вновь улыбнулся. Похоже, он был действительно рад меня видеть.

— Я знаю, что в мире едва ли существует другая Блу Ичхоук, но, честно говоря, я представлял тебя такой же, как и десять лет назад. — Он с удивлением посмотрел на мой живот. — А ты, оказывается, скоро станешь мамой, вот это да.

Я довольно неуклюже постаралась прикрыть живот рукой. Затем кивнула и проследовала в том направлении, которое он указал.

— Кэнди, — обратился детектив Бауэлс к даме за стойкой регистрации, — комната D свободна?

Кэнди? Боже, бедняжка. Ей бы подошло что-то более суровое, соответствующее ее внешности.

Кэнди улыбнулась и кивнула, так как в этот момент все еще говорила по телефону.

— Прямо, — сказал Бауэлс. — Могу я называть тебя просто Блу?

— Конечно. А как я могу к вам обращаться?

— Детектив... а еще можешь обращаться Энди.

Он провел меня в небольшое помещение и предложил стул. Я спросила себя, используют ли они эту комнату для допроса убийц и гангстеров. Странно, но в центре планирования беременности я нервничала сильнее, чем здесь.

— Итак, рассказывай. Что привело тебя ко мне через столько лет? — детектив скрестил на груди накаченные руки и откинулся на спинку сидения.

— Тело моего отца нашли спустя три года после его исчезновения. Не знаю, известно ли вам об этом. Мне об этом сообщил работник социальной службы, и я не знаю, имеет ли полиция к этому какое-то отношение. Полагаю, был составлен рапорт и дело закрыли? — Я не была уверена, что использую правильную терминологию. Как и многие другие люди, я в свое время посмотрела несколько сериалов о копах. Поэтому сейчас, когда я пыталась делать вид, что знаю, о чем говорю, я испытывала неловкость.

— Я не знал об этом. Соболезную твоей утрате. — Бауэлс склонил голову в знак сожаления.

— Моя... тетя. — Мой голос сорвался. Она не была мне тетей, и я должна была говорить предельно просто и откровенно. — Женщина, которая приютила меня, однажды

рассказала мне кое-что, но взяла с меня слово, что полиция ни о чем не узнает. — Я переставала видеть в своих словах смысл.

Детектив молчал, ожидая, когда я продолжу.

— Я не хочу, чтобы у нее были неприятности. Она должна была сама обо всем рассказать, но не сделала этого по своим причинам.

— Тебе нужен адвокат? — мягко поинтересовался Бауэлс.

Я в замешательстве посмотрела на него.

— Нет, думаю, нет. Я не совершала преступления. Я была ребенком. И само собой, не могла в этом возрасте пойти в полицию. И это не касается ни Шерил Шиверс, ни кого бы то ни было, кроме меня. Я хочу узнать информацию о своей матери.

— Насколько я помню, никто не мог ничего сказать о твоей матери.

Я кивнула.

— После того, как нашли тело Джимми Ичхоука, Шерил сказала мне, что он не был моим отцом.

Детектив Бауэлс слегка выпрямился. Мне определенно удалось заинтересовать его.

— Откуда она об этом узнала?

— Она сказала, что Джимми остановился на ночлег на стоянке грузовиков в Рено. Он зашел перекусить в местный ресторан, и пока он ел, напротив него в будке сидела маленькая девочка. Очевидно, до этого она спала, поэтому он ее не видел. Он угостил ее картошкой фри. Она не расплакалась и, очевидно, была очень голодна, потому что ела все, что он предлагал ей. Джимми не отходил от девочки, надеясь, что кто-то придет забрать ее. — Я взглянула на детектива, чьи глаза расширились, так как он уже понял о ком речь.

— Вам бы он понравился. Он был совершенно другим. Джимми не жил так, как жили другие, и был ответственным по-своему. Он был добрым, но вместе с тем очень замкнутым и... скромным. Я так и вижу, как он оглядывается по сторонам, думая, что делать с этим ребенком, но при этом не произносит ни слова. Клянусь вам, он не стал бы обращаться в скорую, даже если бы ему проломили голову топором.

Энди Муди кивнул, слушая меня.

Я остановилась, стараясь собраться с мыслями, однако воспоминания были довольно туманными. Я даже не могла точно сказать, были ли это настоящие воспоминания, или же я просто проигрывала их в своей голове столько раз, что они стали казаться таковыми.

— В конце концов появилась женщина. Джимми подумал, что девочка могла потеряться и самостоятельно забраться в будку. Однако по поведению женщины он понял, что она осознанно оставила девочку в будке, а сама отправилась играть в автоматы.

Не веря своим ушам, детектив покачал головой.

— Этой девочкой была ты.

— Да, — коротко ответила я. Затем я рассказала ему о том, что узнала от Шерил, будто бы Джимми считал, что моя мать следовала за ним всю ночь, а затем подкинула меня в его грузовик. Я также рассказала о том, как он нашел меня на следующее утро, о том, что он тут же меня узнал и не представлял, что делать.

— Спустя несколько дней на стоянке появились листовки с изображением этой женщины и просьбой сообщить информацию о ребенке. Хозяин стоянки, который приходился Джимми приятелем, и иногда покупал его поделки, рассказал ему о том, что женщина была найдена мертвой в местном отеле. Копы искали убийцу около стоянки, потому что на жертве была надета футболка с логотипом компании. Узнав о происшествии, Джимми забрал меня и уехал.

Детектив Бауэлс принялся энергично записывать мои слова то переводя взгляд на меня, то снова возвращаясь к записям.

— В итоге получается, что моя мать бросила меня на стоянке в Рено. А через несколько дней ее убили. Надеюсь, что этих данных будет достаточно для того, чтобы вы помогли мне узнать, кем она была.

Детектив в упор уставился на меня и зашевелил челюстью. Ему не очень-то удавалось сохранять беспристрастное выражение лица.

— Ты знаешь хотя бы примерно, когда это могло произойти?

— В августе. Я всегда думала, что мой день рождения 2 августа. Но откуда Джимми мог знать дату моего рождения? Скорее всего, меня подкинули ему именно в этот день. Конечно, я не могу утверждать наверняка, но мне кажется, что это так. Шерил говорила, что мне было около двух, когда все произошло. То есть это мог быть 1992 или 1993 год. Надеюсь, это поможет?

— Да, этого достаточно. Значит, август 1992-1993 года. Номер в отеле. Потерянный ребенок. Футболка с логотипом стоянки. Может быть, ты знаешь еще что-то? Все, что угодно.

— Она была молода... может быть, даже моложе, чем я сейчас. — В последние месяцы эта мысль неустанно вертелась в моей голове. — Также она была коренной американкой, как Джимми. Возможно, именно поэтому она и оставила меня ему. — Может быть, я занималась самообманом. Однако это была единственная соломинка, за которую я могла ухватиться.

— Мне нужно сделать пару звонков. Полагаю, дело не закрыто, так как они тебя так и не нашли. Мы обратимся в полицейский участок в Рено, постараемся что-то найти. Придется потрудиться, но мы узнаем, кем была твоя мама, Блу.

— И кем была я тоже.

Детектив Бауэлс взглянул на меня и медленно кивнул так, словно услышанное обескуражило его.

— Конечно, бедная девочка. И это мы выясним тоже.

— Я еду в Рено.

— В Рено?

— В Рено, штат Невада.

Уилсон был британцем и мог не знать, что такое Рено.

— Это не совсем Невада, но тоже к северу отсюда. Туда около восьми часов езды. Я могла бы полететь, однако это слишком далеко и может быть опасно. Я даже не уверена, пустят ли меня в самолет.

— А почему Рено?

— Я была в полиции в этот понедельник.

Глаза Уилсона округлились, он был очень удивлен.

— Я рассказала им все, что знала... о своей матери, о себе и о Джимми. — Я чувствовала, что вот-вот расплачусь. В понедельник, беседуя с детективом Бауэлсом, я такого не испытывала. Но он позвонил мне этим утром и был очень взволнован. И я почувствовала, что жизнь, которую я пыталась вспомнить, вот-вот будет разгадана.

— Детектив, с которым я говорила... сказал, что в августе 1993 года в отеле Рено была найдена женщина. Есть предположение, что у нее был ребенок, которого так и не нашли. Эти данные совпадают с тем, что рассказывала мне Шерил. Они хотят, чтобы я приехала в Рено и сделала тест на ДНК, который покажет, тот ли я ребенок.

— И они скажут тебе это? — волнение в голосе Уилсона перекликалось с моим собственным.

— Не сразу. Видимо, когда они поняли, что ребенок пропал без вести, они сделали тест ДНК, и он находится где-то в базе данных.

— И как скоро это выяснится?

— Через несколько месяцев. Это же не телесериал. Вообще детектив Бауэлс говорил, что раньше результаты теста ждали целый год, однако это дело приоритетное, поэтому срок сокращается.

Уилсон фыркнул.

- Значит, чем быстрее ты сдашь анализ, тем быстрее получишь результат, так?
- Да. — Меня замутило.
- Я поеду с тобой.
- Правда? — Я была удивлена и тронута.
- Тебя нельзя ехать одной. Особенно на таком сроке.
- У меня есть еще две недели.

Уилсон пропустил мой ответ мимо ушей и пошел звонить в школу, чтобы найти себе замену на четверг и пятницу, а также в отель, чтобы забронировать для нас номер.

— Ты расскажешь об этом Тиффе? — отвлекся он, замерев с телефоном в руке и глядя на меня. — Думаю, ей следует об этом знать.

Я позвонила Тиффе выяснилось, что она не хочет знать об этом. Она хочет поехать с нами. Также она не хотела, чтобы я ехала туда сама, но в этот момент Уилсон взял у меня телефон.

— Она должна поехать, Тифф. Должна. — Поэтому Тиффа решила, что самым лучшим будет поехать с нами. Джек все равно должен был прибыть на выходные в Рено на медицинскую конференцию, поэтому было решено, что туда Тиффа поедет на пару дней раньше, чтобы сопровождать меня, а обратно уедет с ним. «Статус большой мамочки явно не дает ей покоя», — ворчливо отметила про себя я. Я была независимой так долго, что теперь казалось странным согласовывать с кем-то свои перемещения. Но в глубине души я была рада, что она заботится обо мне с таким рвением.

— Дорожное путешествие! — взвизгнула она, появившись на пороге моей квартиры двумя часами позже с чемоданом в руке, солнечными очками на носу и в широкополой пляжной шляпе на голове. Она была одета так, словно планировала совершить прогулку на яхте. Я ухмыльнулась и позволила ей стиснуть себя в объятиях, погладить по животу и поцеловать в щеку. Я всегда думала, что англичане не так импульсивны и энергичны, как американцы. Однако в случае Тиффы все стереотипы летели в тартарары.

— Мы возьмем мерседес! Мои длинные ноги просто не поместятся на заднем сидении твоего субару, Дарси!

— Ладно. Только вести буду я, а ты будешь спокойно сидеть сзади, — согласился Уилсон.

— Да пожалуйста! Я буду отдыхать или почитаю, или прикорну.

Но она не прочла ни слова. Не отдохнула. И не прикорнула, что, как я поняла, означало «немного поспать». Вместо этого Тиффа болтала, смеялась и дурачилась. А я узнала несколько вещей о Уилсоне.

— Дарси когда-нибудь говорил тебе, что хотел отправиться по следам святого Патрика?

— Тиффа, прошу тебя, усни уже наконец, — простонал Уилсон голосом похожим на голос одного из своих студентов.

— Элис только-только исполнилось восемнадцать. Она окончила школу и хотела устроить себе незабываемый отдых. Я тогда уже не жила дома. Мне было 22, и я работала в небольшой лондонской галерее, но каждый год мы всей семьей неизменно отправлялись в отпуск. Мы выбирались куда-нибудь на пару недель, обычно это были теплые страны, где папа мог немного отдохнуть. Мы с Элис хотели поехать на юг Франции, а папа был не против присоединиться к нам. Но маленький Дарси был другого мнения. Он хотел поехать в Ирландию — холодную, дождливую и ветреную, в общем, такую же, как Манчестер в это время года. А все почему? Потому что не по годам умный мальчик только что прочитал книгу о святом Патрике. Мама, конечно же, сочла идею блестящей, и все мы в итоге вынуждены были взбираться на чертову гору в резиновых сапогах и брошюрами в руках.

Я хихикнула и бросила взгляд на беднягу Уилсона.

— Святой Патрик был классным, — пожал плечами он, ухмыльнувшись.

— Ну вот! Начинается! — скорбно простонала Тиффа.

— В четырнадцать лет он был похищен из дома, связан и увезен на корабле в Ирландию, где пробыл в рабстве до двадцати одного года. Затем ему удалось бежать, сесть на корабль, даже несмотря на то, что у него не было ничего, кроме одежды, и вернуться в Англию, что само по себе настоящее чудо. Его семья была вне себя от счастья, когда это произошло. Семья Патрика была довольно обеспеченной и образованной, поэтому он мог бы жить в достатке. Однако Ирландия никак не выходила у него из головы. Она часто снилась ему. И в этих снах Господь обращался к Патрику, прося вернуться в Ирландию для служения людям... в итоге так он и поступил. — Уилсон в восхищении покачал головой, словно история все еще вела его.

А я-то думала, что святой Патрик — это ирландский лепреккон. Я никогда не думала о нем как о реальном человеке. Или о реальном святом. Для меня это был просто праздник.

— И сколько вам было лет, когда вы открыли для себя святого Патрика? — поддразнила его я.

— Двенадцать! Ему было всего двенадцать, черт его дери! — сообщила Тиффа с заднего сидения, вызвав взрыв смеха. — Когда Дарси родился, то был одет в маленький галстук-бабочку и подтяжки.

— Подтяжки? — фыркнула я.

— Подтяжки, — сухо подтвердил Уилсон.

— Он всегда был настоящим ботаником, — усмехнулась Тиффа. — Именно поэтому, дорогая Блу, сейчас он такой умный. И замечательный.

— Даже не думай теперь ко мне подлизываться, Тифф, — улыбнулся Уилсон, ловя взгляд сестры в зеркале заднего вида.

— Ладно. Не буду. А ты знаешь о том, что он хотел стать врачом, Блу?

— Тиффа! — простонал Уилсон.

— Да, знаю. — Я похлопала историка по плечу.

— При этом это бы не составило для него труда. Он во всем был молодцом. Папа видел, как он умен, и решил, что Дарси просто обязан стать «служителем медицины», как его отец, как отец его отца. Однако Дарси был прилежен во всем, что касалось науки, правда, милый?

Уилсон только вздохнул и покачал головой.

— Дарси все время ходил, уткнувшись носом в книгу. Он знал кучу слов и всегда вставлял их к месту, во всяком случае, мне так кажется. Он любил историю, литературу, поэзию.

— Вы слышали, как он цитирует Данте? — перебила я.

Уилсон впился в меня взглядом.

— Какой же любимой поэмой вы с нами поделились... о гарпиях, по-моему? — спросила я.

Уилсон порылся в памяти и воспроизвел несколько строк.

Тиффа простонала:

— Это ужасно!

— Я тоже так подумала, — засмеялась я. — Но я все равно не смогла этого забыть. В результате была создана скульптура «Женщина-птица».

— Так вот, что послужило для тебя вдохновением? — спросил Уилсон с нотками удивления в голосе.

— Ваши уроки довольно часто служили вдохновением для создания моих работ.

— И как много скульптур ты создала благодаря им?

— Считая Арку? — Я посчитала в уме. — Десять. Пару из них Тиффа купила первый раз в кафе.

Тиффа с Уилсоном, казалось, были поражены, а в машине впервые за все время воцарилась тишина. Я почувствовала себя неловко, не зная, что обозначает это молчание.

— Блу, — первым дар речи вернулся к Тиффе. — Блу, я должна увидеть их все. Мы должны организовать огромную выставку со всеми твоими скульптурами. Это будет замечательно!

Мои щеки запылали, и я уставилась на свои руки, не желая, чтобы кто-то видел мою радость.

— Некоторые из них уже купили, но вы можете увидеть остальные.

— Теперь Дарси может умереть спокойно, — добавила Тиффа спустя мгновение. — Его преподавательская деятельность послужила искусству. — Она подалась вперед, перегнулась через сидение и шумно чмокнула Уилсона в щеку.

— Это точно. Тиффа абсолютно права. Это, должно быть, самый лучший комплимент, который я когда-либо получал. — Уилсон улыбнулся мне. По телу разлилось тепло, и ребенок тут же отозвался толчком.

— Я видела! Малыш толкнулся! — Тиффа все еще обнимала переднее сидение, поэтому дотянулась до моего живота и погладила его с выражением невероятного восторга на лице. Ребенок покрутился и потолкался еще чуть-чуть, чем вызывал у Тиффы бурную реакцию.

Остаток пути мы болтали, слушали музыку — я познакомила их с Вилли Нельсоном, — периодически сменяли друг друга за рулем и дремали. Я никак не могла представить себе маленького Дарси Уилсона, взбирающегося по ирландским холмам в поисках святого, который жил сотни лет назад. Намного легче было вообразить, как маленький мальчик на два года едет в Африку или готовится стать врачом. Но только не подростка, замороженного историей святого. Только не такой грешнице, как я.

Глава 20

Буря

Процедура оказалась на удивление простой. Я встретила с детективом Муди, который вел это дело более восемнадцати лет назад. Он был лысым. Уж не знаю, полагалось так по уставу или это был его выбор. Ему было немного за сорок, однако выглядел он крайне утомленным, словно за его плечами лежала долгая жизнь. Легкие брюки и футболка стройнили его, а на поясе он носил кобуру, с которой, похоже, сроднился.

— Я не могу предоставить тебе детали по данному делу. Пока не могу. Ты должна понимать, что до того момента, пока не выяснится, приходилась ли ты покойной дочерью, у тебя нет права на информацию. Ты не можешь узнать ни ее имени, ни имени ребенка, ни подробностей смерти... словом, ничего. Понимаешь? — детектив Муди говорил извиняющимся тоном, но оставался тверд. — Но если тест ДНК подтвердит ваше родство, то мы расскажем тебе все, что знаем. И, позволь заметить, я надеюсь, что ты, черт возьми, окажешься той самой маленькой девочкой. Это дело висит на мне уже много лет, и я был бы счастлив покончить с ним раз и навсегда. — Детектив Муди улыбнулся мне, его карие глаза смотрели на меня ясно и искренне.

Меня проводили в лабораторию, где вручили длинную ватную палочку и попросили поводить ей по внутренней стороне щеки. И все. Восемь часов пути ради одного мазка. Детектив Муди сказал, что постарается ускорить процесс и получить результаты через три-четыре месяца.

— Все зависит от важности. Хотя это дело приоритетное. Поэтому оно должно развиваться быстрее. Нам было бы очень интересно узнать решение. И мы желаем того же и тебе.

Решение. Искушение. Моя жизнь водила хоровод вокруг двух этих тем. А теперь мы можем добавить сюда Рено. Еще одним пунктом больше.

Мы остались в Рено на ночь: Тиффа и я в одном номере, а Уилсон в другом. Когда мы покинули полицейский участок, Тиффа приобняла меня и держалась поблизости во время ужина, периодически поглаживая то мою спину, то руку, словно на этот раз у нее не

было слов. Да и ни у кого из нас не было. Ситуация была заковыристей, чем в книжке, ведь ее развитие влияло не только на меня, но и на моего ребенка, а также на женщину, которая хотела стать его матерью. Страх не мучал меня до того момента, пока мы не улеглись в постель, после долгого дня.

— Тиффа? — мягко позвала я.

— Хм-м? — голос был сонным, словно я выхватила ее из объятий Морфея.

— Что если она была монстром... ужасным человеком?

— Что? — На этот раз Тиффа ответила более живо, словно почувствовала, в каком смятении я нахожусь.

— Может ли это как-то отразиться на ребенке? Заложено ли это в генах?

— Дорогая. Прости, но я не понимаю, о чем ты. — Тиффа поднялась и потянулась к лампе.

— Нет! Пожалуйста, не включайте свет. Мне проще говорить в темноте, — взмолилась я.

Тиффа опустила руку, однако перевела на меня взгляд. Я могла чувствовать, как она смотрит на меня сквозь мрак. Я посмотрела на стену, так как размер моего живота не позволял много двигаться.

— Вы собираетесь усыновить этого ребенка. Вы говорили, что вам неважно, будет ли это девочка или мальчик. А также какого цвета будет его кожа. И я верю вам. Но что, если малыш будет слабым, эгоистичным или злым?

— Ты не обладаешь ни одной из этих черт.

На мгновение я задумалась.

— Не совсем так. Иногда я бываю слабой. Иногда эгоистичной. И хотя я не считаю себя злой, однако и доброй меня назвать нельзя.

— Ты намного сильнее меня. И намного самоотверженнее. И я не думаю, что эти качества могут сочетаться со злостью, — мягко произнесла Тиффа. — Не думаю, что это так.

— Но ведь моя мать... поступила плохо.

— Оставив тебя незнакомцу?

— Да. И ее кровь течет по венам этого ребенка. Готовы ли вы рискнуть?

— Готова. Но я не думаю, что это и впрямь большой риск, дорогая. Ты знала о том, что Джек диабетик? Однако тот факт, что мой ребенок мог унаследовать это заболевание, никогда меня не останавливал. А у меня в свое время были проблемы с зубами: они неправильно росли. К счастью, скобы сделали из меня красавицу. — В голосе Тиффы послышались смешливые нотки. — Так что, сложились обстоятельства по-другому, и мой ребенок мог унаследовать ужасные зубы.

— Эти вещи нельзя сравнивать, — возразила я, желая, чтобы она поняла, о чем я говорю. Тиффа плюхнулась на кровать позади меня и стала гладить мои волосы. Она была бы прекрасной матерью. Мне очень хотелось прижаться к ней и позволить успокоить себя. Но я, конечно, не стала этого делать. Я лежала неподвижно, стараясь не растворяться в ласковых руках. Тиффа гладила меня по волосам и говорила:

— Мы не знаем о том, какая жизнь была у твоей матери. Мы не знаем, чем она руководствовалась. Но посмотри на себя. Ты чудесная! И этого для меня вполне достаточно, Блу. Что если бы моя мама в свое время решила не усыновлять Дарси? Она никогда не видела его биологических родителей. И не знала о них ничего, кроме имен. Но она все равно любила его, возможно, даже сильнее всех, несмотря на все вышесказанное. А ведь его отец мог быть серийным убийцей.

— Уилсона усыновили? — Я была так шокирована, что мои слова были больше похожи на вопль. Забота Тиффы тронула мое сердце. Она легла позади меня и вновь стала поглаживать мои волосы.

— Да. Разве он не говорил тебе об этом? Мама с папой пытались забеременеть долгие годы. Дарси усыновили, когда ему был всего лишь день отроду. Процессу усыновления поспособствовала наша церковь.

— Нет... он ничего мне не говорил. — Мой голос дрогнул, и я прочистила горло, чтобы скрыть волнение.

— Когда Дарси исполнилось восемнадцать, он разыскал своих родителей. Его мать была твоего возраста, когда забеременела. Сейчас она замужем и у нее несколько детей. Она была счастлива повидаться с ним и узнать, что у него все хорошо. Его отец служил полицейским в Белфасте. Они с Уилсоном сразу поладили. Думаю, Уилсон общается с ними и сейчас. Дженни Вудроу и Берт Вэтти, кажется, так их зовут. Правда, я не помню девичью фамилию Дженни.

Я лежала в темноте и мысли в моей голове вертелись подобно вихрю. Надо мной точно сгрудились тучи. Я чувствовала себя обманутой. Уилсона усыновили. Усыновили! И он ни разу не обмолвился об этом. Ни мудрого наставления, ни одобрения, ничего, когда мы с Тиффой рассказали о своем решении. Ни фразы «усыновление — это замечательно, взгляни хотя бы на меня». Он просто промолчал.

Тиффа, судя по всему, не уловила «перемену погоды». Она больше ничего не сказала, и вскоре до меня донеслось ее мирное дыхание, свидетельствующее о том, что она уснула, лежа за мной. Мои бедра болели. Поясницу тянуло, лодыжки распухли, мне было крайне неудобно, а сама я была слишком беременна и слишком зла для того, чтобы спать.

Искупление, решение, откровение. Рено же таило в себе множество тайн. Я была готова отправиться домой.

Джек прилетел на медицинскую конференцию в Рено в пятницу утром, и Тиффа осталась с ним, оставив нам с Уилсоном мерседес. Они собирались вернуться домой в воскресенье вечером, что означало, что мы с Уилсоном будем находиться в эпицентре «бури» на протяжении восьми часов. Обвинения роились в моей голове, словно разъярённые пчелы, грозя вырваться на волю и зажалить Уилсона до смерти. Я сидела, погрузившись в угрюмое молчание, даже не смотря на историка и лишь изредка коротко отвечая на его вопросы. Уилсон был смущен и старался выяснить, что со мной не так, до тех пор, пока я не послала его куда подальше и он не остановил машину возле туалетов на шоссе. Сделав это, он повернулся ко мне и всплеснул руками.

— Что с тобой происходит, Блу? Я тебя обидел? Или тебе плохо? Что случилось, черт подери?

— Вас усыновили! — прокричала я и одновременно с этим из моих глаз брызнули слезы, да такие, которые обычно текут как из шланга и забивают нос. Я потянулась к бардачку, но чертов Уилсон тут же выхватил платок и стал вытирать мои щеки и успокаивать.

— У Тиффы слишком длинный язык.

— Она не знала, что вы умолчали об этом! Почему вы ничего не сказали, Уилсон?

— А разве это бы помогло тебе? — Уилсон вытер мне глаза, его взгляд был таким пронизывающим, а на лбу собрались морщинки.

В ярости я оттолкнула от себя его руки, открыла дверцу и вывалила свое неуклюжее тело из кабины, испытывая такую злость, какой не чувствовала никогда прежде.

Моя спина горела, шея ныла от боли, а сердце стучало так, словно волочилось вслед за автомобилем. Я устремила к туалету, нуждаясь в пространстве и желая справить нужду. Я была на девятом месяце, как-никак.

Воспользовавшись туалетом, я принялась мыть руки. Взяв прохладное влажное полотенце, я вытерла тушь со щек. Выглядела я жалко. Опух даже нос. Я взглянула на

лодыжки и едва вновь не заплакала. Я ведь была такой красивой и такой стройной. А еще я могла доверять Уилсону. Из глаз снова хлынули слезы, и я тут же промокнула глаза полотенцем, стирая их.

— Вы в порядке, дорогая? — послышался негромкий голос справа от меня. На меня смотрела низенькая старушка, ростом едва доходившая мне до плеча. Ее губы были поджаты. Вокруг рта собрались морщины, похожие на лапки сороконожки. Ее седые вьющиеся волосы были убраны под косынку, очевидно, чтобы защитить прическу от бушующего снаружи ветра. Похоже, я принесла бурю с собой.

— Ваш муж попросил меня проверить вас. Он очень переживает.

Я не стала поправлять ее. Мне полагалось иметь мужа, поскольку я вот-вот должна была родить, и мне совершенно не хотелось объяснять, кем приходится мне Уилсон. Я последовала за женщиной и увидела Уилсона, говорящего о чем-то с таким же низким старичком. Когда они заметили меня, пожилой мужчина похлопал историка по плечу и понимающе кивнул. Затем он подставил руку старушке, и они, пошатываясь, двинулись к машине, сопротивляясь порывам ветра.

— Прости меня, Блу. — Уилсону пришлось повысить голос.

— Почему ты ничего не сказал мне? Почему? Я пролежала всю ночь без сна, думая об этом. И не смогла придумать тебе ни одного оправдания. — Волосы лезли мне в рот и разлетались в разные стороны, точно змеи на голове Медузы Горгоны, но я не собиралась возвращаться в машину... до тех пор, пока не получу ответа.

— Я не хотел влиять на твое решение, — прокричал Уилсон. — У меня была чудесная жизнь. И прекрасные родители, которые никогда не скрывали от меня правды. Я рос, с детства зная, что меня усыновили. Но меня все равно беспокоило это. Я часто представлял себе женщину, которая от меня отказалась, и мужчину, который отказался от нас с ней.

Каждое его слово казалось мне ударом, который он наносил по моему животу, поэтому я закрыла его руками, защищая живое существо внутри себя. Уилсон вздрогнул, но продолжил говорить, перекивая ветер.

— Я не хотел, чтобы мои чувства заставили тебя сомневаться, пойми!

— Ты думаешь, я не хочу этого ребенка? Ты думаешь, что я отдаю его, потому что не хочу?

Его глаза встретились с моими и на красивом лице разом отразился миллиард эмоций. Слова, которые он произносил, явно давались ему с трудом.

— Когда ты сказала мне, что решила не оставлять ребенка, я подумал, что ты совершаешь ошибку. Как, ради всего святого, я мог сказать тебе такое? Моя сестра была на седьмом небе от счастья. А ты казалась довольной своим решением.

Ветер взвыл, а небо потемнело. Уилсон сделал шаг мне навстречу, но я отступила, позволяя ветру подтолкнуть себя. Сейчас это было необходимо.

— Моя мать не отдала меня на удочерение, Уилсон. Но она должна была! Должна!

Уилсон расставил ноги шире, сопротивляясь порывам ветра и спрятав руки в карманах.

— Она не настолько любила меня, чтобы сделать это. Я не хочу рушить жизнь своего ребенка, только потому что мне нужно кого-то любить.

Прогредел гром и сверкнула молния, Уилсон снова приблизился ко мне. На этот раз он оказался проворнее, ему удалось схватить меня и затолкать в машину. Мы успели захлопнуть двери в тот самый момент, когда снаружи хлынул дождь, мгновенно заключивший нас в свой жуткий серый кокон.

Мерседес ожил и снизу пошло тепло, согревающее наши сидения. Однако Уилсон не поехал дальше. Оставалось еще слишком много несказанных слов.

— Я не хотел скрывать это, — произнес он, умоляюще глядя на меня своими серыми глазами. Я отвернулась, не желая слушать. Но он настойчиво развернул меня к себе за подбородок, принуждая выслушать его.

— Я не сказал об этом, когда должен был, потому что эти слова никогда не будут уместными или своевременными. А потом становится слишком поздно. И честно говоря, тот факт, что меня усыновили не имеет значения, Блу.

— Не имеет значения? Как ты можешь говорить такое? — закричала я, стараясь высвободить подбородок из его захвата. Это так же, как если бы мнение Уилсона не имело для меня значения. Но он стал самым важным человеком в моей жизни. Я запустила пальцы в волосы.

— Я безуспешно стараюсь прояснить ситуацию. Мне на днях рожать, а ты думаешь, что твое усыновление не имеет значения? Твое мнение могло изменить очень многое.

— Верно. Но вместо этого ты сделала свои выводы, приняла свое решение и все произошло так, как должно было.

— Но ты сказал, что я совершаю ошибку, — прошептала я, стараясь снова не заплакать. Я старалась снова разозлиться, однако ярость осталась где-то между дорожным туалетом и машиной, и я никак не могла возродить ее.

Уилсон взял мои руки в свои и повернулся ко мне настолько, насколько позволял руль.

— Блу, этот опыт имеет для меня значение.

Я старалась не думать об «искуплении, решении и откровении», пока он говорил.

— Я точно так же, как и другие, хотел знать, кто я. Мои родители понимали это, поэтому от меня никогда ничего не утаивали. Я знал все, кроме одного: почему так произошло? Я никогда не понимал, *почему* моя биологическая мать приняла такое решение. Я всегда думал, что если любишь кого-то, то никогда не откажешься от него. Видя, как через это проходишь ты, я понял, что, должно быть, это не всегда верно.

Мой взгляд был прикован к нашим рукам и тесно переплетенным пальцам. Я не могла посмотреть на Уилсона. Не сейчас, когда он говорил на такую личную тему и правда резала мне глаза. Тем временем он продолжал, и его голос дрожал от переизбытка эмоций.

— Любить кого-то — значит ставить его потребности выше собственных. Неважно в чем. И каким-то образом ты поняла это. А я нет. Поэтому, нет, я не считаю, что ты совершаешь ошибку, Блу. Я думаю ты чертовски права. Поэтому, когда мы вернемся домой я позвоню Дженни Вудроу. Она заслужила благодарность за то, что любила меня и отпустила.

Мы сидели в тишине несколько мгновений, восстанавливая дыхание и успокаивая эмоции, наши пальцы были переплетены, а от царящей в салоне жары запотевали окна.

— Что тебе сказал тот пожилой мужчина? — мягко спросила я.

— Он посоветовал мне не беспокоиться. Он сказал: «Женщины плачут. И если она плачет из-за тебя, значит она все еще тебя любит». — Уилсон попытался изобразить скрипучий голос старика. Он взглянул на меня и игриво улыбнулся. — А еще он сказал, что я могу начать беспокоиться, когда ты перестанешь это делать.

Я не смогла улыбнуться в ответ и быстро отвернулась. Это я была взволнованна. И не потому не могла перестать плакать, а потому что это произошло впервые. Старик сразу об этом догадался.

Мы хотели переждать дождь в машине, однако он все никак не унимался. Поэтому мы вернулись на шоссе и продирались сквозь дождь со снегом в течение следующих трех часов. В Боулдер-Сити снег почти никогда не шел, однако мы находились за много миль к северу от Лас-Вегаса, и в Рено снег был обычным делом. Однако в октябре снега все-таки не бывало. Моя тревога становилась тем острее, чем сильнее затягивалось наше путешествие. Я не хотела жаловаться или пугать Уилсона, однако мою поясницу и низ живота схватывало судорогой с самой остановки у туалета. Может быть, все дело было в

стрессе от поездки или в том, что я неустанно прокручивала в голове три заветных слова «искупление, решение, откровение». Или же просто настало время рожать. Роды за две недели до срока не считаются преждевременными. Даже наоборот: считается, что все происходит в срок. И меня мучало подозрение, что я рожаю.

— Мне кажется, стоит поискать отель, в котором мы могли бы остановиться. Мы едем уже три часа, а то и больше, — вздохнул Уилсон, щурясь, чтобы разглядеть дорожные знаки.

— Мы не должны останавливаться, — взмолилась я, с новой схваткой что есть сил впиваясь в подлокотник.

— Почему? — Уилсон не смотрел на меня, так как был слишком увлечен дорогой.

— Потому что я не хочу, чтобы мой ребенок появился на свет в мотеле Super 8.

— Черт! — голова Уилсона тут же развернулась в мою сторону, а его глаза расширились от ужаса.

— Мне не больно. Не так больно. Просто не очень приятно. И это длится уже три часа. Нам нужно просто ехать дальше, и все будет в порядке.

Следующие три часа были самыми долгими в моей жизни. И в жизни Уилсона тоже. Во всяком случае, мне так кажется.

К тому времени, как за окном показались расплывчатые огни Вегаса, переливающиеся точно радуга на черном фоне, его губы побелели, а лицо выглядело изможденным. Схватки повторялись через каждые пять минут и стали более болезненными. Я понятия не имела, что это означает и как долго я еще продержусь. Но мы оба были слишком вымотаны, чтобы ехать домой и ждать. Если нам удастся добраться до больницы — это будет настоящим подвигом. Некоторые дороги были размыты водой и не освещались.

Наконец, мы въехали на стоянку, Уилсон вышел из машины и открыл дверь с моей стороны прежде, чем я успела отстегнуть ремень. Вместе мы дошли до родильного отделения, немного успокоенные тем, что нам все-таки удалось добраться сюда. Знаки на шоссе были нашими ориентирами в течение трех долгих часов. И я была уверена, что Уилсон вздохнул с облегчением, когда передал меня светловолосой медсестре, которая знала, что делать. Она проводила меня в кабинет, выдала больничную рубашку и сказала, что вернется через минуту.

Уилсон повернулся и направился к выходу. Следя за тем, как он уходит, я чувствовала, как в груди поднимается паника. Страх предал мне решимости.

— Пожалуйста, останься со мной. — Слова резко сорвались с моих губ, а лицо тут же залилось краской стыда. Но я не жалела о сказанном. Он замер на месте, его рука все еще лежала на дверной ручке.

— Пожалуйста. — Я не знала, услышал ли он последнее слово, так как закрыла глаза в ожидании ответа. Я боялась увидеть, как он съеживается или отводит взгляд, и боялась услышать извинения.

Но когда я открыла глаза, обнаружила, что он сидит подле меня. Его брови были сведены, а серые глаза смотрели на меня оценивающим взглядом. Но он не ерзал и не трясся, просто смотрел в мои глаза.

— Ты уверена?

— Я не справлюсь в одиночку, Уилсон. Я не стала бы просить, но у меня больше никого нет. — Я прикусила губу, чтобы не опуститься до унижительной мольбы. Выражение его лица смягчилось, волнение пропало из взгляда.

— Тогда я останусь. — Он взял меня за руку и крепко сжал. Его ладонь была большой и холодной, а на кончиках пальцев чувствовались мозоли. Мое облегчение было настолько сильным, что я рисковала потерять самообладание. Я обвила его обеими руками и благодарно обняла. Через несколько минут я почувствовала новую волну давления и боли.

Глава 21

Глубина

Приставленная ко мне медсестра то появлялась, то исчезала. Уилсон сидел у изголовья моей кровати, памятуя о моей застенчивости. Его взгляд был прикован к моему лицу, пока сестра осматривала меня и сообщала, что матка раскрылась на пять сантиметров, затем на шесть, затем на шесть с половиной. А потом все остановилось.

— Вы можете встать и пройтись немного? Иногда это помогает, — предложила она через час, когда стало ясно, что схватки не учащаются. Мне не хотелось ходить. Мне хотелось спать. И вообще отменить все это мероприятие.

— Давай, Блу. Я помогу тебе. Обопрись на меня. — Уилсон помог мне сесть и с помощью сестры облачиться в еще один больничный халат с завязками спереди. А потом мы стали ходить из одного конца коридора в другой, где я едва могла переставлять свои облаченные в больничные тапочки ноги, чтобы поспеть за Уилсоном. Когда боль становилась настолько невыносимой, что не позволяла двигаться, а ноги начинали дрожать от напряжения, едва удерживая меня в вертикальном положении, Уилсон заключал меня в свои объятия и клал мою голову себе на грудь, что-то нежно говоря, словно обнимать меня было для него самой естественной вещью в мире. И это действительно было так. Мои руки вцепились в его предплечья, я дрожала, стонала и без конца благодарила его. Когда боль отступала, и я восстанавливала дыхание, мы возобновляли свой путь, но стоило подступить новому приступу, я тут же снова повисала на Уилсоне.

— Расскажи мне историю, Уилсон. Можешь даже процитировать длинный скучный английский фолиант.

— Ух ты! Фолиант? Выучили новое слово, Ичхоук? — Уилсон крепко обнял меня, так как я стала на него заваливаться.

— Думаю, это вы научили меня, мистер Словарь. — Я старалась не поддаваться боли, пронизывающей меня насквозь.

— Как насчет *«Повелителя мух»*?

— Как насчет убить меня прямо сейчас? — выдавила я, стиснув зубы и благодаря Уилсона за то, что подыграл мне.

Я почувствовала, как дрожит от смеха его грудь под моей щекой.

— Хм-м, нам нужно что-нибудь реалистичное и депрессивное. Так, посмотрим... что тут у нас... как насчет *«Айвенго»*?

— *«Айвенго»*? Звучит, как русское порно, — устало пискнула я. Уилсон снова засмеялся, заглушая стон. Он так заботился обо мне и выглядел не менее измотанным, чем я.

— Может быть, я расскажу тебе историю? — предложила я, выпутываясь из его объятий и чувствуя, как боль отступает. — Это моя любимая история. Я не раз умоляла Джимми рассказать мне ее.

— Хорошо. Давай вернемся в родильную палату и проверим пошла ли прогулка тебе на пользу.

— Это история о Ваупи.

— О каком-каком пи-пи?

— Очень смешно, Уилсон. Ладно. Я не стану упоминать индийское имя. Это история о Белом Ястребе — выдающимся охотнике — и о Звездной деве. Однажды Белый Ястреб вышел из леса во время охоты и увидел на поляне загадочный круг. Он притаился на краю опушки и стал наблюдать, гадая, кто оставил этот странный знак.

— Ого! Да мы сейчас узнаем тайну кругов на кукурузных полях, — снова перебил меня Уилсон.

— Эй! Тут только я имею право шутить. Так что цыц! Я должна рассказать тебе эту историю до того, как утрачу способность говорить. — Я смерила его долгим взглядом, и он сделал вид, будто застегивает рот на молнию. — Через некоторое время Белый Ястреб

увидел, как с небес на землю опускается огромная плетеная корзина. Из нее выбралось двенадцать прекрасных девушек, которые принялись танцевать в круге. И хотя все девицы были хороши, одна из них была всех юнее и всех прекрасней, и Белый Ястреб моментально влюбился в нее. Он выбежал из укрытия, стремясь поймать красавицу, но девушки закричали и бросились обратно к корзине, которая тут же стала подниматься вверх до тех пор, пока не скрылась среди звезд. Эта история повторилась трижды. Белый Ястреб не мог ни есть, ни спать. Все его мысли были сосредоточены на прекрасной Звездной деве, в которую он был влюблен. Наконец, он разработал план. — Я коснулась ладонью губ Уилсона, заметив, что он хочет что-то сказать. — Он ведь был могучим, так? — Уилсон кивнул, в его глазах светился интерес. Мы вернулись в палату, и Уилсон помог мне устроиться на краю постели. Я осталась в сидячем положении, цепляясь за него и чувствуя, как мои внутренности начинают медленно сжиматься, пока я сдерживаю слезы. Я силилась продолжить рассказ, схватив Уилсона за руки, так как схватки становились невыносимыми.

— Он... ждал, — задохнулась я, делая паузы между словами, — пока сестры звезды... не спустятся на землю снова. Он знал... что они не... испугаются маленькой мышки.

— Ну конечно. Девочки любят мышат, — согласился Уилсон, чем вызвал мой смешок и одновременно стон. Уилсон откинул мои волосы с лица, рассыпав их по моей спине, сотрясающейся от судорог, так как я вплотную прижалась к нему, стараясь бороться с болью, которую чувствовала. Он больше не стал перебивать меня.

— Когда сестры спустились с небес и начали танцевать... Белый Ястреб... стал приближаться к самой прекрасной из них... пока не оказался справа от нее. Затем, он вновь обратился в человека и схватил красавицу. — Боль снова пошла на убыль, и я сделала несколько глубоких вдохов, отпуская предплечья Уилсона. У него останутся нехилые синяки, когда все закончится.

— Остальные сестры закричали и бросились к корзине, которая тут же взмыла в небо, оставив самую юную деву внизу. Звездная красавица заплакала, но Белый Ястреб вытер ее слезы и сказал, что будет любить и заботиться о ней. Он пообещал, что ее жизнь на земле будет сказочной и что она будет с ним счастлива.

Я замолчала, так как в палату вошла сестра, тут же задернув шторку со своей стороны.

— Ну что, милая. Давай-ка посмотрим. — Я взглянула на Уилсона и опустилась на кровать. Он уселся на табурет возле постели, прильнув ко мне и не обращая внимания на медсестру и дискомфорт, который я ощущала. Его лицо находилось в дюйме от моего собственного, он взял меня за руку и не отводил взгляда от моих глаз.

— Так, есть подвижки. Матка раскрылась почти на семь сантиметров. Давай-ка узнаем, можно ли вколоть тебе обезболивающее, чтобы снизить болевые ощущения.

Замерцали лампы и вдруг все звуки стихли и наступила кромешная тьма. Медсестра выругалась себе под нос.

Затем свет вновь включился, и мы втроем вздохнули в унисон.

— Больница на генераторе. Не волнуйтесь. — Сестра старалась говорить мягко, однако ее взгляд был прикован к двери, и я могла поклясться, что она думает о том, что еще может произойти этой ночью.

— Должно быть, это из-за шторма. — Она направилась к двери, пообещав, что скоро вернется.

Я подумала о Тиффе, которая в эту минуту находилась аэропорту Рино, но тут же отогнала эту мысль. Она доберется, она должна. Потому что моему ребенку нужна забота. Кто-то должен заботиться о нем. Потому что я сама не справлюсь. От этой мысли кровь стыла в венах, а грудь сжималась от страха. Тиффа и Джек должны быть здесь, должны забрать моего малыша и немедленно увезти отсюда.

Боль отвлекла меня от мыслей о Тиффе и моем ребенке. Прошло двадцать минут, затем еще двадцать. Ни медсестра, ни анестезиолог так и не появились. Боль достигла пика. Ее неукротимые волны рисковали разорвать меня пополам. Я билась в агонии и цеплялась за Уилсона, отчаянно нуждаясь в облегчении своих страданий.

— Что я должен делать, Блу? Скажи, что мне сделать? — тихо приговаривал Уилсон. Я сохраняла молчание не в силах найти слов, вся моя энергия сосредоточилась на тонкой полоске света, и циркулировала вокруг боли и облегчения, которым, казалось, не будет конца. Я просто покачала головой, вцепившись в его руку. Он поднялся на ноги так резко, что табуретка под ним упала на пол. Меня охватил ужас, когда он высвободил пальцы из моей руки и двинулся к двери. Он пересек палату в несколько больших шагов и распахнул дверь. Затем до меня донесся его голос, просящий о помощи в очень и очень невежливых выражениях. Я была так горда и тронута, что почти засмеялась, но смешок застрял в горле, и вместо него из меня вырвался крик. Тело трясло, ноги сдавливало с невероятной силой. Потребность тужиться была настолько очевидной, что я даже не стала задумываться над этим. Мой крик слился с грохотом открывающейся двери. На пороге появился Уилсон с буйством кудрей на голове и перепуганная медсестра.

— Доктор уже идет! Уже идет! — пробормотала она, оказываясь между моих ног и округляя глаза. — Не тужься!

Уилсон моментально оказался возле меня, и я снова развернулась к нему не в силах прекратить схватки, желая, чтобы ребенка извлекли из меня как можно скорее. Дверь снова открылась, медсестра выбежала из палаты и стала звать подкрепление. Наконец, я оказалась в окружении сестры, врача и кого-то еще с передвижным инкубатором для детей.

— Блу? — голос доктора звучал откуда-то издалека, и я постаралась сфокусироваться на его лице. — Можно тужиться. Твоя малышка скоро появится на свет.

Моя малышка? Но это малышка Тиффы. Я замотала головой. Тиффа еще не приехала. Я снова напряглась через боль. Потом опять. И опять. Я не знала, как долго я тужилась и умоляла Бога прекратить все это. Я находилась в полуобморочном состоянии от боли и усталости.

— Еще чуть-чуть, Блу, — взывал доктор. Но я была слишком измождена. Я не верила, что справлюсь. Мне было очень больно. Мне хотелось умереть.

— Я не могу, — прохрипела я. Я не могу. И не буду.

— Ты самая смелая девушка из всех, кого я знаю, Блу, — прошептал Уилсон, уткнувшись мне в волосы. Он заключил мое лицо в свои ладони. — Я когда-нибудь говорил тебе насколько ты красива? Все почти закончилось. Я помогу тебе. Доверься мне. Все будет хорошо.

— Уилсон.

— Да?

— Если я увижу ее... я не знаю, смогу ли отдать ее. Я боюсь, что если возьму ее на руки, то уже не смогу отпустить. — Слезы хлынули по моим щекам, и я никак не могла утихомирить их.

Уилсон обнял меня, потому что агония, в которой я билась стала еще сильнее.

— Давай, Блу! — настаивал доктор. — Почти все. Еще немного!

И я смогла. Каким-то невероятным образом, у меня получилось. Последняя отчаянная попытка, последнее усилие — и мой ребенок оказался снаружи. Руки Уилсона исчезли, он вскочил на ноги, и по палате разнесся радостный возглас. Девочка. Она была здесь — крошечная, вся мокрая, с темными волосами и широко раскрытыми глазами. Она была напугана и издала громкий протестующий крик. А потом я взяла ее на руки.

Эти несколько мгновений она принадлежала только мне. Сестра положила ее мне на грудь, и мои руки тут же обняли ее. Мир закружился. Время остановилось. Смотря на свою малышку, я одновременно ощущала невероятную силу и жуткую усталость. Она глядела на меня своими опухшими влажными глазенками, ее маленький ротик открывался

и закрывался, издавая смешные звуки, мигом покорившие мое сердце. Внутри меня разрастался ослепляющий ужас, на одно мгновение мне даже захотелось выскочить из родильной палаты, пронестись по коридору и броситься навстречу буре с ребенком на руках, лишь бы убежать от данного мной обещания. Я любила ее. Безумно и всепоглощающе. Я любила ее. Я завертела головой в поисках Уилсона, обезумев от потрясения и страха. Он стоял в нескольких футах от меня, засунув руки в карманы с измученным выражением на лице и спадающими на лоб локонами. Наши глаза встретились, и я увидела, что он плакал. А потом сестра поспешно выхватила у меня дочь и унесла — вот так просто, словно ее и не было. Время вернулось к нормальному ритму, не замечая моего отчаяния. Абсолютно измученная, я рухнула на подушки, позволив миру вертеться без моего участия.

После того, как оставшийся после родов мусор был вынесен, я осталась одна на несколько минут. Уилсон вышел в коридор, чтобы позвонить Тиффе, сестра забрала малышку в неизвестное мне место, чтобы умыть и измерить ее, а выполнивший свой долг доктор снял перчатки и поздравил меня с успешными родами. И теперь я лежала одна, использованная и никому не нужная, точно вчерашняя новость. Все было кончено.

Меня перевезли в обычную палату, помогли принять душ и бесцеремонно затолкали обратно в постель. Никто даже не спросил, хочу ли я увидеть своего ребенка. Уилсон побыл со мной какое-то время, но, когда стало очевидно, что я нахожусь в надежных руках, он решил поехать домой, чтобы принять душ и переодеться. Дождь наконец-то перестал лить. Нижние этажи больницы пришлось эвакуировать из-за воды, поэтому по всему зданию поднялась суматоха. Медсестры принесли мне извинения за то, что не смогли уделить мне должного внимания во время родов. Весь персонал был брошен на помощь в устранении последствий наводнения.

Джек с Тиффой не смогли добраться до дома. Шторм, ставший причиной наводнения в Лас-Вегасе, вызвал метель в Рено, так что буря протянулась от одного штата до другого. К моменту возвращения Уилсона я немного поела и прикорнула. В палате был выключен свет, однако в ней не было по-настоящему темно. Из помещения открывался «живописный вид» на автостоянку, поэтому желто-оранжевые блики от горящих внизу фонарей проникали внутрь. Уилсон хотел тихонько устроиться на стуле в углу, однако тот предательски скрипнул, Уилсон негромко выругался.

— Ты не должен был возвращаться. — Мой голос показался мне скрипучим и каким-то неродным, словно я кричала несколько часов и сорвала его.

Уилсон с шумом опустился на стул, положил локти на колени, а подбородок на руки. Он делал это и раньше, и эта маленькая деталь вызвала во мне такую нежность к нему, что я даже вздохнула.

— Тебе больно? — спросил он, неверно истолковав мой вздох.

— Нет, — прошептала я. Это было ложью, но в данную минуту правда давалась слишком тяжело.

— Я разбудил тебя?

— Нет, — повторила я. В нашей тихой палате отчетливо слышались звуки, доносящиеся из коридора. Поскрипывали колесики каталок, подошвы больничных кроссовок попискивали от соприкосновения с линолеумом. Медсестры входили в палаты с дружелюбным «как вы себя чувствуете?» А я поймала себя на мысли, что пытаюсь и никак не могу услышать один единственный звук. Плач моего ребенка. Я мысленно спустилась вниз, в детскую комнату, где находились малыши.

— Ты держал ее на руках? — внезапно спросила я. Уилсон выпрямился на стуле, его глаза нашли мое лицо, слабо освещенное идущим с улицы светом.

— Нет, — последовал ответ. И снова тишина.

— Она совсем одна, Уилсон.

Он не стал спорить и убеждать меня, что Тиффа уже едет, или что о моем ребенке позаботятся, или что она, скорее всего, спит. Вместо этого он встал и подошел к моей постели, я повернулась на бок, чтобы видеть его лицо, а он чуть наклонился, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Мы молча изучали друг друга. А затем, он поднял руку и нежно провел ей по моей щеке. Такой простой жест. Но и его хватило, чтобы погубить меня. Я закрыла глаза и заплакала, защищаясь от его настойчивых серых глаз, таких понимающих и таких сочувствующих. Я почувствовала, как он ложится рядом со мной на узкую кровать и прижимает меня к себе. Иногда он гладил меня по волосам или тихонько вздыхал, но не сказал ничего о моем горе и слезах, заливающих подушку.

В палату вошла сестра, но тут же развернулась и вышла прочь. Уилсон даже не пытался встать или сесть на стул в углу.

— Ты так и не рассказала мне свою историю, — заметил он намного позже.

— Хм-м-м?

— Про охотника и Звездную деву. Они жили долго и счастливо?

— Ох, — сонно пробормотала я, вспоминая. — Нет... не совсем. Она осталась с ним, и у них родился ребенок. Они были счастливы, но девушка стала скучать по своим сестрицам-звездам. — Я остановилась, борясь с вялостью, которая меня одолевала. Я продолжила, хотя мой голос становился тише с каждым словом. — Она хотела повидаться со своей семьей. Она сплела большую корзину, собрала дары для своей семьи — вещи, которых нет на небе. Затем она установила корзину в центр круга, положила туда подарки, взяла сына и забралась внутрь сама. Потом она начала петь песню, с помощью которой можно подняться в небеса. Белый Ястреб услышал ее и побежал на поляну, но было слишком поздно. Его жена и ребенок исчезли. — Я почувствовала, как погружаюсь в сон, путаясь в мыслях и с трудом ворочая языком. Я не была уверена, приснилось мне это или Уилсон и впрямь сказал эти слова.

— Отстойная история, — сонно пробормотал он мне на ухо. Я улыбнулась, но была слишком устала, чтобы ответить.

Глава 22

Серый

Тиффа и Джек приехали в больницу на следующий день около пяти. Пока я спала, Уилсон переместился на стул и получил сообщение о том, что они прилетели. Он вышел встретить их как раз в тот момент, когда в палату зашла сестра, чтобы справиться о моем здоровье и измерить давление. Мне не терпелось покинуть больницу, поэтому я была уже одета и ждала выписки, когда в дверь негромко постучали. В проеме возникла голова Тиффы.

— Можно войти, Блу? — спросила она.

Я ответила согласием, и они с Джеком вошли в палату держась за руки. Волосы Тиффы были убраны с лица и свернуты в кудрявый пучок, однако даже с ним она все равно выглядела изысканно и элегантно. Джек же выглядел усталым. Они провели в аэропорту всю ночь и все утро, ожидая, когда возобновят полеты. И тем не менее на их лицах сияли широкие улыбки, а Тиффу просто распирало от эмоций. Без всяких предисловий она заключила меня в объятия и разрыдалась. Джек обнял нас обеих и тоже начал всхлипывать. Я почувствовала, как к горлу подкатывает мощный комок эмоций. Я изо всех сил старалась сдержать их, не давая себе возможности даже пошевелиться, дабы не утратить над собой контроль. Сосредоточив взгляд на точке между Джеком и Тиффой, я стала перечислять в уме буквы алфавита в обратном порядке: «Z, Y, X, W, V, U, T...» Уилсон стоял у двери. Я остановила на нем взгляд, но тут же отвела его. «J, H, I, G, F, E...» — продолжала перечислять я. Однако мои попытки отстраниться не уберегли меня от сердечных благодарностей Тиффы.

— Она такая красавица, Блу. Такая милашка. Я вижу в ней тебя, и это делает меня такой счастливой, — шептала она сквозь рыдания. — Спасибо, Блу.

Мне хотелось уехать. Я должна была сделать это для собственной безопасности. Они отпустили меня, но Тиффа взяла меня за руки. Казалось, ее абсолютно не беспокоили слезы, все еще струящиеся по ее щекам. Я восхитилась ее способностью плакать без стыда и смущения.

— Мы хотим назвать ее Мелоди. Так звали маму Джека, и это имя мне всегда очень нравилось. — Тиффа бросила взгляд на Джека, который выразил свою солидарность с женой коротким кивком. — Но мы хотим, чтобы ее вторым именем было имя Блу, если ты не против.

Мелоди Блу. Звучало красиво. Я слегка кивнула, так как не была уверена в своей способности говорить. Затем я кивнула еще раз, более уверенно, и улыбнулась настолько, насколько смогла. Я тут же вновь была заключена в объятия Тиффы, которая с жаром прошептала мне на ухо:

— Ты подарила мне то, о чем я бы никогда не осмелилась попросить, и я обещаю быть настолько хорошей матерью, насколько смогу. Я едва ли стану идеальной. Но я буду любить ее всем своим сердцем. А когда она подрастет, я расскажу ей о тебе. Я расскажу ей, насколько смелой ты была и как сильно ее любила.

Из моей груди вырвался стон, и я беспомощно задрожала, не в силах больше сдерживать снедающую меня печаль, которая заполнила мой рот, светилась в моих глазах и окрашивала в свои тона мои слова. Руки Джека вновь заключили нас в кольцо, и мы простояли так очень и очень долго, поддерживая друг друга, а наши благодарность и скорбь встретились и слились воедино. Впервые за все время я поймала себя на том, что воздаю молитвы. Молитвы Великому Духу, в которого верил Джимми. Молитвы Богу, который создал жизнь и позволил ей вырасти во мне. Молитвы ребенку, который никогда не назовет меня мамой, и женщине, которую назовет. Я молилась о том, чтобы Он забрал мою боль, и если Он не сможет этого сделать, то хотя бы, умоляю, пусть заберет мою любовь. Потому что любовь и боль были так тесно связаны между собой, что я, казалось, не могла ощущать одно без другого. Может быть, если бы я не любила, мне не было бы так больно. Я почувствовала, как меня обхватывают руки Уилсона и позволяют опереться на них, в то время, как Тиффа и Джек отпускают меня и отступают.

Когда меня выписали из больницы, Уилсон отвез меня домой, уложил в постель и остался рядом еще на одну ночь. Он ни разу не пожаловался и не произносил пустых слов и банальностей. Он просто был рядом, когда мне это было нужно сильнее всего. И я оперлась на него, должно быть, сильнее, чем следовало. Но я не позволяла себе ни думать об этом, ни спрашивать. Я позволила позаботиться о себе и отказаться от самоанализа.

С течением дней Уилсон давал мне все больше и больше пространства, и мы вернулись к модели, напоминающей дни и недели до рождения Мелоди. Я почти сразу вернулась на работу в кафе и снова начала вырезать. В некоторых вопросах жить стало довольно сложно. Сразу после рождения Мелоди я перевязала грудь так, как показала сестра, но та все равно болела и протекала, и я просыпалась вся мокрая, с простынями влажными от молока и прилипшей к телу ночной рубашкой. Мыться было почти больно, тело казалось чужим, и я не могла смотреть в зеркало на опухшие груди, предназначенные для вскармливания, на живот, что становился плоским день ото дня, и руки, которые так давно не держали то, что мне уже не принадлежало. Время от времени я забывала об этом и протягивала руку, чтобы погладить свой живот, а потом вспоминала, что оставшаяся выпуклость была не ребенком, а опустевшим чревом. Я была молода и активна, поэтому мое тело быстро восстанавливалось. И вскоре единственным напоминанием о том, что она когда-то была частью меня, стали испортившие кожу слабые растяжки. И эти растяжки казались мне прекрасными. Драгоценными.

В конце концов, я поймала себя на том, что сознательно не отшлифовываю несовершенства на куске можжевельника, который вырезала и украшала. Отметины на дереве напоминали растяжки на моей коже, и я внимательно следила за ними, словно их удаление означало для меня готовность забыть. В конечном итоге я увеличила их так, что

линии и трещины стали похожи на глубокие каньоны и темные впадины, а изящные удлиненные ветви извивались и изнывали, как сжатые в кулаки пустые руки.

Однажды вечером, когда я работала над скульптурой, Уилсон зашел в подвал проведать меня, я сидела на перевернутой бадье и молча смотрела на свое творение.

— Как ты собираешься назвать ее? — спросил он после долгого молчания.

Я пожалала плечами. Я не заглядывала так далеко. Впервые я подняла на него взгляд.

— А как ты думаешь стоит ее назвать?

Он перевел взгляд обратно на меня, и печаль в его дождливо-серых глазах заставила меня немедленно отвернуться, дрожа от жалости, которую я в них увидела.

— Потеря, — прошептал он. Я притворилась, что не слышу. Он пробыл со мной час, глядя на то, как я работаю. Я даже не услышала, когда он ушел.

Жизнь болезненными шагами возвращалась в нормальное русло, настолько нормальное, насколько было возможно. Я работала, вырезала, ела и спала. Тиффа часто звонила, чтобы узнать, как мои дела, и заговаривала о малышке, только если я сама просила ее об этом. Она была осторожной и тактичной, но сердечной в своих описаниях. С каждым разом я могла выслушать больше, хотя когда я в первый раз услышала в трубке плач Мелоди, то тут же закончила разговор. Остаток ночи я провела в своей комнате, убедившись, что мое сердце окончательно разбито, и ни время, ни слезы не способны облегчить мою боль.

Но время и слезы оказались куда более эффективными тонизирующими средствами, чем я думала. Всю свою жизнь я избегала горя, держала его в себе, словно должна была избежать его любой ценой. Джимми всегда был таким сдержанным, и я переняла его философию. То ли это были гормоны, то ли чисто биологическая реакция, то ли тот факт, что я осознала свою связь с Богом, но я очень мало знала о том, как избежать боли. Однако с момента рождения Мелоди я поняла, что наделена способностью плакать. В слезах была сила. Сила исцеления, сила избавления от боли и освобождения от нее, сила проживания любви и отталкивания от себя потери. И чем больше недель складывалось в месяца, тем меньше я плакала и больше улыбалась. А моим спутником все чаще становилось умиротворение.

Но по мере того, как мир и принятие становились моими близкими друзьями, Уилсон отдалялся от меня все больше. Сначала я была очень ему благодарна просто потому, что компания из меня была просто ужасной. Но как только я начала исцеляться, я потеряла своего друга, и он почти перестал появляться. Я полагала, что, возможно, он чувствовал, что его работа закончена. Возможно, Мелоди родилась, и на этом все кончилось.

Прямо перед Рождеством я отпросилась на два дня с работы и отправилась на большую охоту за древесиной. Я поехала в Аризону, ворвалась с угла в Южную Юту и окружным путем вернулась обратно в Вегас с грузовиком, полным можжевельника, красного дерева и мескита, резьбой по которым я могла заниматься месяц по воскресеньям. Проливные дожди и наводнения за месяц до этого перенесли отвалившуюся древесину с возвышенности в овраги и долины, благодаря чему стало сказочно просто найти то, что нужно. К сожалению, мне пришлось отказаться от самых тяжелых кусков дерева, потому что, хоть я и использовала рычаг, шкив и рампу, некоторым материалам требовалось больше одной женщины с ее инструментами. Когда я планировала поездку, то надеялась, что мне удастся убедить Уилсона поехать со мной. Из-за рождественских каникул у него появилось свободное время. Но он так откровенно пытался держаться от меня подальше, что я даже не стала пытаться.

Когда я, грязная и усталая, в испачканных ботинках, с ушибами, в порванной одежде и с ноющими ногами вернулась домой вечером в понедельник, то была совершенно не готова к встрече с Уилсоном и Памелой. К несчастью, они подъехали к

дому в тот момент, когда я пыталась разгрузить свой пикап у входа в подвал. На Памеле была короткая белая юбка, туфли для тенниса и облегающий спортивный топик, волосы были собраны на затылке в игривый хвостик. Она поморщилась, когда Уилсон подскочил к моему грузовику и стал помогать мне выгружаться. Она мялась на месте в течение двух минут, переминаясь с одной ноги на другую.

— Дарси, я замерзла. Пойдем внутрь, — пожаловалась она и улыбнулась Уилсону, когда тот отвлекся, чтобы взглянуть на нее.

— Иди внутрь, Пэм. Тут очень холодно. А я помогу Блу спустить это в подвал.

Памела поморщилась и задержала на мне долгий, полный сомнения взгляд. Могу поспорить, ей не хотелось оставлять Уилсона. Женщины сразу чувствуют подобные вещи. Между мной и Уилсоном могло что-то произойти. И она знала об этом. Я лишь пожала плечами. Не мои проблемы.

— Серьезно, Пэмми. Поднимись в мою квартиру. Я буду через минуту. Тебе нет смысла стоять на холоде, — настаивал Уилсон.

На самом деле было не так холодно, хоть декабрь в пустыне и может быть на удивление морозным. Но я полагала, что, надень я тонкий костюм для тенниса вместо джинс, рабочих перчаток и фланелевой рубашки, я бы тоже замерзла. Я не понимала, почему Памела так волнуется. Мой нос покраснел, щеки были поцарапаны, и я бы никому не смогла вскружить голову, в том числе и Уилсону. Должно быть, Памела пришла к тому же выводу, потому, что она смерила меня долгим взглядом и поплыла прочь, сообщив, что немного посмотрит «телек».

— Пэмми? — усмехнулась я, стаскивая четырехфутовый кусок дерева со своей импровизированной ramпы.

— Когда мы были детьми, все называли ее Пэмми. И это вошло в привычку.

Я фыркнула, ничего не ответив, но все равно испытывая пренебрежение.

— Почему ты уехала, никому не сказав, куда ты направляешься, Блу? — бросил Уилсон через плечо, спускаясь по ramпе с охапкой можжевельника. Он стал спускаться вниз по лестнице в подвал, и я решила, что он не нуждается в ответе или, по крайней мере, не рассчитывает на него. Выбравшись через секунду, он продолжил разговор так, словно никуда не уходил.

— До вчерашнего утра я даже не знал, что ты уехала. И заволновался.

— Я не уехала, никому ничего не сказав. Я просто не сказала об этом тебе, — коротко ответила я. — Это последний кусок, но он чертовски тяжелый. Возьми его с другого конца, — сказала я, меняя тему. Я не хотела оправдываться за свое отсутствие. Ведь это он игнорировал меня, а не наоборот.

Уилсон схватился за две тяжелые, сплетенные ветки, а я поднатужилась, чтобы поднять их. Две отдельные ветки произрастали из двух разных деревьев, растущих рядом друг с другом, и их ветки переплелись между собой и обвились вокруг друг друга. Одна из веток повредилась и отделилась от ствола. Если бы она не была обернута вокруг другого дерева, то упала бы на землю. Мне пришлось подняться на оба дерева, чтобы отсечь все рыхлые ветки, освобождая те, которые не отделились от ствола, и отпиливая зубчатые края тех, что отделились. Я поплатилась за это дырой на джинсах и длинной царапиной на правой щеке, но, в конце концов, это того стоило.

Образ двух переплетенных веток затрагивал за живое и наводил на мысли о чем-то, присущем сердцу каждого человека с рождения — нужде в прикосновении, нужде в связи. И я точно знала, как это будет выглядеть, когда я закончу работу. Когда я впервые увидела их, то ощутила боль, которую отрицала с того дня, как покинула гараж Мейсона год назад. Но это не было физическим освобождением, по которому я тосковала. Не совсем. Это было близостью, слиянием. Однако возвращение во времена, когда я утоляла физические потребности за счет эмоций, не продлилось слишком долго. И я осталась наедине с болью, не зная, как утихомирить ее.

Мы с Уилсоном спускались вниз по лестнице, смотря друг на друга сквозь дряхлые ветки и колючую кору. Я проложила дорогу и аккуратно опустила свой конец ветки на пол возле верстака, он последовал моему примеру, отступил назад и вытер руки о белые теннисные шорты. На светло-голубой рубашке и шортах, в тех местах, к которым он прикоснулся, остались грязные пятна. Я гадала, захочет ли Пэмми переодеть его. Эта мысль навевала на меня необъяснимую грусть, и я схватила за молоток и зубила. Мне хотелось немедленно заняться удалением коры, прутьев и листьев. Возможно, работа утихомирит боль, если сосредоточится на желании и необходимости создать нечто полезное, нечто красивое, нечто, что не опустошит меня в самом конце.

— Я могу оставить свой пикап там, где он стоит? — спросила я Уилсона, прикоснувшись к коре и сфокусировав взгляд на ветках.

— Ключи в машине?

Я похлопала себя по карманам и застонала.

— Да. В ней. Ладно, не страшно. Я передвину ее и запру.

— Я это сделаю. Я уже видел этот взгляд раньше. Блу в ударе, — криво усмехнувшись, произнес Уилсон, после чего развернулся и вышел, не сказав ни слова.

Я работала без перерыва в течение нескольких часов: зачищала, обрубала, шлифовала и обрезала, пока мои переплетенные ветви не стали гладкими и обнаженными. Мои руки болели, а спина заныла, когда я отвлеклась, чтобы перевести дыхание. Ближе к ночи я сняла свою фланелевую рубашку, слишком разгорячившись от работы и небольшого, стоящего в углу обогревателя, которым Уилсон заставлял меня пользоваться. Я заплела волосы в небрежную косу, чтобы убрать их с лица и защитить от шлифовальной машинки. Волосы отросли так сильно, что коса тяжелой лозой спадала по левому плечу. Я подумывала о том, чтобы обстричь ее, когда в замке щелкнул ключ и дверь подвала резко распахнулась, впустив в помещение холодный воздух. Уилсон закрыл за собой дверь, чуть дрожа от зимнего ветра. На нем была футболка и те самые джинсы с низкой посадкой, которые я старалась не замечать, когда он впервые надел их. В руке он держал мои ключи, и из-за раздраженного выражения лица между серых глаз залегли морщинки.

— Уже полночь, Блу. Ты работаешь без остановки уже пять часов.

— И?

— И... уже полночь!

— Ладно, бабушка!

Морщинки между бровей Уилсона стали еще глубже. Он сократил расстояние между нами, его глаза осматривали мой неопрятный внешний вид.

— Тебя не было три дня, и, я полагаю, что ты почти не спала все это время, а теперь ты работаешь так, словно у тебя дедлайн или что-то типа того. Джинсы порваны, ты прихрамываешь, у тебя расцарапана щека, — злился Уилсон. Он провел пальцем по воспаленной царапине на моей скуле. Я потянулась, чтобы оттолкнуть его руку, но он схватил меня за запястье, перевернул руку и пробежал пальцами по моей ладони, распрямляя пальцы и подмечая мозоли и потертости, которые я заработала за эти несколько дней. От руки к шее устремились мурашки. Я вздрогнула и выдернула руку, а затем склонилась над своим проектом и продолжила шлифовать.

— Так почему ты ничего мне не сказала?

— Хм-м? — Я продолжала работать.

— Ты сказала, что не уезжала, никого не предупредив. Просто не сказала об этом мне. Почему?

— Ты избегал меня все это время, Уилсон, так что я решила, что мое отсутствие не особенно тебя опечалит, — прямо сказала я, вперившись в него дерзким взглядом.

Уилсон кивнул, закусив нижнюю губу и проглатывая мое обвинение. Однако он не стал отрицать, что хотел держаться подальше.

— Я подумал, что нам с тобой нужна некоторая дистанция. С рождения Мелоди прошло всего два месяца. В наших... отношениях... было слишком много сильных

переживаний, — Уилсон подбирал слова осторожно, делая паузы между мыслями. Мне не нравилось, что он был таким осмотрительным. Это было похоже на покровительство. Но он продолжал тем же тоном, также тактично и медленно.

— Я подумал, что тебе, возможно, нужно время и... пространство. Без драм, без... меня... и кого бы то ни было. Просто пространство. — Уилсон сосредоточено посмотрел на меня, взгляд серых глаз был твердым и уравновешенным.

Я отложила инструменты и образовала между нами пространство — вещь, в которой, по мнению Уилсона, я так нуждалась. Я дрожала, замерзая от того, что сбавила темп. Холод, исходящий от бетонного пола, просачивался через подошвы ботинок, а порванных джинс и тонкого топа вдруг оказалось недостаточно, чтобы его отразить. Я повернулась к Уилсону спиной и протянула руки к обогревателю, стараясь согреть одеревеневшие пальцы и руки.

— Ты помнишь историю, которую мне рассказал Джимми? О мудром волке Табуте и его брате Шинангву — койоте? — бросила через плечо я.

— Ту, в которой говорится о людях, вырезанных из палок? Ту, о несправедливом социально-экономическом устройстве мира, которую ты рассказала мне в школе? — криво усмехнулся Уилсон, подойдя ко мне и подняв с пола мою фланелевую рубашку. Он накинул ее мне на плечи, а затем обнял меня, устроив подбородок на моей макушке. Исходящее от него тепло было таким родным, таким правильным, что я закрыла на это глаза, а также на него и ту легкость, с которой он обнимал меня, словно я была его сестрой или любимой кузиной. Но я не испытывала к Уилсону сестринских чувств. И в том, как его руки обнимали меня, скользило болезненное удовольствие.

— Когда я была маленькой, эта история никогда не вызывала во эмоционального отклика. Почему люди хотят быть одинокими? — В моем голосе прозвучала задумчивость, и Уилсон крепче прижал меня к себе.

Я все еще стояла, закрыв глаза, вместе с теплом мышцы и конечности окутала неожиданная усталость.

— Я думаю, Шинангву был умнее брата. Он знал, что люди хотят быть связаны. Я постоянно приставала к Джимми с расспросами о его матери, о сестрах или о друзьях. Мудрый волк должен был знать, что люди предпочтут быть вместе.

Не разрывая объятий, Уилсон развернул меня к себе, легко скользнув по моей щеке завитками своих волос. Я не хотела открывать глаза, боясь, что если открою их, то увижу, как близко мы стоим друг к другу, и отстранюсь. Но из-за близости складывалось впечатление, будто я держу глаза закрытыми, чтобы он мог поцеловать меня, поэтому я открыла их и подняла на него усталый взгляд.

— Иногда мне кажется, что я одна из тех, кто остался в мешке, пока других выбрасывали из него по группам, — прошептала я.

Глаза Уилсона были такими серыми в тусклом свете, исходящем из угла, и походили на сланец, намоченный ливнем. Его лицо излучало внимание и сочувствие, словно каждое сказанное мной слово было исключительно важным. Это было то самое выражение, сила которого покоряла и располагала меня к себе от урока к уроку, изо дня в день, а он даже не догадывался, что я принадлежала ему.

— Полагаю, это вполне понятная реакция для человека, который вынашивал ребенка девять месяцев... и был связан с ним. — Голос Уилсона был мягок, и он запечатлел на моем лбу целомудренный и оскорбительный поцелуй. Но я не нуждалась в его сочувствии. И мне абсолютно точно не требовалось пространство. Я хотела его. И не хотела, чтобы он целовал меня в лоб. Я хотела поцеловать его в губы. Я хотела целовать его, сжав в руках пряди его волос, я хотела обвить руками его тело. Я хотела признаться в своих чувствах и показать свою преданность. И если я не отстранюсь от него прямо сейчас, то сделаю нечто, что оттолкнет его от меня навсегда. Я почти в бешенстве отшатнулась от него, боясь себя и боясь за себя. Уилсон тут же отпустил меня.

— Некоторым людям суждено быть одинокими. Похоже, Джимми был одним из них. И я, возможно, тоже, вне зависимости от того, нравится мне это или нет.

Уилсон ничего не ответил, я отвернулась и вернулась обратно к верстаку. Подхватив ключи, я стала подниматься вверх по лестнице, ведущей в мою квартирку. Никто из нас не сказал на прощание ни слова, дистанция между нами была восстановлена так, словно я никогда не была в его объятиях.

Глава 23

Элис

Я отказалась от Дня благодарения, Рождества и прочих атрибутов, присущих праздникам, однако, когда позвонила Тиффа и стала умолять меня прийти на ее новогоднюю вечеринку, упомянув, что ее мать присмотрит за сыновьями Элис и Мелоди где-то в другом месте, я уступила. Я сказала себе, что это не имеет ничего общего с тем фактом, что она пригласила меня специально для Уилсона, так как Памела праздновала Новый год в Англии.

Я представляла себе классическую вечеринку с живым оркестром, коктейльными платьями и каблуками. Но Тиффа удивила меня, сказав: «Надень что-нибудь удобное! И цветное! Мы соревнуемся в том, кто оденется ярче всех, и у нас, Уилсонов, есть своя новогодняя шумиха. Не надевай одежды, из-под которой будут видны твои трусики, когда ты будешь наклоняться. Это на случай, если мы закончим вечер игрой в коричневые пакеты. Элис жалуется на нее каждый год, но без нее Новый год — не Новый год!».

Я подумала, что буду достаточно яркой в пестрых розовых джинсах в обилие и усыпанном голубыми блестками топе. В уши я вдела фиолетовые сережки из перьев и прикрепила парочку к волосам, на глаза нанесла блестящие тени, на губы — красную помаду, однако Тиффа легко победила меня своими легинсами с закрученным радужным узором, ослепительной рубашкой в неоновую полоску, туфлями на высокой оранжевой платформе и радужным клоунским париком. Даже Уилсон проникся духом праздника, надев рубашку, которая не была ни голубой, ни серой, ни черной. Это была рубашка нежно-зеленого цвета с длинным рукавом и v-образным вырезом. Не кричаще яркая, но он, во всяком случае, попытался. К ней он надел черные джинсы и черные ботинки. Выглядел Уилсон очень не по-профессорски.

Это была масштабная вечеринка — человек, должно быть, в тридцать, — но все, похоже, знали друг друга очень хорошо. Помимо Тиффы с Джеком, Элис с Питером и нас с Уилсоном было еще десять или двенадцать парочек. Остальные в основном являлись коллегами Тиффы по Шеффилду. Я ожидала, что все они будут пить шампанское, оттопырив мизинец, учитывая, как красиво они изъяснялись во время разговора. Но все они оказались довольно шумными и легкими на подъем, особенно после нескольких напитков.

Вечер начался с игры под названием «Ха-ха-ха», так назвала ее Тиффа. Каждый участник вечеринки получал браслет, сделанный из разноцветных лент с наклейками. Цель состояла в том, чтобы рассмешить людей с помощью гипертрофированного «Ха-ха-ха». Если тебе удастся кого-то рассмешить, этот человек должен вознаградить тебя поцелуем и наклейкой. Если девушка рассмешит другую девушку, та может подарить ей легкий поцелуй или выбрать молодого человека, которого та должна будет поцеловать, и наоборот. Победитель определялся в конце вечера по количеству наклеек или по тому, сколько их осталось на браслете. Я с облегчением обнаружила, что все поцелуи представляли собой дружеский «клевок» в губы или в щеку с множественными пожеланиями «Счастливого Нового года!» Никто, казалось, не воспользовался ситуацией и не «засосал» невольного получателя. Многие были сосредоточены на сборе наклеек. Игра продолжалась всю ночь, даже во время других игр, и я стала своего рода мишенью. Так как направленные на меня «Ха-ха-ха» не были до жути смешными, я еще не отдала ни одной наклейки и... никого не поцеловала. Тиффа и Уилсон продолжали свои набег

на друга, стараясь расколоть один другого. Иногда их старания вызывали гогот, тогда они получали награду в виде поцелуя и наклейки. Кожа Тиффы быстро стала похожа на кожу, пораженную высыпаниями, все ее лицо было усеяно наклейками. «Ха-ха-ха» Элис было таким скрипучим, что, смеясь, люди поеживались, что принесло и ей несколько поцелуев и наклеек.

Я не знала, чего именно я ждала от Нового года в компании британцев, но это не было «Ха-ха-ха» и абсолютно точно это не было игрой в коричневые пакеты. Во время игры в коричневые пакеты нужно было, стоя на одной ноге, как журавль, наклониться вперед и, не прикасаясь к полу или пакету, оторвать последний от пола при помощи рта. С каждым раундом от пакета отрезали один-два дюйма, пока от него не оставалась только тонкая полоска. Элис выбыла из игры, разбив себе нос, когда ее лицо приложилось к полу. Тиффа, как длинноногая Жизель, легко согнулась пополам и оторвала пакет от пола так, словно это было танцевальное движение, которое она тренировала долгие годы. Джек выбыл после первого раунда. Муж Элис, Питер, пукал всякий раз, когда касался пакета, а его смущенное «пардонте» было куда смешнее постоянного пуканья. Уилсон подошел к игре в коричневые пакеты со всем вниманием, что, по словам сестер, он делал каждый раз, однако и он выбыл из лиги после второго или третьего раунда.

Судя по всему, игра в коричневые пакеты была традицией в семье Уилсонов, но не традицией в Англии. Доктор Уилсон научил детей играть в нее в прошлом, и они играли в нее уже так долго, что никто из них уже не мог вспомнить, сколько именно. С рождения ребенка прошло всего два месяца, и я могла с легкостью отказаться от участия, сославшись на то, что не готова к физическим играм. Но я не хотела возбуждать в других гостях любопытство и создавать благодатную почву для вопросов, так что присоединилась и обнаружила, что мое отвращение к алкоголю было реальным преимуществом, так как мне удавалось сохранить устойчивое положение, в то время, как остальные постоянно балансировали. Финальный раунд разыгрывался между мной и Тиффой, которая несла чушь, похожую на песню «Scary Spice», и плавно шла к победе.

— Ха-ха-ха! — сказала она мне, оказавшись со мной лицом к лицу и комично скосив глаза, пока я пыталась сосредоточиться на победе. Эта Тиффа так сильно отличалась от Тиффы-знатока-искусства, что я невольно хихикнула и оттолкнула ее.

— Ты засмеялась! Ты рассмеялась над моим «ха-ха-ха», — взвизгнула Тиффа и затанцевала по кругу, размахивая в воздухе руками. — Давай сюда наклейку, Блу Ичхоук! Ты не устояла перед моим остроумием. А сейчас я должна выбрать того, кто поцелует тебя, и поцелует как следует! Уилсон! Готовь губки, дорогой!

Никто не обратил должного внимания на холодный взгляд на лице Уилсона. Мы пришли сюда вместе, в конце концов, парой, так сказать. Гости Тиффы намного больше были увлечены ее злорадством, нежели тем, что Уилсон встал и направился ко мне за тем, чтобы поцеловать.

Однако Элис с ликованием наблюдала за тем, как Уилсон наклоняется и прижимается к моим губам поцелуем, который был больше воздушным и прервался прежде, чем я успела подготовиться.

— Господи! Это просто жалко, Дарси! Тебе, что, пять? — громко простонала Элис. — И вся эта вечеринка жалкая! За всю ночь ни одного настоящего поцелуя. Только жалкие клевки, наклейки и коричневые пакеты. Боже! — громко хмыкнула Элис. Она села и указала на симпатичного парня, вокруг которого собралось большинство женщин, когда началась игра в «ха-ха-ха».

— Джастин! Ты не женат и просто великолепен. Ты бы хотел поцеловать Блу по-настоящему?

Полагаю, Элис была немного пьяна. Парень, которого называли Джастином, посмотрел на меня с интересом.

— А теперь мы с Питером покажем вам, как это делается, правда, Питер? — Элис поддела локтем своего мужа, который уснул после провала в игре в коричневые пакеты. Он ответил коротким тихим храпом. Элис с негодованием толкнула его.

— Боже! И пукает, и храпит! Очень романтично! Джастин, помоги мне!

— Помоги всем нам, Джастин, — решительно добавила Тиффа, подталкивая Джастина вперед. Все вокруг засмеялись. Все, кроме Уилсона, который напряженно стоял возле меня, не сводя взгляда с красавчика Джастина, который решил дать Элис то, чего она хочет, и теперь направлялся ко мне.

Внезапно Уилсон развернулся ко мне, обхватил мое лицо руками и запустил пальцы в мои волосы. Не сводя с меня взгляда, он наклонил голову и коснулся губами моего рта. Сначала один раз, потом второй, словно боялся, что Элис вновь затянет свое «Бо-о-оже!», если он остановится. Его губы были настойчивыми и мягкими, а его дыхание щекотало мои губы. Сердце подскочило к горлу, а разум завопил на меня, требуя, чтобы я зафиксировала каждую деталь того, о чем столько мечтала, но никогда не надеялась получить. Уилсон целовал меня!

А затем я потеряла способность мыслить. Его губы становились все более настойчивыми, его руки привлекали меня ближе к телу, его рот впился в мой и проник глубже, нежно раздвинув мои губы ищущим вход языком. И я впустила его. И затем его руки обхватили меня, и поцелуй стал чем-то большим. Он не был игрой, не был шоу, он был только наш, и комнаты вокруг не существовало.

Мы отстранились друг от друга, чтобы вздохнуть. Комната взорвалась криками и аплодисментами, а Элис начала подпрыгивать вверх-вниз на месте и хихикать, словно маленькая девочка, которая собирается сесть на колени к Санте.

— Это так мило! Дарси! Если бы ты не был моим младшим братом, я бы тоже попробовала. Питер! Вставай, чувак!

Элис повернулась к усталому супругу, который пропустил все представление.

Тиффа смотрела на нас с легкой улыбкой, словно знала все с самого начала. Ладонь Уилсона скользнула вниз по моей руке, и наши пальцы переплелись. Его уши покраснели, но он не сказал ни слова. Остаток вечера он не выпускал мою руку, и я могу поклясться, что мое сердце увеличилось в размерах. Я задыхалась, волновалась и боялась остаться одна, боялась взорваться от нового поворота событий.

Ближе к полночи Тиффа включила телевизор и раздала всем трещотки и конфетти. Судя по всему, слушать бой Биг-Бена в Лондоне, который Тиффа записала на видеомэгнитофон «Tivo», было еще одной британской традицией, поэтому все чувствовали себя как дома... в Англии. Я была не против променять Таймс-Сквер на Биг-Бен. А также всех американских парней на одного чудаковатого английского учителя. В эту минуту я была полностью очарована Британией.

Мы отсчитали секунды и увидели, как большие часы сообщают о наступлении Нового года в нашем уголке мира. Прокричали «С Новым годом!», обнялись, прокричали «ура!», и вся комната наполнилась безудержным весельем. Тиффа и Джек целовались со слезами на щеках и крепко обнимали друг друга, переходя от года ушедшего к годам грядущим. И я помогла им в этом. Я с улыбкой повернулась к Уилсону, но он отвернулся, наблюдая за весельем в комнате, но не принимая в нем участия.

— Идем, — вдруг сказал он. — Ты готова? Я хочу уйти. Мы смоемся. А завтра утром я позвоню Тиффе и поблагодарю за вечеринку.

— Ох, ладно, — кивнула я, пока он подталкивал меня к двери. Он взял наши куртки и почти выскользнул, когда Тиффа бросилась к нам с просьбой подождать. Уилсон вздрогнул, и я задумалась, отчего он так торопится уйти.

— Дарси, подожди! Не увози пока Блу! Ожидается офигенный фейерверк. Ты уже пропустил его на четвертое июля. И мы еще не определили победителя «ха-ха-ха». — Она повисла на нас, обнимая за плечи.

— Полагаю, Джастин, собрал все лавры, Тиф. — Голос Уилсона прозвучал странно, а взгляд, которым обменялись брат с сестрой, заставил мою грудь сжаться, а лицо вспыхнуть.

— Я понимаю, — мягко ответила Тиффа. Я бы тоже хотела понять. Она наклонилась, поцеловала меня и пожала руку. — Спасибо, что пришла, Блу. Для нас с Джеком ты есть и всегда будешь частью семьи. Когда будешь готова, приходи навестить Мелоди. Думаю, нам всем это пойдет на пользу. — Она стрельнула глазами в Уилсона и перевела взгляд обратно на меня. — С новым годом, дорогие.

В гараж мы спускались в тишине, лифт был на удивление забит, несмотря на то, что была почти полночь и большинство вечеринок были в самом разгаре. Мы с Уилсоном преодолевали этаж за этажом вместе с парой-тройкой других жильцов. Уилсон по-прежнему держал мою руку в своей и наблюдал за тем, как идут на убыль цифры, обозначающие этажи. Мое настроение стремительно портилось, пока я думала, что дорога домой будет полна извинений за поцелуй, который одурманил меня, как четвертого июля, или... в канун Нового года, если быть точной. Тиффа оказалась права. Фейерверки на ее балконе действительно были великолепны. Мне бы хотелось, чтобы мы остались и посмотрели на них, слились в еще одном поцелуе, пока разрывающиеся разноцветные огни наполняют небо и волшебство еще не сменилось реальностью.

Вегас был городом вечеринок, густая толпа медленно прокладывала себе путь от дома Тиффы и была похожа на рой из людей, перемещающийся из одного отеля в другой и вбирающий в себя яркие огни, нескончаемую еду и нарочитую пышность города, присутствующую здесь в избытке. К счастью, Шеффилд находился на южном конце Вегаса, благодаря чему пересекать самые плотные перекрестки было легче, поэтому в конце концов мы выехали на кольцевую, чьи повороты должны были привести нас в Боулдер-Сити. Уилсон сохранял молчание, маневрируя между пробками и людьми, но как только город и его огни остались позади, я больше не смогла выносить тишину и решила прояснить ситуацию.

— Ты целуешься как старая женщина, Уилсон.

Машина резко повернула, и нас слегка потрянуло, Уилсон выругался и выровнял транспортное средство, его голова вертелась между мной и дорогой.

— Мудак! — выплюнул Уилсон, а затем рассмеялся и застонал, проведя по лицу ладонями в явном смятении. — Ну, а ты нет.

Мое сердце затрепыхалось, а желудок ухнул вниз при этих словах.

— Так в чем проблема?

— В этом и проблема.

— Получается, если поцелуй со мной похож на поцелуй с одной из Золотых девчонок, то с миром все в порядке? Потому что именно так чувствовала себя я, и мне понравилось, а тебе, по-видимому, нет.

— Золотые девчонки? — очевидно Уилсон не смотрел американских сериалов.

— Ну... может, не одну из них, а... принца Чарльза, — поддразнила я.

— Но не Камиллу же? Пожалуйста, скажи мне, что это не было так, словно целуешься с Камиллой, — настойчиво потребовал он.

Я усмехнулась. Бедная Камилла.

— А ты целовал меня так, как поцеловал бы Викторину Бэкхем? — поддела его я. — Тиффа рассказала мне, как ты сходил по ней с ума, когда тебе было семь.

— Ну, да, конечно. Теперь я точно знаю, как это, когда целуешь Викторину Бэкхем.

— Значит, целуя меня, ты думал о Викторине Бэкхем? Это почти также хорошо.

— Нет, Блу. Не думал. К сожалению, я отдавал себе отчет в том, кого я целую, а также почему мне не следует целовать ее.

Мои попытки избежать серьезного обсуждения «поцелуя» определенно провалились. Уилсон не отрывал глаз от дороги до самого дома, и я подавила желание попросить его объясниться и оправдать свой грубый отказ. Если в нем боролись чувства

ко мне, то после такого ему следовало бы разобраться в них. Я отказывалась подпитывать его сожаление. Также, как и оспаривать его. Я провела в каменном молчании весь остаток пути. Он подъехал к дому, припарковался, повернул ключи и одновременно развернулся ко мне.

— Я проходил вместе с тобой так много рубежей. Ради всего святого, я был твоим учителем! Моя сестра удочерила твоего ребенка! Все это так запутанно и сложно, и я не хочу усложнять все еще сильнее. Дружба, которая у нас есть, восхитительные интимные моменты, которые мы разделили, и тот факт, что ты мой арендатор...я могу рационализировать все это. Могу оправдать... до тех пор, пока к этому не примешивается романтика. Сегодня, поцеловав тебя, я превратился из друга, учителя, советчика, чертового отца, — последнее он произнес с явным отвращением, — в кого-то совершенного другого, и я должен извиниться перед тобой. Не знаю, о чем я думал, позволив Элис манипулировать собой.

— Отца? Черт возьми! — Теперь я была в ужасе. — Это так ты видишь наши отношения? Фу, Уилсон! — Я выскочила из машины и взбежала вверх по ступенькам, не дожидаясь его. Конечно, я бы не убила Уилсонапо-настоящему, но в этот момент я была готова придушить его. Я услышала, как он подходит ко мне сзади, и набросилась на него, пока мы поднимались по парадной лестнице.

— Для протокола, Уилсон, ты *был* мой учителем. Когда-то. Ты стал мне другом. Я не ребенок и не твоя студентка. Я взрослая женщина, младше тебя меньше, чем на три года. Ты не только целуешься как пожилая женщина. Ты еще и ведешь себя так же! Твой поцелуй не имел значения! Он не был неуместным, это была просто глупая игра. Так что расслабься!

Я всегда гордилась своей честностью. И что же теперь? Вру, стиснув зубы. Правда же состояла в том, что поцелуй *имел* значение. Огромнейшее значение. И Уилсон определенно не целовался как старая женщина. Но он не должен был узнать правду. Не сейчас. Не после того, как все испортил.

Глаза Уилсона смотрели на мой рот, и я могла поспорить, что внутри него ведется борьба: закрепить свой поцелуйный успех или позволить мне успокоить его совесть. Выбрать оба варианта он никак не мог. Либо поцелуй был очень важен, тогда получалось, что мы состоим в абсолютно других отношениях, нежели он думал, либо поцелуй был просто игрой друзей, а он мог притвориться, что все чисто и несложно. В этом случае он был просто хорошим парнем, который присматривает за Блу Ичхоук.

Он медленно приблизился ко мне и остановился чуть ниже так, что я оказалась всего на ступеньку выше, чем он. Теперь наши глаза находились на одном уровне, также, как и наши губы.

— Значит поцелуй ничего не значил? — мягко произнес он.

— Просто глупая игра, — ответила я, так же спокойно.

— Тогда почему мне хочется поцеловать тебя снова?

Мое сердце забилося так сильно, что его удары начали эхом отдаваться в голове.

— Может быть, ты хочешь доказать мне, что ты не старая женщина?

— Да... возможно. Я хочу показать тебе, что я все-таки мужчина, способный подарить тебе поцелуй, который не вызовет у тебя ассоциаций с вязанием крючком и мешковатыми чулками.

— А еще с тальком и зубными протезами.

Уилсон выдохнул.

— Должно быть, так.

Мои глаза в волнении закрылись, когда он прихватил сначала мою нижнюю губу, а затем верхнюю. Затем он раздвинул мои губы легким толчком языка, нежно пробуя меня. Его язык встретился с моим, и мы застыли, соприкасались и двигались лишь наши губы. Мы оставались в таком положении несколько минут, наши тела находились в нескольких дюймах друг от друга, руки были вытянуты по швам, мы были полностью сосредоточены

на наших встретившихся губах. Поцелуй был медленным, сладким, томным, точно кот, растянувшийся на солнце.

А затем все закончилось. Я оставалась неподвижной, желая, надеясь, что он снова найдет мои губы. Но он не сделал этого. Мои глаза с трудом открылись, не желая верить в окончание ошеломляющего поцелуя. Уилсон смотрел на меня с легкой улыбкой на губах.

— Получи, Камилла, — прошептал он. Не говоря больше ни слова, он обошел меня, поднялся по ступенькам и отпер дверь. Он придержал ее, ожидая, когда я повернусь и присоединюсь к нему. Мои мышцы обмякли, я не могла поднять веки. Небо было настолько чувствительным, словно я съела арахисовое масло, находясь в коме.

Уилсон проводил меня до моей двери и прошептал:

— Спокойной ночи, Блу.

Я не ответила. Просто наблюдала за тем, как он поднимается к себе в квартиру, и гадала, как ему удалось оставить за собой последнее слово.

В течение всего следующего месяца Уилсон продолжал избегать меня. Возможно, он был занят, возможно, новый семестр вынуждал его работать допоздна. Несколько ночей я слышала его шаги в квартире сверху после девяти вечера. Полагаю, жизнь преподавателя была неблагоприятной. Но я подозревала, что за поцелуем на Новый год и стремлением держаться от меня подальше стояло нечто большее, нежели завал на работе. Само собой, там была Памела.

Памела вернулась из Англии, вновь проложив себе дорожку в жизнь Уилсона и занимая собой все его свободное время. Они ходили в кино, на ужины и даже играли в теннис по выходным. Я никогда не держала в руках теннисную ракетку. Полагаю, мы не смогли бы играть парами. Плюс ко всему, у меня не было партнера. Я не могла представить себе, чтобы Беф была хороша в теннисе, а ведь она, помимо Уилсона и Тиффы, была моим лучшим другом. И это было чертовски грустно.

Глава 24 Радужный

А затем позвонили из лаборатории.

Я отработала в кафе семь восьмичасовых смен, а когда я не была в кафе, я была в подвале, барахтаясь в том пространстве, которое было мне предоставлено. Уилсон держался на расстоянии. Единственное взаимодействие с ним происходило по ночам, когда я сидела под вентиляцией и слушала, как он играет на своей виолончели. Я старалась отучить себя даже от этого, просто потому, что музыка насмеялась надо мной, заставляя чувствовать себя обделенной и отвергнутой. Однако ночь за ночью, я обнаруживала себя сидящей с поднятой головой, терзаемой музыкой и проклинаяющей Уилсона с его пространством.

Не то чтобы я забыла о результатах ДНК теста. Я не забыла. Просто не ждала их с таким вожелением. Поэтому, когда раздался звонок, я оказалась совершенно не готова.

— Блу Ичхоук?

— Да, это Блу.

— Это Хайди Морган из криминалистической лаборатории Рино. Мы получили результаты.

Мое сердце забилося как сумасшедшее.

— Хорошо. — Мои губы онемели, и это простое слово было единственным, что я смогла выдать.

— Есть совпадения, Блу. Мы хотели бы, чтобы ты снова приехала в Рено.

— Хорошо, — повторила я. Есть совпадение. Они узнали, кем я была. — Мне... мне нужна минута на раздумье. Мне нужно отпроситься с работы и купить билет на

самолет и... мне нужно подумать, — выдавила я, звуча нелепо даже в своих собственных ушах.

— Конечно, — тепло отозвалась Хайди Морган. — Позвони нам, когда утрясешь свои планы. Я буду на связи с детективом Муди и сержантом Мартинезом. Все довольно взволнованы, Блу. Такие вещи происходят не часто.

Я пообещала быть на связи, повесила трубку и обмякла в своем старом кресле, которое стояло под вентиляцией в ожидании очередной полночной симфонии. Я постаралась успокоить бешено бьющееся сердце и задышала вопреки нервному состоянию, из-за которого кусала ногти и впиалась ногами в пол. Я должна была поделиться с кем-то. Я должна была поделиться с Уилсоном. Но его не было дома, а я была на него зла. Не дав себе возможности переубедить себя, я схватила ключи и направилась к двери. Мне нужно было увидеть Тиффу.

У входа в здание, в котором жила Тиффа, стоял швейцар, и я подумала, что это к лучшему, так как он сможет предупредить Тиффу о том, что я поднимаюсь, и это даст ей время подготовиться к моему неожиданному визиту. Но она сразу открыла дверь и затащила меня в дом с горячими объятиями и диковатой улыбкой.

— Блу! Вот хулиганка! Почему не предупредила, что придешь? Я бы заказала ланч и шампанское по такому случаю! И сменила бы блузку! Мелоди все время на нее срыгивает. Кстати, срыгивает она на все подряд, так что берегись. Ну, а кроме того, я могла бы сменить подгузник, чтобы достойно встретить тебя в первый раз! Но раз так, тебе придется терпеть нас — вонючих и голодных. — Смех Тиффы окутал меня, как мягкий бриз, и я расслабилась, позволив ей затащить себя в спальню.

Детская Мелоди напоминала сад с бабочками и птицами, распутивших свои крылья на стенах и сидящих на ветках цветущих деревьев. Из дыры в стволе высовывался бурундук, а семейство кроликов прыгало по стенам над светло-зеленым плюшевым ковром. Потолок был голубым небом, в котором плавали большие белые облака и летела куда-то крошечная гусиная стая в форме буквы «V». Мудрый старый филин, сидящий на ветке, что располагалась прямо над колыбелькой, смотрел на нее сверху вниз, а сама колыбель была драпирована зеленой тканью оттенка морской волны, усыпана розовыми цветами и напоминала маленький весенний холм. Вдоль комнаты были расставлены чучела животных из мультфильма «Бемби», а в одном из ее углов примостился гигантский белый плюшевый медведь с подушками в виде цветов.

Все это выглядело просто волшебным. У каждой маленькой девочки должна быть такая спальня. Лежащая в колыбели малышка привлекла мое внимание. Она издавала булькающие звуки и дрыгала своими пухлыми ножками. Черные волосы, которые достались ей при рождении, стали светло-коричневыми и отросли вдвое. Я смотрела на нее всего пару секунд, но эти секунды отпечатались в моей памяти. Этот ребенок сильно отличался от образа в моей голове. Но у нее были голубые глаза. Она улыбалась и ерзала, ее ручки и ножки дрыгались, и я поняла, что улыбаюсь ей в ответ и моргаю, потому что глаза неожиданно наполнились слезами. Вопреки моим ожиданиям, сожаление, которого я так боялась, которого страшилась и которого избегала, не обрушилось на меня. Слезы в моих глазах символизировали скорее облегчение, нежели грусть, и я благодарно сжала руку Тиффы, не умея выразить эту благодарность словами.

— Она...такая...такая, — сбивчиво проговорила я.

— Восхитительная, — закончила Тиффа, ее глаза тоже были полны слез, когда она притянула меня к себе и крепко обняла. — Восхитительная, да. Грязные пеленки и все такое. Дай-ка я поменяю ей подгузник, а потом ты сможешь подержать ее.

За три месяца Тиффа стала настоящим профессионалом в смене памперсов, снимая грязный подгузник и откладывая его в сторону, она ворковала и болтала с Мелоди, пока та, старалась сфокусировать свои глазки на ее лице. Тиффа позволила мне присыпать

розовую попку Мелоди присыпкой, и мы обе громко чихнули, когда я слегка перестаралась.

Тиффа засмеялась.

— Ты прямо как Джек. Он говорит, что присыпки для младенца много не бывает. И когда папочка на дежурстве, Мелоди извергает ароматные пуки всякий раз, как дернется.

Тиффа подхватила Мелоди и вручила ее мне.

— Вот. Присмотри-ка за ней, пока я схожу за бутылочкой. — Тиффа припала к моей щеке, поцеловала Мелоди в жидкие волосики и вылетела из комнаты прежде, чем я успела возмутиться. Я напряженно облокотилась на край колыбельки. Если не считать тех нескольких секунд после рождения Мелоди, я никогда не держала малышку на руках. Я старалась не прижимать ее слишком сильно, но и не выпускать, однако ее личико сморщилось от недовольства, и нижняя губа задрожала так, словно она готовилась зарыдать.

— Поняла. Поняла. Тебе не нравится это положение. Давай поменяем. — Я поспешила угодить ей, пристроив ее голову к себе на плечо, одну руку я положила на ее затылок, а вторую на спину. Она тут же ухватилась за мою щеку и стала отчаянно сосать ее. Я вскрикнула, отстраняя ее, но она тут же переключилась на мой нос.

— Тиффа! Спаси! Она схватила меня за нос! — засмеялась я, стараясь отделаться от маленькой пиявки. Она тут же начала рыдать, и я поспешила развернуть ее лицом наружу, прижав ее затылок к своей груди. Ходя по комнате, я слегка покачивала ее и разговаривала так, как делала это Тиффа.

— Погляди-ка, Мелоди. Это же кролики! Маленькие серые кролики, такого же цвета, как глаза дядюшки Уилсона. — Я тут же остановила себя. И откуда взялись эти мысли? Я переключилась на другую яркую деталь комнаты. — Ого! — продолжила я приторно-сладким голосом. — Это же крошка барсучок. Он ищет, Мелоди. Он видит тебя, Мелоди.

Мелоди перестала плакать, и я продолжила ходить по комнате, укачивая ее в своих руках.

— Крошке барсучку стоит быть осторожнее. Мистер Филин смотрит на него, а филинам очень нравится поедать барсуков! — Я прикусила язык. Должно быть, это звучало устрашающе. Попробуем снова.

— Совы единственные птицы, которые различают голубой цвет. Ты знала об этом, Мелоди?

— Серьезно? — Тиффа вошла в спальню, энергично тряся бутылочку в правой руке. — Это правда?

— Да. По крайней мере, мне так кажется. Джимми, мой отец, любил птиц и знал про них множество интересных вещей. Конечно, я забыла большинство из того, что он рассказывал мне, но это было нашей с ним шуткой. Я наивно полагала, что раз совы единственные птицы, способные различать голубой цвет, то для остальных я должна быть невидима.

Тиффа улыбнулась.

— Потому что твое имя означает «голубая».

— Да. Я думала, что это здорово.

— Невидимость не помешала бы, правда? — Тиффа всучила мне бутылочку, но я отказалась.

— Пожалуйста, покорми ее сама. Она голодна, а я не хочу, чтобы она снова плакала. Она пыталась извлечь молоко из моего носа!

Тиффа усмехнулась, взяла у меня Мелоди и облокотилась на колыбельку. Мелоди начала жадно сосать. Мы с Тиффой наблюдали за ней, наши взгляды были прикованы к ее счастливому лицу и щекам, которые то втягивались, то надувались, вбирая в себя содержимое бутылочки, которое так ей нравилось.

— Кстати, о невидимости, — тихо произнесла Тиффа, не отводя глаз от личика Мелоди. — Я слегка обескуражена твоим визитом. Счастлива, но удивлена. Что произошло, Блу?

— Сегодня звонили из лаборатории. У них есть совпадения. Они знают кто я, Тиффа. Они знают, кем была моя мать. Они хотят, чтобы я приехала в Рено.

— Ох, Блу, — произнесла Тиффа с протяжным вздохом. Ее взгляд был полон сожаления, и я почувствовала, как к горлу подступает ком. Я шумно сглотнула и постаралась рассмеяться.

— Надеюсь, мой бешенный взгляд и состояние, близкое к панике, не напугали тебя. Мне нужно было с кем-то поделиться. А еще я думала о Мелоди, о том, что хочу получить эти ответы для нее, даже если бы сама я предпочла никогда об этом не знать.

— Я очень рада, что ты решилась на это. Самое время. И у тебя не безумный взгляд, и ты не в панике. Ты всегда собрана, Блу Ичхоук. Я хорошо разбираюсь в человеческих реакциях, но ты всегда так сдержана и закрыта. О чем это говорит? В тихом омуте черти водятся. И в этом вы с Дарси очень похожи.

Когда я не ответила, Тиффа лишь раздраженно покачала головой, словно мое молчание подтвердило ее выводы.

— Он приходил вчера, кстати, — обыденно сказала Тиффа. — Мне кажется, он влюбился.

Мое сердце ушло в пятки. И очевидно, мои эмоции отразились на моем лице, потому что Тиффа внезапно перестала качать колыбель.

— Что? Блу, что я такого сказала?

— Ничего, — соврала я, качая головой. — Я догадывалась об этом.

Тиффа в замешательстве склонила голову на бок.

— Догадывалась, о чем?

— Что он влюбился, — бесцветным тоном ответила я. Мне стало не по себе.

— Он влюбился в Мелоди! — воскликнула Тиффа, в неверии качая головой. — Ты бы видела свое лицо. О ком, ты думала, я говорила? О Памеле?

Я уставилась на свои ботинки, не желая отвечать.

— Блу, что, ради всего святого, с вами происходит? Я думала, что после Нового года вы, наконец, признались в том, что у вас есть чувства друг к другу. Это же очевидно. Я спросила Уилсона о тебе вчера, а он повел себя как дурак. Я ничего не поняла.

— Да уж. Уилсон, должно быть, редкая птица. Явно не филин, потому что для него я абсолютно невидима.

— О, дорогая, — вздохнула Тиффа. — Мой брат — истинный сын своей матери. Пусть не биологически, но зато во многих других моментах. Его понятия о пристойности сильно устарели. Я была поражена, что он сблизился с тобой так сильно. А тот поцелуй? Мы с Элис судачили о нем в течение нескольких дней.

Я отвернулась, чувствуя себя некомфортно из-за поворота, который приняла беседа, но Тиффа продолжила раскачиваться на колыбели и говорить.

— Моему брату нужен толчок. Он произошел, когда мы соблазняли тобой Джастина. Может, тебе пора расправить крылья и потребовать, чтобы он сделал выбор?

Тиффа улыбнулась, похлопав Мелоди по спине. Бутылочка давно опустела, и Мелоди, похрапывая, срыгивала молоко, струйкой стекающее из уголка ее рта.

— Я тут работала кое над чем и не хотела говорить тебе, пока все не станет ясно. У меня был художник, которого мы должны были выставить в Шеффилде в следующую субботу. Но он решил, что хочет пересмотреть контракт, и так допересматривался, что вылетел за дверь. Так случилось, что твои работы подойдут к общей выставке. Полагаю, твои работы будут выставлены. Я придержала «Женщину-птицу» и некоторые другие скульптуры, потому что, как мне кажется, они требуют особой публики. Думаю, мы сможем продать «Женщину-птицу» за 5000 долларов на выставке, и она сможет провести месяцы в галерее.

Я вздохнула. Тиффа бросила на меня короткий взгляд.

— Это торговля, дорогая. Однажды твои работы будут продаваться по куда большей цене, уверяю тебя. У меня остались только «Женщина-птица», «Рубикон», «Ведьма» и та, которую ты называешь «Броней». Все они восхитительны, но мне нужно больше. У тебя есть наготове еще что-то?

Я как раз закончила скульптуру «Святого». Это был Святой Патрик, увековеченный в дереве, хотя сгорбленный человек со скарбом пастуха, идущий сквозь танцующие вокруг языки пламени, мог ошибочно быть принят за кого угодно. Скульптура, которую Уилсон окрестил «Потерей», также находилась в подвале, скрытая от моих глаз простыней. Она была, пожалуй, лучшей из моих работ, но смотреть на нее было больно. Было еще несколько работ, включая переплетенные ветки, над которыми я яростно трудилась месяц назад.

— Могу предоставить десять скульптур.

— Чудненько. Отдай их мне, и я все устрою. И Блу. Не говори Дарси. Это будет наш маленький секрет.

Поздно вечером в четверг я закончила смену в кафе и направилась домой, мои мысли занимала субботняя выставка, на которой я буду выставяться, и звонок в Рено, который я все еще не совершила. Они, должно быть, думают, что я сумасшедшая. Детектив Муди оставил два сообщения на моем автоответчике, и я получила еще одно от Хайди Морган из лаборатории. Я пообещала себе связаться с ними после выставки.

Сильнее всего я колебалась из-за Уилсона. Мы проделали этот путь вместе, а в последний месяц я почти не видела его. Он стал моим лучшим другом, я сильно скучала по нему и злилась на то, что он сторонился меня. Я решила, что слово «пространство» принадлежит к тем слоганам в духе «дело не в тебе, дело во мне», который люди используют, когда хотят закончить отношения. Но дружба-то заканчиваться не должна. Я бы предпочла, чтобы этого чертового поцелуя вообще не было. С того момента Уилсон сильно изменился.

Я стояла возле двери в свою квартиру и проверяла почту, когда услышала, как открылась и захлопнулась надо мной дверь Уилсона. Я напряглась, прислушиваясь к его шагам наверху, а затем сморщилась, услышав голос Памелы, которая спрашивала о выставке в Шеффилде в эту субботу.

— Я видела билеты. Ты хочешь устроить мне сюрприз? Это мой подарок на День Святого Валентина? — поддразнивала она, и ее кокетливый тон пробуждал во мне желание взлететь вверх по ступенькам и перекинуть ее через перила. Очевидно, она не догадывалась о моем зверском мотиве, потому что продолжила говорить.

— Перед этим могли бы поужинать с моими родителями. Они приедут в отель на следующей неделе. — А я и забыла о связи Памелы с отелем. Тиффа говорила, что семья Шеффилдов больше не являлась единственными владельцами отеля, однако деньги сделали свое дело, поэтому он все еще носил их имя.

Уилсон и Памела спустились вниз, а я отскочила в сторону, надеясь, что они не заметили меня. Нужно было войти в квартиру и закрыть дверь. Но теперь я не могла этого сделать, не обнаружив своего присутствия. Поэтому я замерла, наблюдая за тем, как Памела обвивает шею Уилсона руками и приподнимается на цыпочки, чтобы запечатлеть на его губах быстрый поцелуй. Я отвернулась. А следовало бы посмотреть, чтобы раз и навсегда убедиться, что это она девушка его жизни. А я соседка. Проект. Прихоть? Я понятия не имела кем прихожусь Уилсону.

— Увидимся в субботу? — спросила Памела.

Ответа Уилсона я не услышала, так как была слишком занята отпиранием двери. Я решила, что мне плевать, обнаружат они, что я здесь, или нет. Я захлопнула за собой дверь. Когда спустя несколько минут в нее постучали, я предпочла не обращать на стук

внимания. Это мог быть только Уилсон, а его присутствие только усугубит мое состояние. Но я была девушкой. И парень, который мне нравится, сейчас стоял по ту сторону двери. В общем, я открывала.

— Привет, — радостно поздоровалась я, словно не видела того, что только что произошло. Уилсон, отнюдь, не выглядел как человек, который наслаждается поцелуем на ночь. Он был слегка расстроен. И слегка встревожен. Я постаралась не придавать этому значения.

— Привет, — мягко ответил он. — Я могу поговорить с тобой минутку?

— Конечно. *Mi casa es su casa* (прим.переводчика — *Мой дом — твой дом*)...в буквальном смысле этого слова. — Я развернулась и прошла вглубь своей квартиры, чувствуя его за своей спиной.

— Камилла только что ушла? — многозначительно спросила я. Когда Уилсон не ответил, я подняла взгляд и вопросительно посмотрела на него.

— Камилла? — усмехнувшись спросил он, скрещая руки. — Ты спросила, ушла ли только что Камилла?

— Неужели я так сказала? — нахмурилась я.

— Да. Ты назвала Памелу Камиллой.

— Хм-м-м-м. Оговорочка по Фрейду, — пробормотала я слегка смущенно. Это не моя вина. Я думала о поцелуях, а поцелуи в последнее время наводили меня на мысли о Камилле...и Золотых Девчонках.

Скульптура, над которой я работала во время нашего последнего разговора, стояла на моем кухонном столе, и Уилсон внезапно остановился возле нее. Он стал внимательно рассматривать ее, вертя то так, то эдак, а я была выбита из колеи, зная, что любое упоминание о Камилле должно напомнить ему о произошедшем между нами больше месяца назад.

— Расскажи, что ты чувствуешь, когда смотришь на эту скульптуру? — попросил Уилсон позднее, проследив взглядом за чувственными линиями на окрашенной поверхности красного дерева. Он почтительно провел рукой по его контурам.

Я убрала с ветвей все лишнее, вырезав углубления и сухожилия и придав им форму двух слившихся в объятии влюбленных, при этом сохранив изначальную естественность веток. Это были ветви красного дерева красно-коричневого оттенка. Одну из веток я украсила черными пятнами, и она засияла, как черная камышовая кошка, золотые тона смешивались с черными пятнами, благодаря чему последние выглядели так, словно подсвечивались солнцем. Вторую ветку я не стала дополнять черными пятнами, а просто ошкурила и отполировала красно-золотую поверхность, пока она не заблестела, как янтарь. Эффект заключался в том, что две части скульптуры выглядели как два разных вида древесины, две разные ветки с двух разных деревьев. Результат говорил сам за себя.

Я отвернулась. Я ощутила жар и злость, грудь сдавило от мысли, что Уилсон, по-видимому, всегда будет возбуждать во мне волнение.

— Я бы не хотела этого делать.

— Почему? — Уилсон был искренне смущен моим отказом, так как раньше я с большой охотой обсуждала с ним свои скульптуры.

— Зачем тебе мои объяснения? Что *ты* видишь, когда смотришь на нее? — сердито сказала я.

Уилсон убрал руку со скульптуры и схватил меня за косу, которая лежала на моем плече. Он нежно потянул за нее, обмотав вокруг своей руки, как бывало.

— Что не так?

— Все в порядке. Я занята, — возмутилась я. — И мои работы отнюдь не то, что я вижу. Они — то, что я чувствую. И в данный момент я не настроена обсуждать свои чувства. — Я попыталась высвободить волосы из его руки, но он сжал их крепче, подтянув меня к себе.

— Я вижу части тела, любовь и страсть, — бесцветно произнес Уилсон. Я перестала сопротивляться и посмотрела на него. Его взгляд был распахнутым и открытым, но челюсти сжаты, как если бы он знал, что пересек невидимую черту, которую сам же и нарисовал.

— Я не удивлена, что ты видишь именно это, — мягко сказала я.

— Почему? — У него был напряженный взгляд, и я внезапно разозлилась. Я была влюблена в Уилсона, сомнений не было, но я не игрушка и, черт возьми, не намерена делать влюбленное лицо через пять минут, после ухода Памелы.

— Ты только что провел вечер с Памелой, — сладким голосом напомнила я. — Она красивая женщина.

Глаза Уилсона вспыхнули, он отбросил мою косу и отвернулся к скульптуре. Я могла поклясться, что он мысленно считает до десяти. Но если я разозлила его, он сам виноват. Что, он думал, я стану делать? Повисну на нем после того, как он игнорировал меня несколько месяцев? Нет, я не такая. Хотя он, возможно, думал, что такая. Я сделала несколько глубоких вдохов и проигнорировала, возникшее между нами напряжение. Оно было настолько плотным, что его можно было бы нарезать и подать с большой долей отрицания. Он сделал несколько шагов, сжав рукой волосы и установив дистанцию между нами.

Я осталась на месте в ожидании его следующего движения. Я не понимала, что он здесь делает. И он, по-видимому, тоже. Когда он взглянул на меня, его рот искривился в усмешке, а глаза были полны мольбы, словно он пытался убедить меня в чем-то.

— Ты сказала, что твои работы — это то, что ты чувствуешь, а не то, что видишь. Я рассказал тебе, что вижу я. Теперь ты Расскажи мне, что ты чувствуешь, — потребовал он.

— О чем мы говорим, Уилсон? — парировала я. Я подошла к нему, засунув руки в карманы. — Мы говорим о скульптуре?

Он наблюдал за моим приближением, но я не останавливалась до тех пор, пока мы не оказались почти прижаты друг к другу.

— Если речь о скульптуре, что ж, ладно. Я вижу желание, обладание и любовь без расстояний. — Я произнесла эти слова точно экскурсовод в музее, сделав ударение на слове «расстояние». — Что я чувствую? Что ж, это просто. Я работала не покладая рук несколько дней, я устала, Уилсон. А еще голодна. И мне не нравится Памела. Вот, что я чувствую. А ты?

Уилсон смотрел на меня так, словно желал трясти до треска в зубах. Но он только покачал головой и направился к двери.

— Прости, что спросил, Блу, — вздохнул он.

Он говорил усталым и смиренным тоном, как те папаши из телешоу, которые хотят расположить к себе своих десятилетних дочек.

— Доброй ночи, Блу.

Я была слишком сконфужена и сбита с толку, чтобы ответить. Он покинул мою квартиру, не сказав ни слова.

Глава 25

Электричество

Я потратила до смешного много времени на завивку волос. Когда я закончила, они превратились в блестящие темные волны, струящиеся по моей спине. Я позаботилась о ярком макияже, куда более ярком, чем тот, что я носила уже в течение нескольких месяцев. Я подумала, что он подойдет для художницы на ее первой выставке. Предпочтение я отдала коктейльному платью, чей электро-синий цвет сочетался с цветом моих глаз. Оно не было слишком дорогим, но я была уверена, что оно не выглядит дешево. У него были короткие рукава и высокий вырез, а на спине драпировка, ниспадающая до самой талии. Оно подчеркивало изгибы моей фигуры, заканчивалось чуть выше колена и не было слишком обтягивающим или соблазнительным. К платью я подобрала босоножки

на экстремально высоком каблуке. Я считала, что хорошо выгляжу и слегка вскрикнула, когда была готова. Я выглядела по-взрослому, соблазнительно, но элегантно, как Тиффа. Я подождала за дверью, чтобы услышать, когда Уилсон выйдет из своей квартиры. Если они с Памелой собирались на ужин к ее родителям, значит он скоро должен был выйти. Мое ожидание не продлилось долго. Уилсон вышел из квартиры и стал спускаться по лестнице ровно в 18:30.

Я спокойно открыла дверь и направилась к входной двери, чтобы оказаться у подножия лестницы до Уилсона. Он рылся в своем телефоне, но стоило ему слышать стук моих каблучков, как он поднял взгляд и вытаращил глаза. Я постаралась не улыбнуться. Я отчаянно ждала этой реакции. Он мог бы думать обо мне все время, пока Памелы не было рядом. Я надеялась, что у него бывали такие дни. Его взгляд скользил по мне сверху вниз и, кажется, задержался на ногах. Я приложила огромные усилия к тому, чтобы не усмехнуться. Вместо этого я прокашлялась. Его взгляд пересекся с моим, и он сердито взглянул на меня. Погодите-ка. Это не то, чего я ожидала. Смушение, заикание, комплименты — вот какой должна была быть его реакция. Сердитый взгляд в эту картину не вписывался.

— Ты куда-то собралась? — Его голос прозвучал забавно. Почти сердито.

— На улицу, — легко ответила я.

— Я вижу, — сказал он с непонятной интонацией. — Это платье слишком короткое.

— Да что ты? — скептически хохотнула я. Я посмотрела на подол, который отнюдь не был коротким. — И почему, собственно, ты беспокоишься о длине моей юбки?

— Я не беспокоюсь, — резко ответил он. Очевидно, беспокоился. Может, он ревновал? Тогда это хорошо. Очень даже хорошо. Я вздохнула и прошла мимо него к двери. Мои волосы скользнули по моей обнаженной спине. Уилсон выругался.

— Черт подери! Ты опять за старое, да?

Уилсон обескуражил меня. Я застыла. Меня пронзила боль, и я развернулась к нему. Его лицо было подобно граниту, глаза холодны, челюсти сжаты. Руки скрещены на груди, ноги широко расставлены, словно он готовился к моему возвращению.

— Что ты имеешь в виду, Уилсон? За какое такое старое? — Мой голос был тихим и сдержанным, но внутри меня раздирало на части.

— Ты прекрасно поняла, что я имел в виду, Блу. — Он говорил резко, его слова ранили.

— Ох, я понимаю, — прошептала я. И я действительно понимала. Все было написано на его лице. Отвращение. Он не видел во мне гламурную диву, идущую на классную выставку. Он видел безвкусную девочку-подростка с грязным прошлым в костюме, подходящем для ночи на углу.

— Я вернулась на путь шлюхи. Должно быть, ты это имел в виду. — Я презрительно вздернула тонко выщипанную бровь, ожидая, когда он поправит меня. Он отвернулся, не проронив ни слова.

Я с отвращением отвернулась и резко дернула входную дверь.

— Блу!

Я не повернулась, но остановилась, ожидая извинений.

— Я не собираюсь смотреть, как ты разрушаешь себя. Если это тот путь, по которому ты хочешь идти, я тебе не помощник, — голос Уилсона был жестким, почти чужим.

Я покачала головой, не в силах произнести ни слова. Откуда это? Что я такого сделала, что сейчас он ведет себя, как ханжа или мой родитель? Мне захотелось накричать на него, выцарапать ему глаза и объяснить, какой он придурок. Но я больше не хотела быть такой девушкой. Вне зависимости от того, что он думает, я больше не такая. Поэтому я развернулась и встретилась с его взглядом.

— Полагаю, жребий брошен, а?

Развернувшись, я вышла из здания с прямой спиной, но дрожащим подбородком. Я не знала, наблюдает ли он за тем, как я ухожу. Я не смотрела ни вправо, ни влево, двигаясь только вперед. Я не плакала. И не злилась. Просто ехала с непроницаемым выражением лица в отель.

Тиффа сказала мне подъехать на пункт парковки автомобилей, что я и сделала, ничуть не стыдясь своего старенького расшатанного пикапа. Я вышла из машины так, словно была королевской персоной и отдала ключи гостиничному служащему, не забыв сказать о том, чтобы он «не поцарапал мою малышку». Мужчина оказался мастером своего дела и даже ухом не повел. Мне импонировала его способность скрывать свои чувства, и я поклялась, что сегодня вечером буду так же скрывать свои. Это был талант, в котором я потеряла хватку.

Я прошла через двери и спросила у первой важной персоны, которая попалась мне на глаза, где проходит выставка. Он направил меня к лифту и сказал, что нужно спуститься вниз на этаж галереи, обозначенной кнопкой «G». В груди поднялась паника, на мгновение мне захотелось сбежать. Скинуть туфли и броситься к дверям. Я сжала зубы и вошла в лифт вместе с другими официально одетыми людьми. Я уставилась на себя в зеркало, стараясь не видеть того, что увидел Уилсон. Мое удовлетворение своим внешним видом разлетелось на крошечные, порочные осколки. Несомненно, мое отражение смотрело на меня в ответ. Глаза выглядели очень большими, а румянец исчез со щек вместе с радостью, которую я больше не испытывала. И о чем я думала?

Тиффа подлетела ко мне, как только я вышла из лифта. Помещение было заполнено мягким стратегическим светом и с умом размещенными арт объектами. В самом центре располагалась огромная картина с рыдающим лицом. Слезы выглядели так реалистично, что блестели на свету.

— Блу! Ты превосходно выглядишь! Просто ослепительно! А где Дарси? — Тиффа посмотрела мне за спину на двери лифта, которые тяжело закрылись. — Он просто умрет, когда увидит здесь твои работы. Не могу дождаться! — Она по-девчачьи взвизгнула, и я почувствовала, как меня накрывает сильной волной любви. Но, как и в прилив, волны любви, к моему сожалению, ушли обратно в море, а мои мысли вновь вернулись к Уилсону.

— Я не сказала ему.

— Да, дорогая, я знаю. Я пригласила его, — театрально шепнула Тиффа. — Я сказала ему, что он непременно должен прийти сегодня. Я сказала, что здесь будет талантливый художник, работы которого он обязательно должен увидеть. Я отправила ему билеты и все такое. Он что-то испортил?

Можно и так сказать. Я чувствовала себя почти испорченной.

— Я не знаю, какие у Уилсона планы, — ответила я ровно и холодно, брови Тиффы взметнулись вверх. Это было не совсем так, но я не стала уточнять.

— Хм-м. — Ее глаза скользили по моему лицу. Она поджала свои красные губы, размышляя. — Он все испортил, — только и сказала она. Затем она обвила меня руками и потянула за собой. — Пойдем, я покажу тебе, как мы расставили твои работы. Они восхитительны, Блу. Уже куча людей о них спрашивала. Ты уже хит. — Я позволила ей увлечь себя, поклявшись, что забуду об Уилсоне и о том, как он смотрел на меня. Я была «хитом», как сказала Тиффа, и сделаю все, чтобы насладиться моментом, фантастическим моментом.

«Женщина-птица» была расположена в самом углу. Она стояла на черной платформе. Верхняя подсветка превращала дерево в жидкое золото. На мгновение я посмотрела на скульптуру со стороны зрителей, и у меня перехватило дыхание. Эффектно раскрытая древесина лишь отдаленно напоминала женщину с расправленными крыльями. Вот почему я ненавидела давать названия своим работам. Название ограничивало их. Я не хотела этого. Я хотела, чтобы люди интерпретировали их так, как видят, без влияния с моей стороны.

Вокруг скульптуры стояло несколько человек, которые склоняли головы то так, то эдак. Мое сердце билось так сильно, что могло вызвать землетрясение в помещении, затронув присутствующих.

Тиффа подплыла к мужчине, который, казалось, был очарован «деревянной женщиной» больше всех. Она грациозно вытянула руку и потянула мужчину за рукав.

— Мистер Вэйн, это художник. — Она скользнула второй рукой по моей. Мистер Вэйн развернулся к нам. Его седые волосы были зализаны назад. У него было интересное лицо, более подходящее гангстеру, нежели знатоку искусства. Он был крепко сбит и его черный фрак очень шел ему. Кажется, он был удивлен знакомству, и его рот изогнулся, когда он встретился со мной взглядом.

— Я хочу ее. — Прямо сказал он, с таким же акцентом, как у Тиффы. Должно быть, он тоже работал в Шеффилде. Я почувствовала, как краска заливает мое лицо, а Тиффа засмеялась, и ее звенящий смех словно говорил: «Ты такая замечательная — я тебя обожаю!»

— И вы можете приобрести ее. Эту скульптуру, — озорно ответила Тиффа. — Это Блу Ичхоук. — Она произнесла мое имя так, словно я была кем-то очень важным. Я постаралась не усмехнуться. Мое лицо осталось непроницаемым. Это была моя реакция, когда я не знала, что ответить.

— Ваши работы очень красивы. Но, что еще более важно, они очаровывают. Я просто захвачен этой. Такое бывает, когда я чего-то хочу. — Мистер Вэйн поднял бокал с прозрачной жидкостью, из которого пил, и, задумавшись, сделал глоток. — Я бы не пришел сегодня вечером. Но Тиффа настояла.

— Мистер Вэйн хозяин Шеффилда, Блу, — просто сказала Тиффа. Я постаралась сдержать дрожь. Тиффа повернулась обратно к мистеру Вэйну. А я украдкой подумала, не зовут ли его Брюсом. Он был похож на того, кто способен припрятать Бэтмобиль на крыше.

Тиффа продолжала.

— Работы Ичхоук однажды будут стоить целое состояние. Шеффилду повезло заполучить то, что сегодня вечером перевернет мир искусства, — доверительно сообщила Тиффа. Мне захотелось заткнуть ей рот.

— Согласен, — мистер Вэйн склонил голову на бок. — Хорошо сработано, Тиффа. — Он протянул мне руку. — Вы покажете мне остальные свои работы?

Тиффа даже не колебалась.

— Отличная идея! Блу, я буду неподалеку.

Она отошла и, даже не обернувшись, направилась к другой паре. От мистера Вэйна пахло богатством. Он продел мою руку через свою, как иногда делал Уилсон, и мы двинулись к моей следующей скульптуре. Возможно, изысканные манеры были присущи всем британцам. А может быть, так делали только богатые и образованные мужчины. Ни с теми, ни с другими я не была близко знакома. Я шла рядом с ним и пыталась придумать что-нибудь умное. В голове стали расплываться круги, пока я пыталась придумать что-нибудь — хоть что-нибудь, — о чем можно было бы поговорить. Но тут я вдруг поняла, что мистер Вэйн отнюдь не ждет остроумных ремарок, а полностью поглощен скульптурой перед собой.

— Мне кажется, я передумал. Я хочу эту скульптуру. — Я только теперь заметила скульптуру. «Потеря» склонилась передо мной в своем горьком покое. Мне захотелось отвернуться. Я испытала облегчение, когда Тиффа прислала за ней грузовик. Я ничего не ответила, смотря поверх нее, в надежде, что мистер Вэйн пойдет дальше.

— На нее почти больно смотреть, — пробормотал он. Я почувствовала, что он смотрит на меня, и перевела на него свой взгляд. — Полагаю, здесь какая-то история.

Он улыбнулся мне. Я улыбнулась в ответ, но с большим трудом. Я знала, что должна рассказать ему о скульптуре, продать ее, продать себя. Но я не могла. И не представляла как. Повисло неловкое молчание. Наконец, он заговорил и спас нас обоих.

— Кто-то сказал мне однажды, что для того, чтобы создать настоящее искусство, нужно истекать кровью и позволить другим смотреть на это.

Я внезапно почувствовала себя обнаженной и захотела скрыться в тени помещения, откуда я могла бы наблюдать, не будучи сама объектом для наблюдения.

— Стрдание в каждой линии. Это просто... волшебнo!

Его голос звучал мягко, а я стояла и ругала себя. Я держала под руку человека, который мог помочь мне в моей карьере, а мне хотелось сбежать.

— Тогда она ваша, — вдруг ответила я. — Это мой вам подарок, в качестве благодарности за эту возможность.

— Ох, нет. — Он возбужденно замотал своей львиной головой. — Нет. Я куплю эту скульптуру. Спасибо вам, но огромная цена, которую пришлось заплатить за создание этого произведения искусства не должна пропасть за зря. — Его голос был одновременно нежным и добрым.

Мое сердце отозвалось болью и в груди вспыхнули эмоции.

— Спасибо, — только и смогла выдавить я. И мы двинулись дальше.

Вечер продолжался, неясные очертания дорогой одежды, пьянящая похвала. Я забыла о своей боли, нежась во внимании и перемещаясь от одного бурно проявляющего свои эмоции патрона к другому, Тиффа всегда была неподалеку. Ближе к концу вечера Тиффа остановилась и помахала кому-то через всю комнату.

— Он пришел, дорогая. Ты все еще обижена на него? Я могу не подпускать его к тебе, так ты заставишь его страдать.

Я вскинула голову, найдя «его», стоящего у изображения «Плачущей», встречающей всех вновь прибывших в галерею. Уилсон выглядел опрятно и красиво в своем черном фраке. Высокий, красивый, волосы зализаны назад и лишь слегка вились. Я хотела бы запустить в них пальцы и взъерошить упругие кудри. Я тут же отвернулась. Он увидел, как Тиффа машет ему и уже поднял руку, чтобы помахать в ответ, когда заметил рядом с ней меня. Его рука замерла в процессе.

— И он притащил с собой эту безвкусную корову, — простонала Тиффа. — Что это с моим младшим братом? У него отвратительный вкус на женщин. Что ж, теперь мне ясно, что он сделал со вторым билетом. Да уж, он определенно дурак, — последние слова она пробормотала себе под нос. Я не поняла, на кого она указывала. Памела вовсе не была коровой. Или собакой. И вообще даже рядом не стояла с непривлекательностью, как бы мне этого ни хотелось.

— Я поеду, Тиффа. Я ведь уже достаточно потрепалась и расстелилась? — весело сказала я, собираясь уйти.

— Нет! Блу! Что, ради всего святого, происходит с тобой и моим глупым братцем? Это же твоя большая ночь!

— И она была чудесной. Но сейчас у меня нет желания общаться с Уилсоном. Перед тем, как я приехала, между нами произошла не очень приятная ситуация. И я не хочу находиться рядом с ним.

— Мисс Ичхоук! — Мистер Вэйн подошел ко мне справа, а за ним маленький азиат. — Мисс Ичхоук, — мистер Вэйн выставил руку, представляя своего спутника, — это мистер Юн Чен, — маленький мужчина слегка кивнул. — Он заинтригован вашими работами и умоляет о пояснении.

Стоящую рядом со мной Тиффу почти трясло. Должно быть, это был кто-то важный. Как его зовут? Внезапно я почувствовала себя так, словно с моей головы сняли верхнюю часть, и она сдулась как воздушный шарик. Должна ли я тоже кивнуть? Тиффа кивнула. А я повторила за ней.

— Рада познакомиться, — пробормотала я, ничего не понимая.

— Мистер Чен особенно заинтересовался работой под названием «Виолончель», — улыбнулся мистер Вэйн, снисходительно посмотрев на мистера Чена.

Мистер Чен. Вот, как его зовут. Не так уж трудно запомнить. Краем глаза я заметила приближение Уилсона с Памелой, которую тот держал под руку. Я наступила Тиффе на ногу, возможно, сильнее, чем следовало бы. Тиффа слегка вздохнула и поспешила занять мистера Чанга (?) беседой. Я повернулась к мистеру Вэйну, он осторожно склонил голову и зашептал мне на ухо, уводя в сторону. Это было очень хорошо, так как он увел меня от Уилсона.

— Мистер Чен (Чен!) пекинский магнат. Один из тех китов, которому мы стремимся оказать внимание всякий раз, когда он приезжает в город. Он считает себя знатоком искусства. И если ему понравятся ваши работы, и он будет думать, что вы будущая мировая звезда, он купит столько ваших работ, сколько сможет.

— Он купит их все? — спросила я, стараясь не завизжать, как ребенок.

— К огорчению мистера Чена, все они уже проданы, — улыбнулся мне мистер Вэйн.

— Все? — пораженно прошептала я.

— Да, все до единой.

Парадный пиджак Уилсона был переброшен через перила, галстук ослаблен и болтался в растрёпанных кудрях. Несколько верхних пуговиц рубашки были расстегнуты, сам он тяжело опустился на ступеньки, уперев локти в колени и сцепив руки перед собой. Я увидела его за стеклянными дверьми, на мгновение задумавшись, что такого он может сказать, чтобы я его простила. Он задел меня слишком сильно, и я никак не могла выбросить его слова из головы. Они сверкали в неоновом свете, непрерывно жужжа в моем мозгу.

Этой ночью меня поздравляли, награждали и даже обожали. Но именно слова Уилсона прочно засели в моей голове. Пекинский магнат, имя которого я, похоже, никогда не смогу запомнить, заказал пять отдельных работ и вручил мне чек в \$5000. Второй чек с той же суммой я должна была получить, когда скульптуры будут готовы, Шеффилд позволит мне забрать все комиссионные. Эта ночь принесла мне успех, на котором я смогу построить свое будущее. Успех, о котором я не осмеливалась даже мечтать. Но из-за Уилсона у меня всю ночь щемило сердце и болел живот.

Когда я открыла входную дверь, он встал. Я бросила ключи в сумочку и пошла к своей двери, не замечая его. После выставки я несколько часов колесила по городу. Впервые со времен моего переезда мне не хотелось возвращаться в Пемберли.

— Блу.

Мне снова пришлось выудить ключ от своей двери. Плавно. Мои руки дрожали, и я усмехнулась, взглянув на них. Я не стану дрожать! Я не покажу ему свою слабость.

— Блу. — Это был просто шепот, но я вздрогнула, несмотря на дрожащие руки и разбитое сердце. Затем он приблизился и склонил свою голову к моей. Я не подняла головы, уставившись на дверной замок.

— Я беспокоился о тебе.

— Зачем? — тихо ответила я. Ключ попал в замок, и я с благодарностью повернула ручку. — Разве Тиффа не сказала тебе? Я была самой востребованной девочкой по вызову на мероприятии. Они наняли меня, чтобы ублажать мистера Юн-Юна.

Я захлопала ресницами. На самом деле даже не смотря на него, толкнула дверь и вошла в узкий коридор своей квартиры.

Уилсон отшатнулся, словно я выстрелила в него. А затем он прижал меня к стене, и захлопнул дверь с такой силой, что наша с Джимми фотография зашаталась и со звоном упала на пол. Руки Уилсона обхватили мою голову, он прильнул ко мне, его губы дрожали.

— Прекрати. Прекрати это. Это не смешно, Блу. Это ненормально. Мне хочется открыть охоту на этого чертового мистера Чена, как бы его ни звали...

— А разве не об этом ты подумал, когда я уходила сегодня вечером? — перебила я.
— Что я вышла на охоту?

— Почему ты ничего мне не сказала? — выдавил он в неверии. — Черт подери, я так гордился. Это было восхитительно. Все они. А ты ничего мне не сказала. И позволила мне повести себя, как конченный мудака.

— Я *позволила*? Я приделалась, а ты... ты оскорбил меня и намекнул, что я выгляжу как... как шлюха. — Я навалилась на него, яростно отталкивая прочь, испытывая потребность в глотке воздуха и не желая демонстрировать перед ним свою слабость. Но он не отступил, вместо этого он заключил мое лицо в свои ладони и заставил меня посмотреть на него. Конечно же, я тут же отвела взгляд.

— Я испугался. — Я смотрела на его рот, стараясь сфокусироваться на том, что он говорил мне раньше. Я напонила себе о его отвращении, его презрении. Но его губы были так близко. И он был так близко. Его дыхание было сладким, и я ощутила дрожь внизу живота.

— Я испугался, Блу, — упрямо повторил он. — Ты через столько прошла. И отчасти я был зол на тебя. Я не думал, что ты готова к моим чувствам.

Сердце замерло, дыхание перехватило. А затем...его губы притронулись к моим губам. Медленно, нежно. Едва ощутимо. Он заговорил снова, и его слова щекотали мне рот. Я схватилась сзади за его рубашку, с силой сминая ткань и стараясь не потерять рассудок.

— Я хотел подождать. Хотел дать тебе время. А затем я увидел тебя сегодня вечером. Ты была при параде, готовая провести ночь вне дома, невероятно красивая, уверенная, сильная. И я подумал, что потерял тебя раз и навсегда.

Я слышала, как бьется в груди его сердце, и мое поспешило подстроится под его ритм. А затем он снова накрыл мой рот своим. Без сомнений, без шепота. И я сдалась. Полностью. Этот поцелуй слишком долго отрицали. Вопрошающий, открывающий, претендующий. Комната вокруг меня завертелась, когда я прижалась к нему.

Мои руки скользили по его спине, притягивая ближе, требуя больше.

Он обнял меня, приподнял повыше и приоткрыл рот, требуя входа. Он был вкуса черной лакрицы и снежинок. Одновременно запретный, но знакомый. Обжигающий и холодный. Грешный и верный.

Его губы обрушили дождь из поцелуев на мои веки, щеки и шею, руки отчаянно вцепились в бедра, сминая ткань с такой яростью, словно он ненавидел этот барьер. Я чувствовала себя так, словно находилась на самом гребне волны, не имея возможности приблизиться к нему. Он поднял меня, я обхватила ногами его талию, он снова нашел мой рот и прошептал мое имя прямо в раскрытые губы.

— Блу, ты *так* нужна мне. Я *так* хочу тебя.

Перед моим внутренним взором появилось его лицо... то, как он смотрел на меня, то, как говорил о том, что не пойдет со мной по «этому пути». Тяжело дыша, я отстранилась от него, мои ноги все еще обвивали его талию, а его руки — мое тело.

— Ты хочешь меня, Уилсон? Ты меня хочешь? Или ты меня любишь? — вырвалось из меня, глаза Уилсона были полны желания, с губ сорвался стон, он снова захотел поцеловать меня, не обратив внимания на вопрос. Я отстранилась еще больше, от себя и от него. Он нахмурил брови и прикусил мою губу, привлекая меня к себе, требуя большего. Но я воспротивилась, хотя мое тело сгорало от желания. Я убрала ноги с его талии, опустившись на пол. Радуюсь тому, что могу стоять на ногах, я одернула юбку. Если не остановиться сейчас, то потом я уже не смогу сказать ему «нет». А этой ночью я обязана была сказать «нет».

Уилсон выглядел ошеломленным и лишенным рассудка.

— Блу?

— Я поняла это, когда ты посмотрел на меня сегодня вечером. Ты испытал отвращение. Ты смотрел на меня так, словно я... дешевка. — Я сделала глубокий вдох. —

Но я больше не такая. А теперь тебе лучше уйти. Пожалуйста. — Мой голос не был твердым, но звучал убедительно. Похоже, Уилсон был обескуражен. Он обхватил руками заднюю поверхность шеи, и в его глазах отразились замешательство и раскаяние.

Я отвернулась от него и открыла дверь. С бешено бьющимся сердцем, я замерла рядом с ней в ожидании.

— Пожалуйста, Уилсон, — взмолилась я. Он развернулся, точно не зная, что еще сделать, и медленно двинулся в сторону фойе, прочь от моей двери, как человек, который только что испытал сильный шок. Я закрыла за ним дверь и прижалась к ней ухом, простояв так до тех пор, пока его шаги не стихли. Они тяжело отозвались на ступеньках. Я заперла дверь на замок и опустилась на колени, чтобы поднять упавшую на пол фотографию. С нее на меня смотрел Джимми, но меня привлекло мое собственное изображение. Маленькая девочка с длинными косами — длиннее, чем у Джимми, — но заплетенными так же, как у него. У меня не было двух передних зубов, и я забавно улыбалась, демонстрируя на камеру всю свою беззубую красоту. Джимми не улыбался, зато обнимал меня одной рукой, а я прижималась к ней, так естественно... Если бы я была прежней. Если бы была любима.

На стекле появилась трещина. Но я все равно повесила фото обратно, тщательно выравнивая. Трещина отделяла верхние части наших тел от нижних. К счастью, сама фотография не пострадала. Под рваным шрамом мы по-прежнему были целы. Я остановилась, рассматривая ее. Я была напугана, но не сломлена. Под своими ранами я все еще была цела. Под своей неуверенностью, под своей болью, под своей борьбой, под всем этим я по-прежнему была цела.

Я приглушила свет и вылезла из платья, спокойно размышляя. А затем у меня над головой заиграла музыка. Я прошла в гостиную и обратила лицо к вентиляции, слушая. Уилсон настраивал и теребил струны, пощипывая и играя. И чем больше я слушала, тем чудеснее себя чувствовала. Вилли Нельсон. Уилсон играл Вилли Нельсона. «Ты навсегда в моих мыслях» еще никогда не звучала так сладко. «Такое ощущение, будто эта песня была написана специально для виолончели», — подумала я, сомневаясь, впрочем, что кто-нибудь узнал бы Вилли Нельсона в исполнении Уилсона. Он сыграл ее несколько раз, прежде, чем закончить, словно хотел убедиться, что я услышала. Затем все стихло.

Глава 26

Лёгкость

На следующее утро меня разбудил громкий стук в дверь. Я металась и ворочалась всю ночь, изводимая страстью и любовью, утомленная сомнениями и непрестанно задающаяся вопросом, стоило ли мне согласиться на предложение Уилсона.

— Блу! Блу! Открой! Нам надо поговорить!

— Вот же черт! — простонала я, выскальзывая из постели и надевая на себя бюстгальтер, джинсы и футболку, пока Уилсон продолжал барабанить в дверь.

Я открыла, впустив его, и тут же скрылась в ванной. Он последовал за мной, но я быстро захлопнула дверь у него перед носом. Я воспользовалась туалетом, почистила зубы, вымыла голову и смыла остатки макияжа, с которым отправилась в постель. Уилсон все еще стоял у двери ванной, когда я открыла ее. Он обхватил мое, свежееотскрабированное лицо, его взгляд ненадолго задержался на моих губах. Не говоря ни слова, он обнял меня рукой и уткнулся лицом в мои волосы. Я вздохнула, застигнутая врасплох. Он прижал меня еще крепче.

— Я думаю, что настало время покончить с этим, — прошептал он в мои волосы.

Я попыталась отгородиться от него, отвергнуть раньше, чем он отвергнет меня. Так было бы проще. Но он только сильнее стиснул руки и успокоил меня тихим «тш-ш».

— Тш-ш, Блу. Просто послушай.

Я напряглась, стараясь не поддаваться его запаху и тому, как он обнимал меня, как утыкался губами в мои волосы, хоть и мечтала, чтобы он остался в таком положении.

— Покончить с чем? — наконец ответила я.

— С этой неопределенностью.

— Что именно тебе непонятно, Уилсон?

— Я знаю больше, чем следует, Блу. Какой это номер? Я уже сбился со счета. И какие уже были? Я знаю, что ты потрясающая. Ты красивая. Ты невероятно смелая. У тебя замечательное чувство юмора. Ты вырезаешь из дерева великолепные произведения искусства... не тотемы. — Я расслабилась, пряча улыбку на его груди. — У тебя отвратительный вкус на парней... хотя с тех пор, как я стал относить и себя к их числу, я, возможно, улучшил его.

— Тиффа говорила, что у тебя отвратительный вкус на женщин, так что в этом мы на равных, — перебила я.

— У меня не отвратительный вкус на женщин. Я ведь схожу по тебе с ума, разве нет?

— А разве да?

— Да, Блу. Схожу. Я полностью повернут на тебе.

Поднявшиеся во мне чувства, были смесью смущения и сомнения.

— А как же Памела?

— Она целуется, как старая женщина, — мягко сказал он.

Я засмеялась, на сердце моментально стало легче.

— Прошлой ночью я сказал ей, что влюблен в тебя. Самое забавное, я думаю, что она уже знала об этом.

Я скрутила руками его рубашку и сделала глубокий вдох, ожидая, когда он выговорится, так как я чувствовала, что ему есть, что сказать. Он замолчал, думая, наверное, что я тоже захочу признаться в своих чувствах. Когда я ничего не сказала, он вздохнул и продолжил.

— Вот мы и подошли к части про неопределенность. Потому что я понятия не имею, что ты ко мне чувствуешь. В одну минуту мне кажется, что ты испытываешь то же. А в следующую ты говоришь, что все это просто глупая игра. В одну минуту я говорю тебе, что пропаду без тебя. А в следующую ты требуешь, чтобы я оставил тебя в покое.

— Так вот, значит, чего ты не знаешь? Ты не знаешь, что я к тебе чувствую? — я почти засмеялась, ведь это было так очевидно. — Я не из тех, кто будет встречаться с кем-то еще, Уилсон. И не из тех, кто уверен, что кто-то недостойн того, чтобы быть со мной. И уж тем более не из тех, кто борется на каждом шагу.

— Все равно это не ответ, Блу. Что ты ко мне чувствуешь? — Его голос звучал настойчиво, а руки легли на мои плечи, отодвигая, чтобы он мог видеть мое лицо. Я не могла ответить. Но не потому, что не знала, а как раз наоборот — знала прекрасно.

— Можно я покажу тебе кое-что? — вдруг спросила я. Уилсон в замешательстве развел руками и отвернулся, проведя ладонью по волосам.

— Прошу тебя, это поможет мне объяснить. Я не так красноречива, как ты, Уилсон.

Я потянулась и взяла его за руку, увлекая за собой в глубь квартиры. Он последовал за мной, но я видела, что делаю ему больно своим нежеланием ответить. Я провела его через дверь в кухню, ведущую в подвал, и сбежала по ступенькам вниз, не отпуская его руку до тех пор, пока мы не подошли к станку.

Я указала на свою последнюю работу, над которой трудилась.

— Это тот самый огромный кусок дерева, который ты недавно помог мне перетащить. Ты еще спросил не собираюсь ли я сделать из него тираннозавра Рекса в полную величину, помнишь?

— Это он? — Уилсон в неверии уставился на кусок дерева, который все еще был большим, несмотря на то, что работа уже велась. Когда мы пытались затащить его внутрь, он оказался настолько огромным, что даже не уместился на станке, нам пришлось даже воспользоваться тележкой, чтобы затащить его в дом. Он, должно быть, весил все 250 фунтов. К этому моменту я изрядно его подрезала, чтобы хотя бы самостоятельно

затащить его на станок. Я указала на крупный вырез в древесине, который сделала, чтобы создать витую кольцевую структуру, похожую на винтовую лестницу в домике фей. Это была моя первая скульптура для мистера Чена.

— Резьба создается путем удаления древесины, видишь? А еще видишь, что я оставила меньше, чем срезала?

Уилсон кивнул, глядя на то как я провожу кончиками пальцев по созданным мной впадинам и углублениям.

— Речь не о том, что остается, а о том, что отсеивается. Понимаешь? — Я слегка путалась в словах, понимая, что хочу сказать, но не понимая, говорю ли это.

— Думаю, да. Пространство создает силуэт, размер и форму... так?

Я улыбнулась ему, радуясь, что он все понял. Он улыбнулся в ответ, так сладко и так нежно, что на мгновение у меня перехватило дыхание, и я собралась, чтобы не потерять ход мыслей.

— Абсолютно верно, — кивнула я. Мои глаза снова сфокусировались на скульптуре передо мной. — Джимми учил меня, что при вырезании, именно негативное пространство создает линию, перспективу и красоту. Негативное пространство — это те места, где древесина срезана, это углубления, которые в свою очередь создают форму. — Я замолчала, сделав глубокий вдох и понимая, что именно это я и хочу сказать. Если я любила Уилсона, (а я любила его), я должна помочь ему понять кое-что о себе, что понять не так-то просто. Это поможет мне любить еще сильнее. Я должна была предостеречь его. Я повернулась к нему и встретила с ним взглядом без лукавства и извинения.

— Порой я чувствую, будто от моего подбородка до талии тянется огромная зияющая дыра, огромное открытое негативное пространство, которое вырезала жизнь. Но она отнюдь не красива, Уилсон. Иногда кажется, что она пуста и черна... и сколько не шлифуй, сколько не полируй ее, она никогда не станет чем-то, чем не является. Я боюсь, что если позволю тебе любить себя, то твою любовь затащит в эту дыру, а потом в нее затащит и ТЕБЯ.

Уилсон коснулся моей щеки, обдумывая то, что я только что сказала, его брови были сосредоточенно сдвинуты над сострадательными серыми глазами.

— Но это не тебе решать, Блу, — мягко сказал он. — Ты не можешь управлять теми, кто любит тебя. Ты не можешь *позволить* кому-то любить себя, как и не можешь *заставить* его полюбить. — Он заключил мое лицо в свои ладони. Я приблизилась, обхватив его за талию и разрываясь между желанием прильнуть к нему еще ближе и желанием оттолкнуть его прочь, лишь бы защитить себя от тех чувств, которые он во мне вызывал.

— Значит, ты боишься позволить мне любить тебя из опасений, что в твоей душе есть дыра, которую невозможно заполнить...никаким количеством любви. Однако мой вопрос остается прежним: ты любишь меня?

Я обняла себя и кивнула, закрыв глаза, прячась от его взора, не в силах произнести то, что должна, под взглядом этих полных надежды глаз, сосредоточенных на моем лице.

— Я ни к кому никогда не испытывала того, что испытываю к тебе, — торопливо призналась я. — Я не знаю, что это, если не любовь. Однако фраза «я люблю тебя» не в состоянии выразить то, что я чувствую. — Я начала тараторить. — Я отчаянно хочу, чтобы ты любил меня. Я *нуждаюсь* в твоей любви, но я не хочу в ней нуждаться, и одновременно боюсь того, насколько сильно нуждаюсь в ней.

Уилсон начал осыпать меня поцелуями, в перерывах между ними успокаивая и обнаруживая свою собственную потребность. Его руки гладили мои волосы, губы касались моих век и уголков рта, пока он шепотом перечислял все причины, по которым он любит меня. Когда он начал декламировать сонет «*Как я люблю Вас?*», я вздохнула, и он поцеловал меня. Когда по моим щекам потекли слезы, он отследил каждую из них, перехватив соленые капли губами. Когда я прошептала его имя, он попробовал его на вкус

и упивался им до тех пор, пока от его внимания у меня не закружилась голова, и я не прильнула к нему, как напуганный ребенок.

Но я не была напугана. Я была возбуждена, невесома и свободна. Легка. И хотя мы весь день провели в моей квартире, самозабвенно целуясь, касаясь друг друга, тихо беседуя и дремля, сплетясь, словно сонные змеи, мы так и не занялись любовью. И все это было ново для меня, непривычно и здорово, ибо мы целовались ради поцелуев, а не ради того, чем они заканчиваются, это был просто опыт.

Я никогда не была с кем-то без секса, который, обычно, являлся закономерным итогом. Я никогда не пробегала пальцами по спине мужчины и не переплетала наши пальцы, пока он целует меня, не думая о том, что будет дальше. С Уилсоном я не думала о том, что последует за этим, а была сосредоточена на том, что происходит сейчас. Прикосновения не служили прелюдией. Это уже было событием. Это было одновременно эротично и целомудренно, нежно и впечатляюще.

Это был марафон поцелуев, проходящий в домах подростков по всей Америке. Во время них каждое прикосновение было украдено, каждый поцелуй завоеван и каждое мгновение приближало комендантский час. Это были запретные поцелуи, происходящие в те моменты, пока родители наверху и могут поймать вас в любую минуту, моменты, когда одежда остается на месте, бушуют страсти, а поцелуи уже сами по себе являются яркими, просто потому, что пойти дальше нельзя. К вечеру, когда лучи заходящего солнца заполнили мою комнату, мои губы были истерзаны, но прекрасны, а лицо слегка огрубело от прижимания и тыканья в шею Уилсона и его собственного лица, которое он утыкал в мою шею в ответ. Я была вымотана без компромиссов, удовлетворена без жертв и сходила с ума от любви. И это было сказочно.

Тени великолепного воскресного вечера заполнили мои апартаменты до того, как кто-нибудь из нас заговорил о будущем. Мы совершили набег на шкафчики с едой и поняли то, о чем я и так знала: в кухне почти не было еды. В итоге мы заказали китайскую еду на дом и с нетерпением ждали ее прибытия, утоляя голод коричневыми мишками и признаниями.

— Это я сняла все колпачки с твоих стираемых маркеров.

— Серьезно? А не ты ли вернула их обратно на следующий день?

— Я. Это не давало мне покоя. Не знаю, что на меня нашло. Я пыталась привлечь твое внимание самыми отвратительными способами, совсем как мальчишки на детской площадке, которые кидаются камнями в понравившихся девочек.

— В таком случае, полагаю, это ты вставила неприличную картинку в мой проектор, и, когда я отобразил слайд, студенты повеселились на славу?

— Есть такое дело.

— А замок, неожиданно появившийся на моем футляре для виолончели?

— Да. И это тоже была я. Но он был маленьким. И я положила ключи в карман твоего пальто.

— Да...и это было немного странно. Жаль только, что я потратил два дня, чтобы спилить эту штуковину, прежде чем обнаружил их.

— Полагаю, мне просто хотелось твоего внимания.

Уилсон фыркнул и покачал головой.

— Шутишь? Ты заявила в мой класс в самых обтягивающих штанах, какие я только видел, в байкерских сапогах на высоченном каблуке и с буйными, *snogging* волосами. Ты привлекала мое внимание с самого первого дня.

Я покраснела, наполовину от радости, наполовину от стыда.

— *Snogging?*

Уилсон ухмыльнулся, словно мужчина, который понял, что угодил своей даме.

— *Snogging* — это то, чем мы занимаемся весь день, милая. Это слово переводится «целоваться»... очень много целоваться. После первой недели в школе я убедился, что выбрал не ту профессию. Я был полностью подавлен, и все из-за тебя. Я был уверен, что попрошу перевести тебя в другой класс, так как знал, что быть беде. До твоей исповеди... тогда я пошел к социальному педагогу и попросил его достать для меня твое дело. Это было после нашего разговора после уроков и после короткого рассказа на тему «Я не знаю, кто я есть».

— Он не был коротким, — едко ответила я.

— Я знаю, любимая, — нежно сказал он, даря мне долгий поцелуй. А затем наши тела переплелись между собой, и мы полностью забыли о разговоре до тех пор, пока в дверь не постучали, и мы не отскочили друг от друга, слегка смеясь.

— Еду принесли! — Мы оба бросились к двери.

Лишь после того, как мы расправились с курицей с кешью и свининой в кисло-сладком соусе, я вернулась к нашей исповеди.

— Значит, ты попросил мое дело... и что ты там нашел?

Уилсон проглотил и сделал большой глоток молока.

— Тогда я не знал, с чем имею дело. Вы были трудным случаем, Ичхоук. Ты знала о том, что к твоему делу был прикреплен полицейский рапорт?

Я замерла, моя ложка застыла между ртом и миской.

— Что?

— Когда было обнаружено тело твоего отца, они снова открыли твое дело. То небольшое, что было известно. Было предпринято несколько попыток узнать, кем была твоя мать. По очевидным причинам. Твой отец был официально мертв, и кто-то подумал, что стоит снова попытаться отыскать твою мать. В файле было не так уж много. Я не понял, зачем школе понадобилась эта копия, кроме той, в которой написано, что ты находишься под опекой государства, по крайней мере, пока тебе не исполнится восемнадцать. А еще в файле стояло имя офицера. Я записал его, не знаю зачем. Может, потому что оно забавно звучало — Иззард. Оно тебе знакомо?

Я кивнула, продолжив есть.

— Он был одним из офицеров, которые нашли меня, чтобы поговорить после исчезновения моего отца.

Мы ели в тишине.

— Они звонили мне. Из лаборатории в Рено. Они звонили мне. Результаты готовы.

Уилсон уставился на меня, его вилка застыла на полпути ко рту, он ждал, когда я продолжу.

— Они хотят, чтобы я приехала. У них есть совпадение. Они все мне покажут. Я знаю уже две недели. Одна часть меня хочет сесть в машину прямо сейчас и поехать в Рено. Она не может ждать. Но другая часть, та часть меня, которая принадлежит Джимми. Она не хочет ничего знать. Он был всем для меня, и я не хочу отпускать его. Я не хочу знать ничего, что могло бы изменить мои чувства к нему и нашу с ним историю.

Я подумала о том, как маленькое проявление доброты по отношению к маленькой голодной девочке изменило судьбу Джимми Ичхоука, и о том, какую цену ему пришлось заплатить за проявленное сострадание. Одно маленькое действие, и он стал мишенью для маминого отчаяния и оказался в ситуации, в которой ему пришлось взять ответственность за ребенка, возможно, еще более одинокого, чем он сам.

— Я боюсь, что то, что я могу узнать, окажется мерзким и... ужасным. А я очень устала от мерзости, как ты знаешь. Это будет больно. Это ранит меня. И от этого я тоже устала. Что за женщина способна на такое? Что за мать? Крохотная часть меня не хочет ничего о ней знать.

Мы сидели молча, мои слова окружили нас, как граффити на стенах — неизбежные, кричащие, разрушающие гармонию между нами. Уилсон отложил вилку и подпер кулаками подбородок.

— Тебе не кажется, что пора покончить с этим?
Те же слова, что и раньше, но в совершенно другом контексте.
— Покончить с чем? — спросила я в свою очередь.
— С этой неопределенностью, — тихо ответил он, поймав мой взгляд.
Я знала, что он имел в виду, и не нуждалась в его ответе.
— Мы возьмем отгул на пару дней. Я возьму день за свой счет, а Беверли поймет.
— И что же мы будем делать?
— Мы найдем твою маму, и мы найдем Блу.

Глава 27

Лёд

На этот раз мы полетели. Ехать восемь часов в ту и другую сторону больше не было необходимости. Я больше не была беременна, и мне не было запрещено летать. Уилсон сказал, что ехать на машине слишком долго и нет смысла мучать нас обоих. Я подумала, что он взволнован этой поездкой даже больше, чем я. Я же колебалась между тревогой и тошнотой.

Мы связались с лабораторией и детективом Муди и сообщили, что приедем. Детектив Муди отдал распоряжение встретить нас в аэропорту, чем очень меня удивил. Я сомневалась, что это было стандартной процедурой, и решила уточнить. С минуту он молчал, а когда ответил, его голос был полон эмоций.

— В моей работе не так много счастливых концов. Так много людей страдает, так много теряется... и мы никогда не находим их. На мой взгляд, это очень важное дело. Был задействован почти весь отдел. Шеф говорит, что эта история может быть очень интересна людям, у нас есть связь с «Обозревателем Рено», которое жаждет интервью. Ты сама решишь, стоит его давать или нет. Из соображений профессиональной этики я также связался с детективом Бауэлсом и сообщил ему, что у нас есть совпадение. Он тоже был очень возбужден этой новостью.

Я ничего не ответила, не желая уменьшать его энтузиазм, однако знала, что не стану разговаривать с репортерами. Как ребенок с долгожданным подарком, я не была готова развернуть свою историю и тут же придать ее огласке, словно она была недостаточно ценной. Было время, чтобы делиться, и время, чтобы наслаждаться. Я хотела придержать свою историю, исследовать ее, понять. А потом, возможно, когда она уже не будет такой свежей и новой, когда ее блеск и новизна потускнеют, когда я наконец пойму не «что», а «почему»... может быть, тогда я готова буду поделиться ей. Но не сейчас.

В Лас-Вегас уже пришла весна, но в Рено все еще было холодно. Оказавшись неготовыми к обжигающему зимнему ветру, мы с Уилсоном кутались в свои пальто, пока шли по направлению к арендованной машине. Мы отказались от полицейского сопровождения, решив, что поведем машину самостоятельно, хотя не планировали пробыть в Рено долго. Там нас ждали ответы. Поисков не было. Моя жизнь, моя история разворачивалась передо мной, как сценарий фильма... дополненный местом преступления и характеристикой. И как сценарий, она казалась совершенно нереальной. По крайней мере до тех пор, пока мы не прибыли в полицейский участок. Внезапно настало время действия. Заработали камеры, а я не знала своих слов. Я боролась с боязнью сцены, незнакомой аудитории, роли, которой не знала и к которой не готовилась. А кроме того, я не хотела, чтобы Уилсон снова увидел меня в невыгодном свете: участницей трагической, жалкой и угнетающей истории.

— Ты готова, Блу?

Нет! Нет!

— Да, — прошептала я, соврав, но не видя другого выбора. Я не могла заставить себя пошевелиться. Уилсон вышел из машины и обошел ее. Открыв дверцу с моей

стороны, он протянул мне руку. Когда я не взяла ее, он наклонился и внимательно посмотрел на меня.

— Блу?

— Я не хочу, чтобы ты шел туда. Ты знаешь слишком много, Уилсон!

Он поцеловал меня в лоб.

— Да, я знаю сотни вещей. Я думал, мы уже обсудили это недавно.

— А что, если они скажут что-то такое, что изменит твои чувства?

— Что такого они должны сказать, что изменить мои чувства к тебе? Тебе было два года, когда мать тебя бросила. Ты думаешь, они скажут, что ты была маленьким наркодиллером? Самым молодым в мире? Или, может быть, убийцей? Или нет...мальчиком. Может быть, ты мальчик? Вот это бы усложнило дело.

Из моей груди, точно желтый воздушный шарик, вырвался смешок, и я ухватилась за ту яркость, которую Уилсон всегда пробуждал во мне. Я уткнулась лицом в ложбинку между его шеей и плечом, вдыхая его запах. В этом аромате смешивался уют, вызов и надежда.

— Блу, что бы мы ни услышали, это лишь побудит меня любить тебя еще сильнее. Ты права. Я знаю слишком много. Но именно поэтому нет ничего такого, что заставило бы меня сомневаться или поменять мое отношение к тебе.

— Хорошо, — прошептала я, поцеловав его чуть выше воротника пальто. Он вздрогнул и обнял меня руками.

— Хорошо, — ответил он с улыбкой на лице. — Идем.

Я встретила сержанта Мартинеза, который вел это дело восемнадцать лет назад и другими, которые, впрочем, практически сразу ретировались. Хайди Морган из криминалистической лаборатории штата также присутствовала там. Она, сержант Мартинез и детектив Муди проводили нас в помещение, в центре которого на столе лежала толстая папка. Мы расселись вокруг этой папки, и Хайди Морган добавила к ней еще какую-то папку. Так, без церемоний, началась наша встреча.

Хайди объяснила, что такое ДНК и ДНК-маркер. Она показала мне таблицу, в которой сравнивался мой ДНК и ДНК женщины, которая приходилась мне матерью. Кое-что из краткого обзора совпадало с информацией, которую мне предоставили, когда брали образец ДНК месяц назад, только теперь у них были результаты, о которых они хотели со мной поговорить.

Хайди взглянула на меня и улыбнулась.

— Мы установили, что ты являешься биологической дочерью женщины по имени Вайнона Хидальго.

— Как-как ее звали? — переспросила я только лишь для того, чтобы понять, как повлияет на меня это имя. — Вайнона Хидальго? — Возможно, во мне отозвались воспоминания, потому что, услышав его, я что-то почувствовала. Однако оно казалось мне чужим и таким же непримечательным, как имена Хайди Морган или Энди Мартинез. Оно звучало так, как если бы я никогда не слышала его прежде.

Настала очередь сержанта Мартинеза выходить на сцену. Он открыл увесистую папку, и Уилсон сжал мою руку под столом. Я вцепилась в него, затаив дыхание.

— Вайнона Хидальго была найдена убитой в мотеле «Stowaway» 5 Августа 1993 года. На момент убийства ей было девятнадцать лет. Фактически девятнадцать исполнилось ей за три дня до смерти, 2 Августа.

— Она была убита? — воскликнула я. Не знаю, чего я ждала, но точно не убийства.

— На месте преступления был найден пакет с героином, позже анализ крови показал, что наркотики были и в ее организме, у нее украли кошелек, угнали машину и нанесли удар по затылочной части головы. Судя по всему, за пару дней до смерти мисс Хидальго выиграла пять тысяч долларов в автомате на местной стоянке для грузовиков,

так что на момент убийства при ней была небольшая пачка денег. Они-то ее и погубили в конечном итоге. Токсанализ показал, что она была «под кайфом» и, видимо, собиралась пойти на второй круг. Диллер посчитал ее легкой добычей, украл сумочку и приложил головой о прикроватный столик. Особых следов борьбы не обнаружилось, равно как и свидетелей. Однако нам удалось заполучить изображение с камер наблюдения, на котором было видно, как преступник скрывается с места преступления на ее машине. Дело казалось довольно тривиальным. До тех пор, пока мы не узнали от родственников о пропаже ребенка. Тут-то мы и зашли в тупик. Ты в буквальном смысле слова растворилась в воздухе.

— Это ее фотография с водительского удостоверения, сделанная, когда ей было шестнадцать. — Детектив Мартинез бросил через стол снимок 8x10 с изображением улыбающейся девушки, взглянув на которую я тут же узнала себя. Уилсон рядом со мной затаил дыхание, сильнее стиснув мою ладонь.

— Она совсем, как ты, Блу, — прошептал он. — Отличаются лишь цвет глаз и кожи, а в остальном... та же улыбка, те же волосы... это ты.

— Да. Мы тоже сразу заметили это, поэтому были почти уверены, что нашли дочь Вайноны, когда встретились с тобой в октябре. Конечно, тогда мы не имели права ничего говорить. — Детектив Муди широко улыбнулся, и я постаралась улыбнуться в ответ.

Водительские права Вайноны Хидальго свидетельствовали о том, что у нее были черные волосы и карие глаза. В графе национальность значилось: коренная американка. Она была ростом в пять футов четыре дюйма и весила сто восемнадцать фунтов. Я была выше нее, но такой же худой. Я никак не могла отвести от нее взгляда. Она не выглядела злой. Просто юной.

— Сначала мы получили уведомление о смерти от местных законодательных органов, однако, когда поиски ребенка... точнее твои поиски зашли в тупик, мы с детективом Муди лично навестили твою семью.

— У меня есть семья? — бурление в животе возобновилось с удвоенной силой, когда я почувствовала, как вырывают из моих рук те крохи собственного я, которые у меня имелись.

— У тебя есть бабушка, Стелла Хидальго, приходящаяся Вайноне матерью. Вы с мамой жили с ней, пока Вайнона не сбежала с тобой, когда тебе было два года. Она проживает в штате Юта, в резервации Пайута. Мы связались с ней, и она с нетерпением ждет встречи с тобой.

— А моя бабушка знает, кем был мой отец?

— Да. Твой биологический отец мужчина по имени Итан Джекобсон. — Из папки была извлечена и передана мне еще одна фотография. С нее на меня смотрел юноша с торчащими светлыми волосами и яркими голубыми глазами. Без улыбки. Под красной толстовкой с цифрой 13, гордо расположившейся на груди, скрывались широкие квадратные плечи. Фото напоминало снимок из ежегодника, на котором каждый футболист хотел казаться больше и сильнее, чем на самом деле.

— Я видел это выражение лица раньше, — пробормотал Уилсон. Когда я взглянула на него, то обнаружила в его глазах нежность. — Я увидел его в нашу первую встречу. И определил для себя, как образ под названием «отвали от меня».

В комнате воцарилась тишина, всем, очевидно, показалось, что мне требуется время на осознание. Наконец, детектив Мартинез продолжил рассказ.

— По словам Итана Джекобсона и Стеллы Хидальго, Итан не захотел иметь с Вайноной ничего общего, узнав, что та беременна. Его семья публично требовала отдать ребенка на усыновление. Когда тебе было около восьми месяцев, они дали Вайноне деньги, что также подтвердила и Стелла, а Вайнона вскоре после этого покинула район и вас больше никто не видел.

— Сейчас Итан Джекобсон женат и у него есть дети, однако он предоставил нам свой ДНК, когда Вайнону нашли убитой, а тебя объявили в розыск. Его ДНК также было

отправлено в Национальную службу расследования преступлений, и мы, само собой, сравнили его с твоим.

Вмешалась Хайди Морган.

— ДНК Итана также полностью совпадает с твоим. Вот почему результаты пришли позднее назначенного срока.

Детектив Мартинез снова заговорил, его взгляд потух, улыбка исчезла.

— Из соображений этикета, Блу, мы также связались с мистером Джекобсоном и сообщили ему, что ты нашлась. Естественно, он был потрясен. Он предоставил нам контактную информацию и свой адрес, но сказал, что предоставляет тебе право решать, выходить с ним на связь или нет.

Я кивнула, голова шла кругом. Я знала имена своих родителей. Знала, как они выглядят. У меня была бабушка. И она хотела со мной встретиться. Однако была еще одна вещь.

— Как меня зовут?

Детектив Мартинез сглотнул, а глаза детектива Муди наполнились слезами. Казалось, они были взволнованы не меньше меня.

— Имя, указанное в твоём свидетельстве о рождении, — Саванна Хидальго, — хрипло произнес детектив Мартинез.

— Саванна, — одновременно выдохнули мы с Уилсоном. Настала моя очередь справляться с эмоциями.

— Саванна? Джимми оценил бы иронию, — сорвалось с моих дрожащих губ.

Уилсон вопросительно склонил голову. Я объяснила, хотя слова застревали в горле из-за катившихся по щекам слез.

— Когда я была маленькой, я хотела, чтобы меня звали Сапанной — очень близко к Саванне. Сапанна — девушка из индейской истории, которая забралась на небо и была спасена ястребом. Фамилия Джимми переводится как «ястреб», поэтому я всегда говорила, что это он, а я Сапанна. Он же всегда утверждал, что он, скорее, человек-дикобраз. Я никогда не понимала почему. Мне казалось, он просто шутит. Но, оглядываясь назад, я понимаю, что он, должно быть, чувствовал себя виноватым за то, что не пошел в полицию. Я думаю, это мучило его. Но простите меня, — я переводила взгляд с одного присутствующего на другого, в конце концов остановившись на Уилсоне, — он был хорошим отцом. Он не обижал мою мать и не похищал меня.

— А ты не переживала, что он мог это сделать? — деликатно прервал меня Уилсон.

— Иногда. Но потом я вспоминала Джимми и то, каким он был. Прямо, как ты говорил, Уилсон. Я знаю слишком много, чтобы сомневаться в нем. Я не жалею, что он решил взять меня с собой. Даже сейчас. Я знаю, это трудно понять, но я так чувствую.

Я была не единственной, кому требовалась минута, чтобы собраться с мыслями, поэтому, прежде чем детектив Мартинез продолжил, мы сделали перерыв, чтобы утереть слезы.

— Ты родилась 28 октября 1990 года.

— Всего за два дня до рождения Мелоди, — заметила я, тронутая этим.

— Также 28 октября ты сдала анализ на ДНК, чтобы узнать, кто ты, — вставила Хайди Морган. — Интересно, как замкнулся круг.

— Мне двадцать один, — пробормотала я, как и любой подросток радуясь тому, что я старше, чем думала.

— Но в твоём водительском удостоверении указано, что тебе двадцать, так что сегодня мы не сможем пошляться по барам и сорвать куш в казино, — поддразнил Уилсон, заставляя присутствующих фыркнуть и снимая возникшее в помещении, эмоциональное напряжение.

— Ты можешь ознакомиться со всеми документами в папке. Хотя там присутствуют фотографии с места преступления, которые ты, возможно, предпочла бы не видеть. Фотографии в конверте. Мы оставим тебя одну на некоторое время. Контакты

твоих отца и бабушки также находятся в папке. Твоя бабушка все еще живет в резервации, а отец в городе Седар-Сити, штат Юта, недалеко отсюда.

Мы с Уилсоном провели час за изучением файлов, содержащихся в папке, стараясь получить более полное представление о девушке, которая приходилась мне матерью. Фактов было не так уж много. Лишь одна вещь привлекла мое внимание. Выяснялось, что, когда автомобиль моей мамы был найден, на заднем сидении обнаружили голубое одеяло. В описании было сказано, что это было детское одеяло светло-голубого цвета с большими синими слонами. Фотография одеяла была прикреплена к делу как улика со второго места преступления.

— Голубой, — вырвалось из меня это слово, точно теплая частичка узнавания. — Я называла одеяло голубым, blue.

— Что? — Уилсон взглянул на фото, на которое я смотрела.

— Это было мое одеяло.

— Ты зазывала его голубым?

— Да. Как так получилось, что я помнила это одеяло, но не помнила ее, Уилсон? — Мой голос звучал твердо, но сердце раздулось и неистово билось, и я не знала, сколько еще я смогу вынести. Я отбросила папку, встала и стала ходить по комнате, пока Уилсон тоже не встал и не прижал меня к себе. Пока он говорил, его рука гладила мои волосы.

— Это не так уж трудно понять, любимая. У меня была игрушечная собака, которую маме в итоге пришлось у меня отобрать, потому что она была вся грязная и потрепанная. Ее стирали сто раз, несмотря на предостережение на этикетке, говорящее о том, что она развалится. Честер присутствует практически на каждой моей детской фотографии. Мягко говоря, я был сильно к нему привязан. Может быть, и ты была привязана к этому одеялу?

— Джимми говорил, что я постоянно повторяла слово «голубой». — Пазл сложился, и я замолчала на середине предложения.

— Джимми говорил, что я постоянно повторяла слово «голубой», — повторила я. — Вот почему он так называл меня.

— Так вот, как ты получила это имя. — Уилсон был настроен скептически, но понимание уже отразилось на его красивом лице.

— Да...и все это время я, должно быть, просила свое одеяльце. Тебе не кажется, что ей следовало оставить его со мной, закутать меня в него, когда она бросила меня на стоянке для грузовиков? Что ей следовало бы знать, как страшно мне будет и как сильно мне будет нужно это чертово одеяло? — Я высвободилась из объятий Уилсона, отчаянно нуждаясь в кислороде. Однако грудь сдавило так сильно, что я была не в силах вздохнуть. Я чувствовала себя треснутой, и трещины эти распространялись со скоростью молнии по тонкому льду, по которому я шла всю свою жизнь. Я страдала, снедаемая ими. Я боролась за каждый вздох, пытаясь подняться на поверхность. Но из-за привязанного к ногам свинца я быстро тонула.

— На сегодня достаточно, Блу. — Уилсон привлек меня к себе и открыл дверь, подзывая кого-нибудь за ней.

— Она вынесла столько, сколько смогла, — услышала я его слова, и рядом со мной вдруг возник еще кто-то. Перед глазами все поплыло и потемнело. Меня опустили на стул и заставили прижать голову к коленям.

— Дыши, Блу. Давай, детка. Дыши как можно глубже, — шептал Уилсон мне на ухо. В голове слегка прояснилось, а лед, бегущий по венам, стал постепенно таять. Один вздох, затем еще. И еще. Когда ко мне вернулось зрение, у меня была только одна просьба.

— Отвези меня домой, Уилсон. Я больше не хочу ничего знать.

Мы покинули полицейский участок с копией всех файлов. Уилсон настоял, чтобы я взяла их, так же, как и контакты людей, чья кровь текла в моих жилах, но которые никогда не принимали участия в моей жизни. Пока мы ехали, я боролась с желанием вышвырнуть папку в окно и позволить страницам разлететься по дороге ночного Рено, позволить ветру подхватить сотни страниц моей жизни, предать их забвению и никогда не собирать их вновь.

Мы перекусили в автокафе, из-за усталости и подавленности имея сил даже на то, чтобы оставить машину, не то что поговорить. Но от дома нас отделяло восемь часов пути, а наш самолет отправлялся только в восемь утра, поэтому мы нашли отель и заплатили за одну ночь пребывания. Уилсон даже не спросил, хочу ли я отдельный номер. А я и не хотела. В номере стояло две двуспальных кровати, и, как только мы зарегистрировались, я почистила зубы, стянула джинсы и нырнула в одну из них, моментально провалившись в сон.

Мне снились ряды бумажных кукол с лицами моей матери и детские одеяла какого угодно цвета, кроме голубого. Мне снилось, что я все еще в старшей школе, брожу по бесконечным коридорам в поисках Уилсона, но вместо этого натыкаюсь на толпы детей, которые не знают собственных имен. Я проснулась со слезами на глазах, в животе образовался комок из страха, что Уилсон покинул Рено, пока я спала. Но он все еще был здесь, в соседней постели, его руки обнимали запасную подушку, а темные взлохмаченные кудри контрастировали с белой простыней. Лунный свет проливал на него свои лучи, и я долгое время наблюдала за тем, как он спит, запоминая линию подбородка, изгиб длинных ресниц на щеках и движение губ, когда он вздыхал во сне.

Затем, не дав себе времени подумать, я забралась в его постель, прильнув к нему, прижав голову к его спине и обхватив руками его грудь. Я хотела вобрать его в себя, впитать его кожей, убедиться, что он полностью мой. Я прижалась губами к его спине, запустила руки под его футболку и провела ими по подтянутому животу вверх, к груди. Я почувствовала, что он проснулся и повернулся ко мне, его лицо скрылось в тени, когда он навис надо мной. Луна очертила его силуэт белым светом, я протянула руку и прикоснулась к его лицу, он же оставался неподвижным, позволяя мне обвести черты его лица кончиками пальцев, позволяя приподняться и осыпать поцелуями его подбородок, опущенные веки и, наконец, губы. А затем, не сказав ни слова, он прижал меня к подушкам и обхватил руками мои руки. У меня перехватило дыхание, когда он жестко прижал меня к своей груди, зажав мои руки между нами.

Но он не поцеловал меня и не провел руками по моей коже. Не шептал слов любви и желания. Вместо этого, он устроил мою голову под своим подбородком и сжал меня в своих объятиях так сильно, что я не могла пошевелиться, но он не отпустил меня. Я лежала сбита с толку и удивленная, ожидая, когда он ослабит хватку и прижмется ко мне всем телом. Но его руки по-прежнему были сомкнуты на мне, дыхание было ровным, а тело неподвижным. И там, в кольце его рук, плотном, не оставляющем места сомнениям и страхам потерять его, я уснула.

Глава 28

Горечь

Когда я проснулась на следующее утро, Уилсон уже встал, помылся и побрился, но в его глазах читалась усталость, и я задумалась, не послужило ли причиной то, что он обнимал меня всю ночь? Я была немного смущена его отказом, хоть и нежным. Он, впрочем, не выказывал ни неловкости, ни неудобства, так что я отогнала неприятные мысли, поспешила в душ и быстро позавтракала, чтобы мы могли полететь домой. Я была задумчива и тиха, Уилсон замкнут и угрюм, поэтому, когда мы переступили порог Пемберли, каждый из нас нуждался в личном пространстве, тяжесть произошедшего за последние двадцать четыре часа нависла над нами черной тучей.

— Блу. Я знаю, ты устала. Я и сам вымотан, и я не единственный человек, чей мир перевернулся с ног на голову за последние несколько месяцев. Но ты должна довести начатое до конца.

— Я знаю, Уилсон.

— Хочешь, я позвоню ей? Возможно, так тебе будет легче сделать следующий шаг.

— Это слабость? — спросила я, желая, чтобы он сделал это, но в то же время не желая облегчать себе жизнь, если бы это означало прослыть тряпкой.

— Это делегирование, дорогая. Когда ты можешь быть уверена, что дело будет сделано, а тебе при этом не придется сталкиваться с проблемами.

— Тогда хорошо. Сделай это, пожалуйста. Я буду готова встретиться с ней, как только она будет готова.

**

Выяснялось, что Стелла Агилар была крепче меня, так как она оказалась готова к встрече немедленно. Поэтому уже на следующее утро мы с Уилсоном выехали на его субару в город Сент-Джордж штата Юта. Мы оба проспали целых двенадцать часов в своих постелях... отдельно, что немного настораживало меня, так как я не знала, как на это реагировать. Уилсон в корне отличался от тех парней, с которыми я была раньше. Он был джентльменом в мире Мэйсонов и Колби. И я очень боялась, что тот факт, что я отнюдь не являлась леди, мог повлечь за собой проблемы.

— Расскажи мне, на что это похоже? — попросила я, сконцентрировав все свои мысли на том, что ждало впереди.

— Что на что похоже? — спросил Уилсон, смотря на дорогу.

— Первая встреча с биологическими родителями. Как ты говорил? Тиффа упоминала, что ты сделал это сам. Очевидно, ты намного храбрее меня. Я не уверена, что смогла бы сделать это в одиночку.

— У нас абсолютно разные обстоятельства, Блу. Не смей упрекать себя в трусости. Ты самая сильная из всех, кого я знаю, и в данном случае это комплимент, любимая. Когда я встретился со своими биологическими родителями, мне было восемнадцать. Моя мама поддерживала с ними связь в течение многих лет, чтобы однажды и я смог это сделать. Она верила, что настанет время, когда это может стать важным для меня. Мой отец был против. Он думал, что в этом нет необходимости, что это будет отвратительно. Я же был в одном семестре от выпуска, поэтому буквально похоронил себя в школе, что, надо признать, очень на меня похоже. Я умудрился втиснуть четыре года учебы в два с половиной, придерживаясь плана, который мы с отцом для меня наметили. Отец был очень целеустремленным человеком, и я думал, что быть мужчиной, значит быть как он. С наступлением каникул я стал беспокойным и раздражительным, откровенно говоря, я весь был как бомба замедленного действия, которая вот-вот рванет. Поэтому я улетел в Англию и остановился у Элис. Там я разыскал свою семью, — закончил Уилсон поспешно, словно в этом не было ничего особенного. — Мы с мамой решили сохранить это в секрете от отца. Скверная оказалась идея. Но это уже совсем другая история.

— И как это было? — поторопила его я.

— Это было просто чудовищно, — быстро выпалил он. — А еще поучительно и очень... некомфортно.

Я не знала, что на это ответить, поэтому просто ждала, наблюдая за игрой мысли на его лице. Он на мгновение задумался, погруженный в свои воспоминания.

— Когда я впервые встретился со своим биологическим отцом, то подумал, что он бездельник, — задумчиво произнес он. — Только после нескольких часов, проведенных за разговором с ним, после прогулки и знакомства с его соседями и приятелями я взглянул на него по-другому. Мы пошли в бар, в котором он любил выпить биттера после смены, место называлось «Wally's», похоже, что там все его знали и любили. Берт полисмен.

— Полисмен?

— Коп. И это так не вязалось с его образом. Он очень общительный и раскрепощенный. А я всегда думал, что полицейские строгие и молчаливые.

— Как твой отец?

— Да! Как Джон Уилсон! Целеустремленные, жесткие и серьезные. А Берт Уэтли был каким угодно, только не серьезным и целеустремленным. Он признался, что стал полицейским из любви к своим соседям. Он любил находиться в людском обществе, еще мальчишкой мечтал водить машину с мигалками и сиренами. — Уилсон засмеялся и покачал головой. — Так он мне и сказал. Помню, я подумал, что он псих.

Уилсон посмотрел на меня так, словно я собиралась осудить его за его мнение. Но я ничего не ответила.

— Но я заметил кое-что другое. Берт казался очень довольным. И ему этого было достаточно. — Уилсон снова засмеялся, но в этом смехе чувствовалась боль. — Этим он тоже отличался от моего отца. Джон Уилсон никогда не бывал доволен, еще реже он бывал счастлив и в основном не любил находиться в центре внимания. — Уилсон покачал головой и неожиданно сменил тему.

— Мою биологическую мать зовут Дженни. Очевидно, она никогда не была замужем за Бертом. Она вышла замуж за водопроводчика по имени Гуннар Вудроу, — Уилсон произнес его имя как «Гунна Вэ Плумма», и я постаралась не усмехнуться. Наконец-то, я перестала замечать его акцент... в большинстве случаев.

— У них с Гуннаром пятеро детей и дом, похожий на зоопарк. Я пробыл у них час или два, пока Гуннар не вернулся с работы, а мы с мамой не ускользнули, чтобы выпить чаю за углом без вмешательства этих Мартышек.

— Она тебе понравилась?

— Очень. Она славная. Любит книги и историю, цитирует стихи.

— Прямо как ты.

Уилсон кивнул.

— У нас нашлось много общего, что, честно говоря, взволновало меня. Мы разговаривали обо всем. Она спрашивала меня о вещах, которыми интересуются матери: о моих надеждах и мечтах, о том, есть ли у меня девушка. Я ответил, что у меня нет времени на девушек. И что книги и история — моя единственная страсть. Мы говорили о школе, и она спросила меня, какие у меня планы на будущее. Я прошелся по своему десятилетнему плану, включающему среднюю школу, медицинскую школу и работу с отцом. Видимо, она была немного удивлена моими планами на карьеру, поэтому спросила: «А как же любви всей твоей жизни?».

— Она была обеспокоена твоей личной жизнью? Тебе было всего восемнадцать, — возмутилась я, радуясь, что у него не было такого же прошлого, как у меня.

— Нет, она не была обеспокоена моей личной жизнью. Она беспокоилась о «любовях моей жизни», — повторил Уилсон. — О книгах и истории.

— А, — ответила я, поняв, о чем речь.

— Встреча с моими родителями, заставила меня впервые задаться этими вопросами. Я внезапно задумался: действительно ли я хочу быть врачом? Я понял, что размышляю над тем, что сделает меня счастливым. Я думал о сиренах и мигалках. — Губы Уилсона дрогнули в слабой улыбке. — Я подумал о том, как бы мне хотелось поделиться тем, что я знаю, с теми, кто готов будет слушать. Без сомнения, я сводил своих родителей и сестер с ума, постоянно сообщая то один исторический факт, то другой.

— Святой Патрик?

— Святой Патрик, Александр Македонский, царь Леонид, король Артур, Наполеон Бонапарт и многие другие.

— Значит желание стать врачом утратило свою прелесть.

— Оно *никогда* не имело своей прелести. И когда я понял это, то сообщил отцу, что не пойду в медицинскую школу. Я держал рот на замке до самого выпуска, спокойно строя свои планы, в то время, как мой отец продолжал расписывать мое будущее. Я сказал

ему, что хочу преподавать, если повезет, то в университете. Я сказал, что хочу писать и читать лекции, а в конечном итоге получить докторскую степень по истории. Он понял, что я общался с биологическими родителями, и повесил вину за перемены во мне на эту поездку. Он разозлился на меня и на маму. Мы поссорились, мы накричали друг на друга, я ушел из дома, а моего отца вызвали в больницу. Больше живым я его не видел. Об этом ты уже слышала. — Уилсон тяжело вздохнул и запустил руку в волосы.

— Ты это имел в виду, сказав, что встреча с биологическими родителями была ужасна... потому что она повлекла за собой множество других вещей?

— Нет. Хотя, полагаю, так можно подумать. Это было ужасно, потому что я был невероятно смущен и потерян. До того момента я никогда не испытывал подобных чувств. Я знаю, что жил без забот и хлопот. — Уилсон пожал плечами. — Я встретил двух людей, совершенно непохожих на тех, среди которых я рос. Не лучше и не хуже. Просто других. И это ни капли не повлияло на мое отношение к отцу и матери. Они были хорошими родителями и любили меня. Однако мой мир пошатнулся. С одной стороны, я не понимал, почему Дженни и Берг не могли дать мне того же. Неужели я был настолько неважен для них, что они предпочли отдать меня богатому доктору и его жене, и отправиться дальше, сняв с себя всякую ответственность за меня?

Я поморщилась, понимая умом, что речь не обо мне. Но все равно почувствовала себя виноватой. Я подумала, не задаст ли однажды Мелоди мне тот же самый вопрос? Уилсон продолжал.

— С другой стороны, я внезапно осознал, что не совершенно не хочу того, чего, как всегда думал, хотел. Я хотел заниматься вещами, которые мне нравились, мне хотелось свободы, которой я никогда не испытывал. И я знал, что этот путь сильно отличался от того, на котором находился я.

— Я прекрасно тебя понимаю, — прошептала я.

— Да, я знаю, — взгляд Уилсона встретился с моим, и в нем была такая пылкость, что мое сердце медленно сползло вниз по моей груди. Как ему удастся смотреть на меня так, в то же время обнимать всю ночь, ни разу не поцеловав?

— В последнюю неделю в Англии я покинул Манчестер и поехал в Лондон. Элис меньше всех в моей семье пеклась обо мне. Она тогда пожала плечами и сказала что-то вроде: «Повеселись, не убейся и будь здесь, когда настанет время лететь домой». Я встретился с несколькими приятелями из школы, провел неделю в пьяном угаре, делая вещи, о которых мне неловко говорить.

— Например? — спросила я, отчасти удивленная, отчасти взбудораженная тем, что Уилсон не так чист, как кажется.

— Я дорвался до общения. Я расстался с девственностью, но не помню большую часть процесса. На этом я не остановился. Ночь проходила за ночью, один клуб сменялся другим, одна девушка — другой, а мне становилось только хуже. Я старался вернуть себе равновесие за счет вещей, которые вызывали головокружение. Довольна?

Я кивнула, понимая, что он имел в виду. Я знала о головокружении не понаслышке.

— Кончилось тем, что один из моих приятелей довез меня до Манчестера. Он убедился, что я сел в самолет и благополучно долетел до Соединенных Штатов. А в следующие полгода я пытался остановить мельтешение в своей голове и снова обрести равновесие во многих вещах. Так что во многом отношения с тобой и твое путешествие стали и моим путешествием тоже. Я понял себя и своих родителей — обе стороны, — и сейчас мне намного лучше.

Долгое время мы ехали молча. Затем я спросила его о том, что мучало меня с тех пор, как я проснулась в одиночестве днем ранее.

— Уилсон. Что произошло в Рено? Я думала, ты хочешь... в смысле разве ты не испытываешь ко мне влечения? — Я чувствовала себя так, словно приглашаю лучшего квотербека на выпускной бал, мои коленки дрожали. Уилсон рассмеялся в голос. А я съезжилась, стараясь не стечь вниз по сидению и прикрывая лицо, дабы не обнаруживать

своего смущения. Судя по всему, Уилсон заметил унижение в моем выражении лица, потому что, развернувшись в неподобающем месте, да так, что завизжали тормоза, он съехал на край дороги, рискуя всем и вся. Повернувшись ко мне, он покачал головой так, словно не мог поверить в услышанное.

— Блу. Если бы дело было только во влечении, мы с тобой не уехали бы из Рено. Мы бы до сих пор были в том жутком отеле, занимались бы сексом и питались бы местной едой...или пиццей из пиццерии через дорогу. Но для меня секс с тобой не является целью. Понимаешь?

Я покачала головой. Нет. Я никак не могла этого понять.

— Когда ты забралась ко мне в постель в Рено, я мог думать только о том, как чувствовал себя в Лондоне в ту ужасную неделю, когда у меня было столько секса, сколько не может вообразить себе ни один подросток. И как мерзко я чувствовал себя в конце. Я не хотел, чтобы наш первый раз стал для тебя таким же. Ты была эмоционально подавлена в Рено, так же, как я в Лондоне, ты нуждалась во мне. Но не в сексуальном смысле. Однажды...и я надеюсь, очень и очень скоро, потому что я сгораю от нетерпения провести с тобой ночь, мы займемся сексом, но только тогда, когда ты будешь хотеть меня потому что любишь, а не потому что ты потеряна, отчаялась или боишься. Вот моя цель.

— Но, Уилсон, я люблю тебя, — возразила я.

— А я люблю тебя... люблю и люблю, — ответил он, привлекая меня к себе за волосы.

— *«Гордость и предубеждение»?*

— Как ты узнала? — улыбнулся он.

— Я испытываю слабость к мистеру Дарси.

В ответ сам Дарси завладел моим ртом, на практике доказывая, как сильно он меня любит.

Глава 29

Истина

Если бы не пролетевший мимо дизельный грузовик, оглушивший субару своим гудком, мы бы приехали к моей бабушке очень и очень поздно. Как бы то ни было, немного поколесив и обратившись за помощью к верному навигатору Уилсона (который, по-видимому, не очень хорошо ориентировался в штате Юта в целом и в индейской резервации в частности), мы-таки нашли дом Стеллы Хидальго на окраине резервации индейцев Шайвутс. Я была в городе Сент-Джордж лишь однажды, на школьной экскурсии, но до сих пор помнила эти красные скалы и выступающие плато, отделяющие голубое небо от песков пустыни. Они были настолько же грубыми и суровыми, насколько красивыми, и я слегка удивилась тому, как моим предкам удавалось выживать на этих землях сотни и сотни лет до сегодняшнего дня. Воды было в обрез, еды — и того меньше, а вырастить что-либо было почти невозможно.

Мы подъехали к дому Стеллы Хидальго, представлявшему собой коробкообразный одноэтажный дом с белыми стенами и красными жалюзи, которые нуждались в покраске. Он был чистеньким и аккуратным, но невзрачным, а во дворе лежали красные камни и росла юкка. Мы вышли из машины в настолько плотную тишину, что я могла слышать стук собственного бешено бьющегося сердца. Стелла Хидальго открыла дверь прежде, чем мы поднялись по ступенькам.

Это была худощавая женщина среднего роста. Скорее всего, ей было ближе к шестидесяти, однако она была так ангельски красива, что судить было сложно. На ее коже не было морщин, а серебряные пряди волос перемежались с черными. Она носила их просто перекинув на одну сторону и распустив по плечу. На ней была свободная белая туника и белые брюки, смуглая кожа контрастировала со светлым нарядом. На ногах она носила белые сандалии, а в ушах, на запястьях и шее — украшения из бирюзы. Она

выглядела как женщина, которая знает, как себя подать, и уверена в своем отражении в зеркале. Она пригласила нас в дом, и единственным показателем того, что она нервничает не меньше, чем я, была дрожь в руке, когда она подозвала нас к себе.

— Полиция рассказала мне совсем немного о твоей жизни, — голос Стеллы Хидальго был мягким и интеллигентным. — Собственно, когда на прошлой неделе детектив Мартинез позвонил мне, чтобы сообщить о совпадении ДНК, он предупредил, что ты уже совершеннолетняя и у тебя есть право на неприкосновенность частной жизни, которое они не могут нарушить, поэтому ты сама должна будешь решить, выходить со мной на связь или нет. Они даже не назвали мне твоего имени. Поэтому я не знаю, как к тебе обращаться.

— Вы можете называть меня Блу. — Я протянула ей руку, и она пожала ее. Я не была ни Саванной Хидальго, ни Саванной Джекобсон, ни кем бы то ни было еще. Я была Блу Ичхоук, и это неизменно.

— Тебе подходит это имя. — Она робко улыбнулась. — А ты можешь звать меня Стелла. — Она перевела взгляд на Уилсона, ожидая, когда он представится.

— Здравствуйте. Я Дарси Уилсон, но все называют меня просто Уилсон. И я люблю Блу. — Уилсон тоже протянул ей руку, и Стелла улыбнулась, абсолютно покоренная его «здравствуйте», сказанным с английским акцентом.

— Как славно! — улыбнулась она, я же в эту минуту любила Уилсона так сильно, как не любила ни одно живое существо на земле. Благодаря шарму Уилсона руки Стеллы окрепли, она показала нам свой маленький домик и предложила сесть на диван, стоящий напротив двух коричневых кресел и укрытый разноцветным покрывалом. На стенах висело несколько наград в рамках, а также фотография, на которой — и я могла поклясться в этом — был изображен вылитый Джимми, стоящий с женщиной, которой, судя по всему, была моя бабушка, только тридцать лет назад. Не знаю, чего я ждала, когда сержант Мартинез сообщил мне, что моя бабушка живет в резервации, но точно не этого. Несколько фотографий стояло на камине, а деревянный пол устилал большой ковер в индейском стиле. Я ничего не знала об индейцах пайути — ни их обычаев, ни истории, ни образа жизни. Это было нечто, чему, как я надеялась, могла научить меня эта женщина. Однажды.

Глаза Стеллы скользили по моему лицу, казалось, она до сих пор не могла поверить, что я здесь. Я позволила ей жадно смотреть на себя, также жадно смотря на нее в ответ. Это был фантастический момент, и я задумалась, как мы выйдем, глядя друг на друга в тишине, пока часы на камине отсчитывают время, а мы пытаемся впитать в себя более, чем восемнадцать лет разлуки.

Мы немного поговорили о нашей поездке в Рено и Сент-Джордж, но вскоре разговор пошел о моей матери. У меня сложилось стойкое ощущение, что моя бабушка нуждалась во мне, чтобы понять свою дочь. Возможно, потому что она до сих пор с трудом ее понимала.

— Винни была очень яркой личностью, ей всегда нравилось быть в центре внимания, что обычно удавалось ей не только дома, но и в школе. Мои родители души в ней не чаяли, и у нее всегда была куча друзей. Еще она обожала чирлидинг и была очень популярна, особенно среди мальчиков. А я наоборот. Всегда так смущалась в присутствии парней... никогда не знала, что сказать. — Стелла умолкла. Я бы хотела, чтобы она не говорила мне о популярности моей матери среди парней. Это заставляло меня беспокоиться о том, насколько мы похожи, а я не хотела быть такой, как она. Чувство отчаяния стало еще сильнее, когда Стелла упомянула о неожиданной беременности моей мамы.

— Она переносила беременность очень тяжело, как любая шестнадцатилетняя девочка. Когда Итан заявил, что не хочет иметь ничего общего ни с ней, ни с ребенком, она была так подавлена... не выходила из комнаты и очень много плакала. Врач сказал, что у нее послеродовая депрессия. Со временем депрессия стала меньше, однако она так

озлобилась, что большую часть времени о тебе заботилась я. Ты была очаровательным ребенком, эдаким маленьким тихим комочком. Ты даже почти не плакала. Полагаю, благодаря этому Винни было проще тебя игнорировать. А мне любить. И пока с тобой было твое одеяльце, ты была довольна.

— Оно было голубым? Со слонами?

— Да...оно самое! — удивленно запнулась Стелла. — Ты его помнишь? — Губы бабушки задрожали, и она прижала к ним костяшки пальцев, чтобы сдержать эмоции, которые прослеживались в каждой черточке ее лица.

Я только кивнула, неожиданно утратив способность говорить.

— Винни его ненавидела, — голос Стеллы дрогнул, и она прокашлялась. — Она говорила, что голубой — мальчишеский цвет. Но я выбрала его в тон к твоим голубым глазам. У тебя были поразительные глаза. Во всем остальном ты выглядела как коренная американка, разве что не такая темненькая. Твои глаза окончательно убедили семью Итана, что он твой отец. Они дали Вайноне немного денег, когда тебе было почти два. Она взяла их, украла деньги с моего сберегательного счета, взяла мою машину и уехала. Тебя она, к сожалению, забрала с собой. Я до сих пор жалею, что не заявила в полицию и не позволила им засадить ее в тюрьму. Возможно, это бы спасло ей жизнь, а я не потеряла бы тебя.

— Но ей следовало повзрослеть, и я подумала, что отъезд из города пойдет ей на пользу. Поэтому я не донесла об этом. Я просто... отпустила ее. На самом деле, если бы она попросила у меня денег и машину, я бы, вероятнее всего, не отказала ей. В конечном итоге она обосновалась у подруги в Солт-Лейк-Сити и нашла работу. Мать подруги заботилась о них, и ты находилась под присмотром у людей, которых я знала. Я приглядывала за ней через ее подругу, и дела шли довольно неплохо. Она пробыла там около шести месяцев, когда злоупотребила их гостеприимством. Она украла деньги у матери своей подруги. И они заявили на нее. С тех пор я слышала о ней редко, но мне было достаточно того, что с ней все в порядке.

Разговор прервался, и я изучала лицо бабушки, пока та изучала мое. Наконец Уилсон подал голос.

— В полицейском рапорте упоминался человек из Оклахомы, который клялся, что в одном минимаркете поймали на воровстве девушку, очень похожую по описанию на вашу дочь. Хозяин магазина не стал заявлять на нее, потому что посочувствовал девушке. Она украла подгузники и молоко. И в конце концов он сам дал ей молока, немного продуктов, упаковку подгузников и немного денег. А когда хозяин магазина увидел фотографию в новостях, то вспомнил вашу дочь и ребенка и позвонил в полицию.

— Оклахома? — казалось, Стелла была поражена и покачала головой, пробормотав: — Нет... это невозможно!

— Полиции это не помогло. Они только заварили кашу, ничего не сделав, — вмешалась я. — Я только что поняла это, потому что у моего отца — человека, который меня вырастил — есть семья в Оклахоме. Не понимаю, что ей могло там понадобиться.

— Как звали твоего отца? — слабым голосом спросила Стелла Хидальго, вся она как-то странно замерла, словно уже знала ответ.

— Джеймс Ичхоук... я звала его Джимми.

Стелла откинулась на спинку кресла, на ее лице читались шок и испуг. Она тут же вскочила и покинула комнату, не сказав ни слова.

— Что-то не так. Думаешь, она знала Джимми? — шепнула я Уилсону.

— Она определенно ведет себя так, словно узнала его имя, — ответил Уилсон так же тихо.

Мы были прерваны грохотом и бормотанием и тут же вскочили на ноги, готовые уйти.

— Может, нам стоит уйти? — громко спросил Уилсон. — Мисс Хидальго? Мы не хотели вас расстраивать.

Стелла вернулась в комнату, держа в руках коробку.

— Простите, прошу вас подождать. Подождите...минутку.

Мы неохотно сели обратно, наблюдая за тем, как Стелла снимает с коробки крышку и достает фотоальбом. Она стремительно начала переворачивать страницы, останавливаясь на каждой лишь на короткое мгновение.

— Некоторые фотографии пропали. Кто-то взял их. — Стелла изучала страницы, ее взгляд стремительно перемещался от одной фотографии к другой. — Вот! Это не очень хороший снимок, но это он. — Она указала на фото за пластиковым кармашком. Очевидно, она пробыла там очень долго и уже прилипла к пластиковой вставке. Она потянула за нее, но та начала рваться. Сдавшись, Стелла передала альбом мне, преодолев небольшое расстояние между нами на коленях, как будто ей было не шестьдесят, а шесть.

— Ты узнаешь человека на этой фотографии? — требовательно спросила она, ткнув в страницу.

Я посмотрела на пожелтевшую фотографию. Одежда и машины на заднем плане свидетельствовали о том, что это 70-е годы. На снимке были изображены мужчина и женщина, на мгновение мой взгляд задержался на молодой Стелле Хидальго — стройной, улыбающейся, в темно-красном платье и с распущенными по плечам волосами. Она была так похожа на меня, что голова шла кругом. Уилсон замер рядом со мной, также отметив сходство. Когда же я перевела взгляд на мужчину, время остановилось.

Сквозь десятилетия с фотографии на меня смотрел Джимми. У него были черные, распущенные по плечам волосы. На нем были джинсы и узорчатая рубашка со стоячим воротником, модным в те времена. Он был так молод и так красив, и, хотя его взгляд был обращен к человеку, делающему снимок, он обнимал Стеллу одной рукой, а она обнимала его.

— Это тот самый Джимми Ичхоук, который тебя вырастил? — снова требовательно спросила Стелла.

Мои глаза обратились к ней, не в силах выразить то, что я только что увидела. Я молча кивнула.

— Блу? — позвал Уилсон почти смущенно.

— Что вы пытаетесь сказать мне? Что это? — выдохнула я, снова обретая способность говорить и вручая альбом Стелле, которая все еще стояла передо мной на коленях.

— Джимми Ичхоук отец Вайноны, — воскликнула она. — Просто... случайный незнакомец. — Стелла снова открыла альбом. Она была так же сильно шокирована, как и я.

— Черт подери! — выругался Уилсон рядом со мной. Ругательство прозвенело в маленькой гостиной, неожиданно превратившейся в комнату зеркал.

— Мисс Хидальго, вы должны все рассказать, — твердым голосом потребовал Уилсон, прижав меня к себе. — Не знаю, какую игру вы ведете...

— Я не играю в игры, молодой человек! — воскликнула Стелла. — Я *не знаю*, что все это значит. Все, что я знаю, это то, что я встретила Джимми Ичхоука, когда мне был двадцать один год. В 1975-ом. Я окончила колледж и ездила со своим отцом по индейским резервациям в Оклахоме, — говоря это, Стелла покачала головой, словно не верила в то, что говорила.

— Мой отец был членом племенного совета, который пытался вернуть федеральный статус индейцам пайути. Племя пайути утратило свою государственность в 1950 году. Что означало, что сохранить права на наши земли и воду — на то немногое, что у нас было — почти невозможно. Южные пайути почти исчезли с лица земли. Помимо оставшихся группок пайути мы посетили также несколько разных резерваций, чтобы получить поддержку в своем деле.

Голова шла кругом, а положение индейцев пайути стало еще одним пунктом в списке того, что мне было-необходимо-узнать-прямо-сейчас.

— Мисс Хидальго, вам стоит немного продвинуться в вашей истории, — попросил Уилсон.

Стелла кивнула, очевидно, запутавшись в том, с чего начать и что по-настоящему значимо.

— Это была любовь с первого взгляда. Я была замкнутой, он тоже. Нам было очень комфортно друг с другом. Но мы пробыли в Оклахоме недолго, моему отцу не понравился Джимми. Он беспокоился, что я отвлекусь от будущего, к которому шла. — Она повела плечами. — И беспокоился не напрасно. Я мечтала стать следующей Сарой Уеннемака, а после этого я могла думать лишь о том, как бы стать миссис Джимми Ичхоук.

Имя Джимми, произнесенное Стеллой в подобном контексте стало для меня очередным ударом. Я даже не стала спрашивать, кто такая Сара Уеннимака. Другой день, другая история.

— Почти год мы писали друг другу письма. На тот момент я работала на Ларри Шивва, который позже работал в администрации Картера по индейским отношениям. — Стелла ускорила шаг. — Джимми хотел быть ближе ко мне. Он даже на Запад переехал...только для того, чтобы быть рядом. Он был невероятно талантливым резчиком по дереву. Работы принесли ему некоторое национальное признание, и он стал продавать их. Он копил на открытие магазина. — Ее голос затих, и она, казалось, не очень хотела продолжать. Но время молчания миновало, и я подтолкнула ее.

— Стелла. Мне необходимо знать, что произошло, — потребовала я, заставив ее взглянуть на меня. Ее глаза были полны сожаления, плечи поникли.

— Джимми взял свои сбережения и купил на них грузовик и трейлер. И приехал сюда. Он знал, что мой отец не поддержит наш брак. Это загубило бы мою карьеру. А я несла ответственность перед своим сообществом. Я была первой в нашей семье, кто окончил колледж, первой пайути в том числе. Мне было суждено вершить большие дела. Поэтому... мы встречались в тайне от моих родителей. Я злилась на них. Я была взрослой, а Джимми был замечательным парнем и индейцем. И я не понимала, почему не могу иметь и карьеру, и Джимми. Но в итоге я подчинилась родителям. Я обвиняла их, потому что это было намного легче, чем обвинять себя. Я прикрывалась родителями, чтобы как-то извинить себя. Но на самом деле, я была амбициозна и боялась потерять свои амбиции. Я боялась стать, как моя мать — осесть в резервации, всю жизнь быть бедной, никем не замеченной, ничего не добившейся.

— Что произошло? — действительно произнес Уилсон.

— В 1976 году Джимми Картер был избран президентом, и меня пригласили обратно в Вашингтон, в офис по делам Индии, работать ассистентом Ларри Шивва. Мой отец был уверен, что я сыграю важную роль в возвращении статуса племени пайути. И я поехала. А Джимми никогда не просил меня не ехать. Он говорил, что любит меня, но... никогда не умолял остаться.

— Через шесть недель я узнала, что беременна. Я пробыла в Вашингтоне до тех пор, пока мой босс — хороший друг моих родителей — не позвонил им и не сдал меня. На тот момент я была уже на седьмом месяце и не могла скрывать свою беременность за платьями с высокой талией и платками. Я была слишком далеко, чтобы лететь домой, хотя была расстроена, а мои родители опозорены. Я вернулась домой лишь когда родилась Винни. Но Джимми там уже не было. А я была слишком горда, чтобы искать его.

— Джимми так никогда и не узнал? — прошептала я, злясь за человека, который меня вырастил.

— Я так и не рассказала ему...

— Но тогда...как...как он нашел меня? — картинка никак не складывалась. Получалось, Джимми каким-то образом разыскал меня и забрал у матери.

— Я не знаю, — прошептала Стелла. — Но это и не важно...

— Вайнона никогда не знала своего отца? — вежливо поинтересовался Уилсон. Похоже, он был единственным, кто был способен связать две мысли между собой.

— Мы позволили ей думать, что мои родители были ее родителями. Я называла их мамой и папой, и она тоже. Так мы и жили все вместе, если я не была в разъездах. Моя мать растила ее, пока я продолжала работать в отделе по делам Индии. В 1980 году президент Картер подписал документ, возвращающий племени пайути государственный статус, и с тех пор оно стало называться резервацией пайути. Мне нравилось думать, что я приложила к этому руку. Это понимание немного помогало смириться с бардаком в моей личной жизни.

— А как же Джимми? — прошептала я, обескураженная тем, что он так никогда и не узнал о существовании своего ребенка. Джимми, которого я знала, жил очень просто и почти ничего не имел. Я почувствовала, как в груди поднимается злость по отношению к женщине, которая так и не рассказала ему, что у него есть дочь.

— Я не знала, где его искать, Блу. Я должна была стараться сильнее, я знаю. Но времена были другими. В 70-х не было возможности обзвонить индейские резервации. Да и сейчас тебе едва ли это удастся. Мне удалось разыскать мать Джимми, но она умерла за несколько лет до рождения Вайноны. А брат Джимми сказал, что не знает, где он. Я разрывалась на части. Я любила Джимми...но променяла его на мечты и потеряла. Я думала, что, возможно, однажды мы встретимся, и я смогу все ему объяснить.

— Может быть, Вайноне удалось разыскать его? — размышлял вслух Уилсон. — Ее видели в Оклахоме. Зачем ей было ехать туда, если не за этим?

— Но... я не думаю, что Джимми захотел бы вернуться обратно. Не думаю, что она его там нашла, — возразила Стелла, озадаченная всем этим.

— Но она не могла об этом знать, так? Могла ли она узнать о своем отце как-то иначе?

— Мой отец скончался, когда Винни было пятнадцать, а мама умерла на следующий год. Винни очень тяжело переживала их смерть. Я подумала, что настало время рассказать ей, что я ее мама. Я подумала, что тогда она не будет чувствовать себя такой одинокой. Оказалось, я не очень хорошо чувствую подобные вещи, потому что она восприняла это довольно тяжело. Она тут же захотела узнать все о своем отце и...почему его не было рядом. Я объяснила ей, что это моя вина. Но она, похоже, не поверила мне. Я показала ей несколько его фотографий. Думаю, это она забрала их. — Стелла указала на пустые ячейки для фотографий, не прерывая рассказ.

— Она стала срываться в школе. У нее было несколько стычек с полицией под наркотиками. А потом она забеременела. Все разговоры об отце прекратились. Думаю, она забыла об этом, сосредоточившись на других вещах. Мы больше никогда не говорили об ее отце.

Стелла Хидальго стала убирать фотоальбом обратно в коробку, как вдруг призадумалась и начала шарить по ней, извлекая содержимое.

— Письма пропали, — сообщила она и посмотрела на меня. — Письма пропали! Я хранила все письма Джимми. В этой коробке. Я не открывала ее больше двадцати лет, с тех пор, как я показала Вайноне фотографии.

— В письмах могла обнаружиться полезная информация, включая обратный адрес, — заявил Уилсон. Стелла кивнула и погрузилась в молчание, смиряясь с мыслью, что Вайнона могла отправиться на поиски отца.

— Когда я в последний раз говорила с Винни, она не переставая говорила о человеке, который никогда не брал на себя ответственность... и о несправедливости жизни, — голос Стеллы был задумчивым, и по всему было видно, что она копается в воспоминаниях. — Я подумала, что она говорит об Итане. Она говорила, что собирается призвать его к ответу и заставит его ответить за то, что он сделал. Я подумала, что она говорит об Итане, — снова повторила Стелла. — И испугалась. Она была в ярости, произнося эти слова. Я даже позвонила Итану и предостерегла его. Мне не нравился Итан Джекобсон, также, как и его семья, но я не хотела, чтобы Винни навредила ему, действуя скорее из соображений ее безопасности, нежели его.

— Она не нашла Джимми в Оклахоме, но, возможно, его брат рассказал ей о Шерил? — произнесла я, рассматривая возможности. Стелла сосредоточенно и слегка удивленно взглянула на меня.

— Шерил? Шерил была немного моложе Джимми. Ей было не больше двадцати, когда мы встретились, она не жила в резервации. Ее мать была белой женщиной, с которой отец Джимми завел интрижку. Я узнала о ее существовании только из-за того, что Джимми испытывал очень сложные чувства к отцу, по большей части из-за этой интрижки.

Я с трудом могла представить себе двадцатилетнюю Шерил. Сейчас ей было далеко за сорок, и она не очень соответствовала этому возрасту.

— Шерил живет в Неваде. Она растила меня после смерти Джимми, — объяснила я, надеясь, что весть о кончине Джимми не слишком шокирует мою бабушку, но она только кивнула, как будто знала об этом.

— Брат Джимми прислал мне письмо, когда нашли его останки. Но он никогда не упоминал о тебе, — сдавленно произнесла Стелла.

— Он и не должен был. Мы никогда с ним не встречались. Семья Джимми ничего обо мне не знала, — объяснила я.

Мы сидели молча, каждый мысленно распутывал клубок из тайн и размышлял, что привело нас к этой части истории.

— Джимми сказал, что нашел меня в ресторанной будочке. Я спала. Он дождался возвращения мамы. Он рассказывал Шерил, что она вела себя странно, но он подумал, что это из-за того, что *он* был незнакомцем, сидящим рядом с ее ребенком. Возможно, она вела себя так, потому что узнала его и была удивлена.

— Мы знаем, что Джимми не причинял вреда твоей матери, Блу. Полиция нашла того, кто это сделал, — выразительно произнес Уилсон, словно знал, какие мысли могут возникнуть в моей голове.

— Джимми никогда не обидел бы ни одно живое существо, — согласилась Стелла. — Но я не понимаю, как ты оказалась у него?

— Он сказал, что на следующее утро обнаружил меня спящей в кабине своего грузовика.

— Значит, так оно и было, — убежденно сказала Стелла. — Джимми Ичхоук не был лжецом. Должно быть, Вайнона проследила за ним и подбросила тебя. Возможно, она собиралась вернуться. Возможно, она хотела рассказать ему, кто она. А может быть, она приняла огромную дозу наркотиков и была в отчаянии... — Стелла высказывала одно предположение за другим, пока ее голос не стих. По каким-то своим причинам Вайнона сделала то, что сделала, и никто уже не узнает почему.

— Джимми был моим дедом, — пробормотала я, придя к выводу, который был очевиден с той минуты, как бабушка показала мне его фото. — Я и правда Ичхоук.

Наконец-то, мне больше не хотелось плакать. Совсем наоборот. Мне хотелось смеяться. Мне хотелось вздеть руки к небу и танцевать, воздавая ему хвалу и молитвы. Я хотела бы рассказать об этом Джимми. Сказать ему, что люблю его. Извиниться за то, что сомневалась в нем. Уилсон и Стелла наблюдали за мной, челюсти Уилсона были плотно сжаты, в глазах плескались эмоции. Я потянулась к нему и поцеловала его в губы, прямо при бабушке. Ей придется к этому привыкнуть. Затем я повернулась и обратилась непосредственно к ней.

— Когда Шерил призналась мне, что Джимми не мой отец, это был худший день в моей жизни. Я потеряла его не только физически, но во многих других вещах. Я не знала, кто я. И понимала, что не знаю, кем был *он*. — Я замолчала, справляясь со рвущимися наружу эмоциями. — Но все равно он принадлежал мне. А я принадлежала ему.

Стелла заплакала. Когда я закончила говорить, из ее груди вырвался стон облегчения, а я опустилась перед ней на колени и сделала то, на что никогда не была способна до Уилсона. Он скорбел вместе со мной, поддерживал меня, помогал идти

вперед и ничего не просил взамен. И поскольку он сделал это для меня, я смогла открыться и ей. Я крепко обняла ее и не отпускала. Я почувствовала, как она прильнула ко мне, а затем вцепилась в меня, всхлипывая и оплакивая человека, с которым плохо поступила, дочь, с которой не справилась, и деда, которого потеряла. Так много тайн, так много неверных решений, так много боли.

Глава 30

Небо

Наконец я встретилась и с Итаном Джекобсоном. Я была полна тайн, полна скелетов и незнания. Я снимала паутины и тяжелые шторы, позволяя дневному свету осветить жизнь, которая представляла собой сплошные темные углы. Встреча не была ни длительной, ни приятной. Итан Джекобсон оказался обычным парнем с пухлой женой, парой милых белобрых ребятшек — Сейлор и Сейди — и пятнистым псом. Мой отец полностью утратил сходство со своей школьной фотографией. На смену хмурой юности и торчащим светлым волосам пришли улыбка и седина. Он был тихим человеком среднего возраста. Единственной вещью, которая не изменилась, были его поразительные голубые глаза. Он посмотрел на меня этими голубыми глазами и, очевидно, заметил, что у меня точно такие же. Я уверена, он заметил также мои черные волосы, оливковую кожу и сходство с девушкой, о которой он когда-то заботился, по крайней мере некоторое время.

Меня, однако, он не отверг. Он сказал мне, что он мой отец и что будет рад узнать меня получше. Он расспрашивал меня о моей жизни, мечтах, о будущем с Уилсоном. Я отвечала уклончиво. Пока он не заслужил моего доверия. Возможно, однажды заслужит. Я пообещала быть на связи. Мне хотелось узнать своих сестер. Сидар-Сити находился всего в трех часах езды от Боулдера, так что я могла к ним ездить. Семья приобрела для меня особую важность, так как у меня была дочь, которой однажды понадобятся ответы. И я смогу предоставить их. В мельчайших подробностях.

Я спросила бабушку, стоило ли...менять деда на работу? Я не хотела ранить ее, просто хотела понять. Она выдала кучу фактов и интересных подробностей.

— Ну, в 1984 году пайути получили 4,470 акров земли на юго-западе Юты и 2,5 миллиона долларов, который мы пустили на развитие экономики и услуг племени. Наша медицина стала намного лучше, так же, как и образование. Мы смогли построить новые дома, открыть и обслуживать пару фабрик. Но мы продолжали борьбу за право на воду, за свои земли и за процветание людей. Всегда было чем заняться. — Она весело улыбнулась, но руки ее дрожали, и она избегала моего взгляда. Спустя некоторое время она снова заговорила:

— По правде сказать, на личном уровне это того не стоило, Блу. Когда все сказано и сделано, когда существует столько благородных причин, когда совершено столько добрых дел и существует еще столько работы, мы жертвуем всем, становясь представителями, а не возлюбленными, организаторами, не женами и гласом народа, не матерями. Я отдала все, что имела, во имя добра, но взгляни, скольким людям я причинила боль. Работа всей моей жизни оказалась важнее людей в ней.

— Я думал о той истории, которую ты рассказала мне в день, когда родилась Мелоди, — хмыкнул Уилсон, нахмурившись и поджав губы. Он играл на виолончели в моей маленькой гостиной, как делал каждую ночь, если я не занималась вырезанием. В этом случае мы наполняли подвал сладкими звуками струн и шлифования. Дни, когда я слушала его игру через вентиляцию, остались позади.

— Та, про которую ты сказал «отстой»? — буркнула я, желая, чтобы он сыграл еще одну песню. Я сидела полусонная в своем кресле, и низкие тона расслабляли и навевали дрему. Это было подобно эликсиру, и я сходила с ума как от музыки, так и от музыканта.

— Да. Та самая, ужасная. Зря ты не признаешь «Айвенго». А как там звали охотника?

— Ваупи. Белый ястреб.

— Точно. Белый ястреб любил звездную деву, они были счастливы вместе, но она решила забрать детей и улететь в небо, оставив его.

— И почему ты думал о ней? — зевнула я, поняв, что он не станет играть дальше, пока не разберется с тем, что его мучает.

— Я только что осознал, что это история Джимми. — Уилсон рассеяно коснулся струн, ясный взгляд расфокусировался. Он весь был поглощен своими размышлениями. — Стелла ушла и забрала с собой ребенка. Даже имена совпадают.

Я никогда не думала об этом. Но Уилсон был прав. Это было очень похоже на историю Джимми. Только у него не было счастливого конца.

— Но звездная дева вернулась к Белому ястребу, Уилсон. Я ведь так и не дорассказала тебе эту историю. Ее сын скучал по отцу, поэтому она вернулась.

— А ты знала, что Стелла означает звезда? — перебил Уилсон, словно только что, что-то понял.

— Разве?

— Да. Так что у нас есть Ястреб и Звезда. И Сапанна. — Уилсон загибал пальцы, перечисляя имена. — Это его история, — произнес он тихо.

Я в несогласии помотала головой.

— Джимми так и не вернул себе свою семью. Отец звездной девы превратил свою дочь, Ваупи, и ее сына в ястребов, и они смогли летать между землей и небом, были вместе. Но никто из нас не был вместе.

— Но ты-то вернулась к Джимми, Блу. И была вместе с ним.

— Полагаю, да, — согласилась я. — Но Сапана не из этой истории, дорогой. — Я нежно улыбнулась ему, используя его собственное ласковое словечко. — У нее своя собственная история.

Уилсон отложил виолончель, встал и стал склоняться над креслом, пока мы не оказались в нескольких дюймах друг от друга — серые глаза напротив голубых, губы напротив губ. Он зашептал в мои губы:

— Само собой... Саванна Блу. И эта история жаждет быть рассказанной.

— Маленькая птичка, выпавшая из гнезда? — прошептала я, обнимая его за шею.

— Или оставшееся там. Все зависит от того, как ты ее расскажешь.

Однажды давным-давно жила была маленькая птичка, которая осталась в гнезде. Желанная. Любимая. И бесстрашная, потому что она была ястребом — очень красивым, достойным заботы и любви...

Конец